

**ЖИЛИЩА НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. В. КИРПИЧЕВА

ЖИЛИЩА НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Под редакцией канд. ист. наук М. С. Усмановой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1991

Жилища народов Западной Сибири: Сборник/Под ред. М. С. Усмановой — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. — 144 с. 1 р. 40 к. 500 экз. 0505000000

Сборник «Жилища народов Западной Сибири» посвящен научному описанию жилищ, усадеб, поселений древнего и современного населения Западной Сибири. Статьи написаны на основе оригинального археологического и этнографического материала, позволяющего представить бытование различных форм жилищ в широком временном и пространственном диапазонах. Статьи этнографов посвящены жилищам хантов, телеутов, шорцев, сибирских татар, русских. В статьях археологов рассматриваются памятники Новосибирского Приобья, районов Нижней и Средней Оби, Таяжского Припиртышья и т. д.

Для археологов, этнографов, студентов исторических факультетов, краеведов

Рецензент — канд. ист. наук Л. М. Илетнева

ISBN 5—7511—022—0

Ж 0505800000
177(012)—91—21—90

А. А. Адамов

ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ БОРОВОЕ-1

В Новосибирском Приобье исследован ряд памятников начала II тыс. н. э. Материалы раскопок поселения Ордынское 5, где вскрыто наземное жилище, опубликованы [Романова 1972. С. 60 — 65]. В 1985 г. автором проведены работы на поселении Боровое-1 и получены данные, позволяющие судить еще об одном типе конструкций жилищ начала II тыс. н. э.

Поселение расположено в Тогучинском районе, Новосибирской области, в пойме левого берега р. Иня, в 2,5 км к ЮЗ от с. Боровое, на четырехугольном плоском холме высотой до 8 м возвышающемся над поймой. Памятник был открыт В. И. Молодиным, в 1970 г. определившим его как городище [Трощакая, Молодин, Соболев, 1980. С. 114], однако отсутствие оборонительных сооружений позволяет считать памятник все же поселением.

Поселение насчитывало 25 земляночных западин (рис. 1). Из них четыре пары были соединены хорошо различимыми переходами, и в одном случае были соединены между собой три западины. Раскоп площадью 165 кв. м был заложен у юго-западного края останца и захватывал три хорошо видимые земляночные западины. Две из них были соединены нешироким проходом, третья имела выход. Культурный слой в раскопе представлен черным и темно-коричневым суглинком мощностью до 70 см. Материк — ярко-желтый суглинок. Находок немного: это фрагменты керамики и обломки костей.

В раскопе выявлено три котлована от жилищ (рис. 2).

Жилище № 1. Котлован ромбовидной формы размером 5,16 × 5,3 м, углублен в материк от 10 до 33 см. Заполнен мешаным суглинком черного, темно-коричневого и желтого цветов. В центре котлована прослежен очаг открытого типа размером 51 × 57 см и мощностью 15 см. С северо-восточной стороны котлована прослежен выход шириной 84 и длиной 114 см. В жилище рядом с очагом выявлена ямка размером 22 × 38 см и глубиной 25 см. Из находок нужно отметить два скопления фрагментов керамики от одного сосуда и каменное точило.

Жилище № 2. Котлован подквадратной формы размером $4,84 \times 5,10$ м, глубиной от уровня материка от 11 до 35 см. В центре жилища прослежен очаг открытого типа диаметром 40 см и

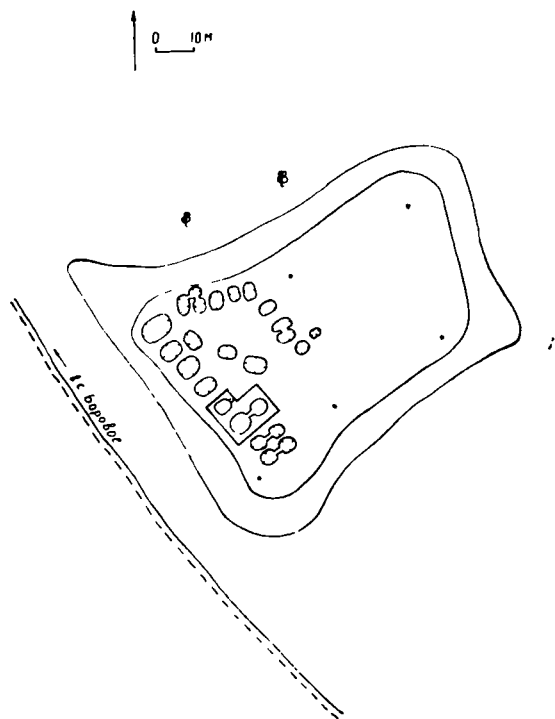

Рис 1 План поселения Боровое-1

толщиной 8 см, над прокалом выявлен слой пепла толщиной до 6 см. Жилище имело выход с северо-восточной стороны. Его ширина 64 см. На дне котлована в западной части прослежен слой пепла толщиной 5—10 см, в нем обнаружены фрагменты сосуда. В южном углу жилища была яма диаметром 27 см и глубиной 24 см. Как и жилище № 1, котлован заполнял мешаный суглинок.

Жилище № 3. Котлован квадратной формы, размером $3,92 \times 4$ м, углублен в материк от 20 до 36 см. В центре очаг открытого типа размером 42×57 см и мощностью 8 см. В юго-западной стенке котлована прослежен выход шириной до 1 м и длиной 1,15 м. Ям в жилище не выявлено. В центре, почти над очагом, находился сосуд в обломках. В заполнении котлована обнаруже-

ны остатки сгоревших жердей, по всей видимости, от перекрытия жилища. Прослеживаются продольные и поперечные жерди. Среди жердей лежали фрагмент берестяного полотна и кусок коры.

Работы на поселении Боровое-1 позволили судить о конструкции жилищ. Жилища были однокамерными, а видимый до раскопок переход из одной западины в другую был образован расположенными близко друг к другу выходами из жилищ 1 и 3. Учитывая правильные геометрические формы котлованов, отсутствие столбовых ям как в котлованах, так и рядом с ними, мы мо-

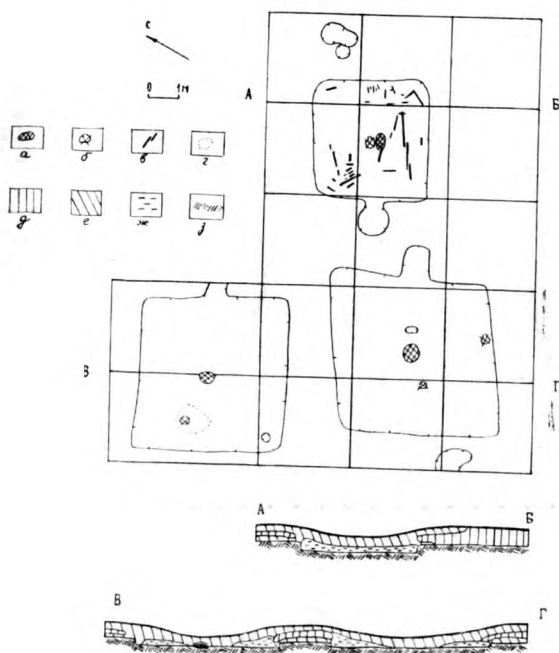

Рис 2 План раскопа на поселении Боровое-1 а — прокол, б — обломки сосуда, в — горелые жерди, г — пепел, д — черный суглинок, е — темно-коричневый суглинок, ж — смешанный суглинок, з — желтый суглинок

жем реконструировать раскопанные жилища как срубные. Под основание постройки выкапывался неглубокий котлован, в который впускался сруб. В одной из стенок делался неширокий выход. Сеней, по всей видимости, не было. Крыша могла быть, как двускатной из жердей, перекрытых берестой, корой и присыпанной землей с оставлением дымового отверстия, так и конической, как у срубных жилищ алтайцев [Попов А. А., 1961. Табл. 11, 2; 12, 4].

Датировать поселение можно только на основании анализа керамического комплекса. Всего найдены фрагменты керамики не менее чем от 9 сосудов. Сосуды круглодонные с выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Орнамент представлен ямочными вдавлениями, гребенчатым штампом, оттисками палочки, прочерченными линиями, причем пять сосудов имеют только орнамент по венчику и ямочные вдавления по шейке, остальные сосуды утрачены не более чем на одну треть.

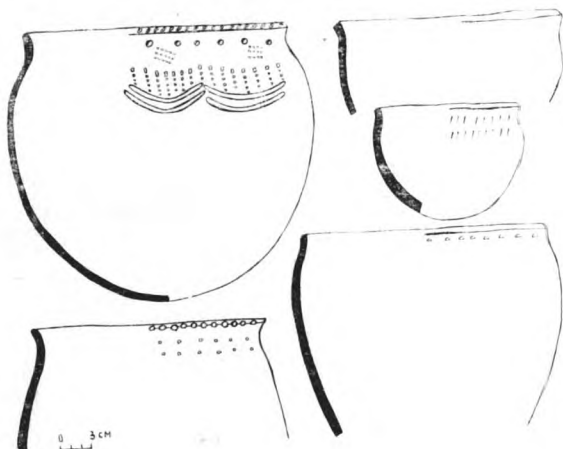

Рис. 3. Керамика поселения Боровос-1

Аналогичная керамика широко представлена на памятниках Новосибирского Приобья. На городищах Седова Заимка [Романцова В. Д. 1978. Рис. 2], Умна — 4, Черный борок — 20, поселении Ордынское — 5 [Романцова В. Д. 1972. Рис. 2]. Она датировалась в пределах I половины II тыс. н. э. (XII—XIV вв.) [Романцова В. Д. 1972, с. 64] (XI—XIII вв.) [Романцова В. Д. 1978. С. 90].

После находок аналогичных сосудов в курганном могильнике Березовый остров-1 можно уточнить датировку этих памятников в пределах X—XII вв. и объяснить появление подобной керамики, не связанной с местными традициями, продвижением сюда в X в. носителей сросстинской культуры (Гроницкая Т. Н., Адамов А. А.), поскольку керамика, близкая нашей, встречается во многих сросстинских могильниках: Бобровском [Арсланова Ф. Х. 1980. Рис. 3], Ближних Елбанах [Грязнов М. П. 1956. Табл. VI, 4; VII, 7], Камышинке [Арсланова Ф. Х. 1972], Зевакинском могильнике [Арсланова Ф. Х. 1972], Грязново [Могильников В. А., Неверов С. В., Уманский А. П., Шемякина А. С. 1980. Рис. 4, 11],

Ине [Уманский А. П. 1970], Гилево [Могильников В. А. 1981. Рис. 26, 53].

Определяя памятники X—XII вв Новосибирского Приобья как сrostкинские, можно отметить, что сrostкинское население владело рядом строительных приемов в возведении жилищ. Это исследованные на поселении Боровое-1 четырехугольные срубные жилища, слегка углубленные в землю. О довольно широком распространении у сrostкинцев срубной техники говорят погребальные сооружения [Савинов Д. Г. 1984. С. 117]. Другой тип жилища это наземные постройки, присыпанные землей. В Новосибирском Приобье это поселение Ордынское-5 (Романцова В. Д. 1972), а на Кузбассе — поселение у г. Гурьевска [Елькин М. Г. 1974].

Интересно расположение поселений. Поселение Боровое-1 находится в пойме р. Ини непосредственно у воды, поселение Ордынское-5 — в сосновом лесу на значительном удалении от надпойменной террасы. Возможно, что срубные жилища были летниками, а наземные постройки, утепленные землей, — зимниками, как это было у якутов [Зыков Ф. М. 1986. С. 78].

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье //Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата. 1972.

Арсланова Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстано-го Прииртышья//Средневековые древности евразийских степей М. 1980

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби МИА 1956 № 48.

Елькин М. Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска ИЛАИ 1974 Вып. 5

Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX - начало XX вв.) Историко-этнографическое исследование. Новосибирск 1986

Могильников В. А. Кимак. Сrostкинская культура//Степи Евразии в эпоху средневековья М. 1981

Романцова В. А., Неверов С. В., Уманский А. П., Шемякина А. С. Курганы у деревни Грязново//Древняя история Алтая. Барнаул. 1980.

Попов А. А. Жилище//Историко-этнографический атлас Сибири М — Л. 1961

Романцова В. Д. Жилища поселения Ордынское-5//ИТ НГПИ, Новосибирск. 1972. Вып. 38

Романцова В. Д. Городище Седова Заньма//Этнокультурные явления в Западной Сибири Томск 1978

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху Л. 1984

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. П. Археологическая карта Новосибирской области Новосибирск 1980.

Троицкая Т. Н., Адамов А. А. Смена археологических культур в Новосибирском Приобье на рубеже I и II тыс. н. э. (в печати)

Уманский А. П. Археологические памятники у с. Иня//Известия Алтайского отделения Географического общества СССР. 1970. Вып. 11.

П. Е. Бардина

ОБЖИВАНИЕ НОВОГО ДОМА У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Русское население Среднего Приобья, как и всей Сибири, является частью русского этноса, сохранившего при переселении с конца XVI в. свои древние традиции и выработавшего некоторые новые. Строительство и обживание жилища у восточных ставян сопровождалось определенными обрядами и представлениями, исследованными в последнее время работами А. К. Байбурина по записям XIX—начала XX вв. [Байбурин А. К. 1976, 1983 и др.]. У русских Среднего Приобья обрядовая сторона жилища почти не исследована. Некоторые сведения по самой северной части — Сургутскому краю — имеются в работе И. Я. Неклепаева [Неклепаев И. Я. 1903]. В интересном исследовании М. М. Громыко [Громыко М. М. 1975] трудовых традиций русских крестьян всей Сибири по архивным материалам XVIII — первой половины XIX вв. некоторые данные относятся и к Среднему Приобью. В настоящей статье исследование проведено в основном по полевым материалам автора 1975—1984 гг. и относится к концу XIX—первой четверти XX вв.

Выбор места для дома, материала для строительства — сам процесс сооружения дома не ограничивался практическими действиями, но и сопровождался различными запретами, обрядами и приметами. Наряду с общерусскими (как запрет строить дом на дороге или из деревьев, срубленных на кладбище и т. п.) у русских Приобья были и местные запреты, связанные с близким соседством сибирских народов (хантов, селькупов и др.). Так, нельзя было строить дома и охотничьи избышки в лесу на местах или вблизи от культовых мест аборигенов, нельзя было строить из деревьев, срубленных с этих мест. Распространены были былички об охотнике, построившем избышку на «шайтанском» месте и вынужденном покинуть или сжечь ее из-за преследований «шайтана».

Важным моментом в освоении жилища было переселение в него. В жизни каждого человека это было иногда всего один раз и должно было обеспечить благополучие всей последующей жи-

зни. Новый дом перед вселением обязательно достраивали до конца: «чтобы зайти в дом — как в сапог вступить». После постройки дома его считалось необходимым «обмыть», чтобы можно было без опаски селиться. Это «обмывание» состояло из некоторых действий до перехода и во время перехода. До вселения иногда разбрасывали на полу в новом доме золу, сор, сено [Неклепаев И. Я. 1903 С. 178] или заметали весь мусор в угол. В некоторых случаях сохранялся обычай обязательной переночевки кошки (иногда с петухом и квашней) до вселения самих хозяев. По восточно-европейским материалам это было довольно распространенное явление. А. К. Байбурин рассматривает его как моделирование временного аспекта жизни людей в новом доме, когда живое существо выступало в роли ритуального двойника человека [Байбурин А. К. 1983 С. 105].

Переселение в новый дом довольно часто совпадало с разделом семьи. В этом случае глава семьи (отец) брал булку хлеба, разрезал ее на части по количеству отделяющихся сыновей и отдавал часть каждому сыну со словами: «Ну, неси в свой дом!» Считалось, что с каждым из отделяющихся сыновей пойдет свой домовый — сын домового отца, так как «сколько у отца сыновей, столько и у домового сыновей». Домового обязательно приглашали при переселении с собой: «домовой-родовой, вот тебе сани, поедem с нами» — и совали под печку кожаную «обутку». Иногда открывали подполье и звали, держа в руках хлеб-соль: «Ну, миленький, мы уходим, поедem с нами!» Или просто произносили без каких-либо действий: «Хозяин с хозяйшкoй поедemте с нами, но не идите за мной, а идите стороной», или «Дедушка-суседушка, поедem с нами». Считалось, что после таких приглашений домовый переходит сам. Иногда кроме старого «обутка» (по-видимому, аналога европейскому лаптю), домового символически переселяли при помощи веника, который также совали под печку, а затем переносили в новый дом. Если же забывали вовремя позвать с собой домового, он начинал «шалить» в новом доме, щипать по ночам и т. п. Чтобы исправить это, пекли из теста «колобашки», клали их наотмашь в подполье, в четыре угла или ходили на кладбище и клали угощение на могилу какого-нибудь своего родственника. Последнее особенно характерно, так как известно, что образ домового тесно связан с культом предков [Токарев С. А. 1957. С. 97; Померанцева Э. В. 1975. С. 93; Громыко М. М. С. 280—281 и др.]

Вторым этапом при переселении был сам момент вселения. Для этого ответственного шага выбирали определенный день недели и даже час дня. Селиться считалось лучше всего на полный месяц и на какой-нибудь праздник. Выбирали для переселения

«легкие» дни: среду, четверг, пятницу или субботу, но не понедельник и не воскресенье. Выбор времени суток не был одинаковым у всех: одни считали лучше переселиться под вечер — «ночевать в новую избу пойдем», другие, наоборот, старались переходить рано утром, чтобы никто не видел. У русских Сургутского края, самой северной части Среднего Приобья, в конце XIX в., по описанию И. Я. Неклепаева, был интересный обряд перехода в новый дом с участием большого числа гостей. В назначенный день в новом доме собирались гости и ожидали прихода хозяев. Среди гостей обязательно был один опытный старик, который вел весь обряд. Хозяин с хлебом-солью и иконой, хозяйка с кошкой, курицей и квашенкой стучали в дверь и между ними и гостями завязывали своеобразный диалог встречи [Неклепаев И. Я. 1903. С. 178]. По-видимому, эта общественная форма освоения нового жилища является более архаичной, чем индивидуальная, одной семьей.

В момент переселения было обязательным перенесение в числе первых предметов определенных предметов-символов. Набор их различен у разных групп русского населения исследуемого региона. Здесь нередко в одном селе жили выходцы и их потомки из самых разных мест европейской части России. Чаще всего было известно, что принято переносить первым, чем у других, но сохранялись традиции, усвоенные от своих родителей. В этом проявлялось, возможно, некоторое противопоставление, самоутверждение именно своих традиций. Отсутствие единообразия в наборе первых предметов-символов, но и наличие некоторых общих черт, вероятно, связано с тем, что к началу XX в. некоторые элементы обряда были уже утрачены. А также это является отрижением разновременных этапов развития представлений об освоении жилища.

Общим было требование, кроме приглашения домового, не входить в новый дом «без ничего». Обнаружение в новом доме не соответствующих предметов (например, помела в переднем углу, решета в трубе) могло рассматриваться как колдовство и послужить причиной отказа от заселения [Андреев Я. 1860].

У русского населения Европейской России распространено было поверье о скорой смерти в новом доме, особенно того, кто зашел в него первым [Бломквист Е. Э. 1956; Байбури́н А. К. 1983. С. 112 и др.]. В нашем регионе это поверье сохранилось у нарымских старожилов, поэтому у них при переселении первым через порог должен был перешагивать самый старейший член семьи (кроме того, для предупреждения близкой смерти хозяина считалось обязательным положить в угол нового дома «самородный» (цельный) камень. Такой камень был редкостью в болотистом Нарым-

ском крае и может рассматриваться как заместительная жертва дому.

Систематизация всего имеющегося в нашем распоряжении материала доказала, что из наборов предметов-символов можно выделить четыре основные группы (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Предметы-символы, вносимые первыми	Район	Группа русского населения
1а Кошка, петух, квашня	Кожевниковский	Старожилы, переселенцы
Кошка, квашня	Кожевниковский	Старожилы
Кошка, икона	Чаинский	Переселенцы
Кошка, курица	Шегарский	Переселенцы
Кошка	Парабельский	Старожилы
1 б Кошка, квашня с тестом, икона	Чаинский	Переселенцы
Кошка, квашня, икона	Чаинский	Старообрядцы
Кошка, икона	Чаинский	Старообрядцы
Кошка, квашня	Кожевниковский	Старожилы
Кошка, хлеб-соль	Кожевниковский	Старожилы
Кошка, хлеб-соль, иконы	Шегарский	Переселенцы
Иконы, хлеб-соль, кошка, курица, квашня	Сургутский	Старожилы
Хлеб-соль, стол, икона, кошка	Шегарский	Старожилы
Кошка	Парабельский	Старообрядцы
Петух	Кожевниковский	Старожилы
2 Иконы, стол, хлеб-соль	Кривошеинский	Старожилы
Иконы, хлеб-соль	Кожевниковский	Старообрядцы
	Чаинский	Переселенцы
Квашня с тестом	Чаинский	Старообрядцы
Квашня, чашка с хлебом	Кривошеинский	Старожилы
3 Иконы, хозяйка с детьми и всё, чем она занимается у печи	Чаинский	Переселенцы
4 Хлеб-соль, кошка, корыто с грязным бельём	Кривошеинский	Старожилы
Корыто стиральное, иконы, стол	Томский	Старожилы
	Кожевниковский	Старожилы
Корыто стиральное или ванна	Кожевниковский	Старожилы
Бачок с грязным бельём	Шегарский	Старожилы

1. С живым существом: кошкой или петухом, курицей и чаще всего вместе с квашней и иконами. Известно в двух вариантах: оставление на ночь (1а) и запуск первыми при переходе (1б).

2. С подчеркнутым отсутствием кошки или другого живого существа. Набор включал иконы, хлеб-соль, стол, квашню

3. С околочными атрибутами и иконами.

4. С поганым корытом. В набор входили хлеб-соль, иконы, стол, кошка. Нами зафиксированы такие толкования символики переселения кошки: она — любимица домового; символ веры и верности (ждет хозяев, возвращается хоть откуда в свой дом); кошка должна обжить новый дом; способна предсказывать жизнь в новом доме. Так по масти кошки узнавали, какая скотина будет водиться в хозяйстве. Например, если запущенная рыжая кошка умирала через несколько дней после переселения, то рыжее ничего водиться не будет, и не заводили рыжих коров, петухов и пр.

В других случаях, отнесенных ко второй группе, считали, что кошку нельзя первой запускать — она предвестница ссоры или, что это «погань». Иногда про переселение кошки просто не слышали.

С запуском первым петуха здесь связывалось представление о хозяине дома: «петух — это как хозяин». Но в других случаях отмечено, что курицу или петуха нельзя первыми запускать: «Это — пух, это — плохо».

Обычным было перенесение первыми икон, чаще всего креста-распятия и «благословенных икон», которыми благословляли родители при вступлении в брак. Перенесение их сопровождалось молитвами и иногда разбрызгиванием святой воды. Общий мотевен устраивали при завершении перехода, а для освящения дома позднее приглашали священника. Но все остальные моменты обряда говорят о том, что далеко не эти христианские действия были главными при обживании дома. Иконы заносил обычно хозяин дома, а хозяйка след за ним, или иногда вперед него запускала кошку и заносила квашню. В одних случаях квашня была с тестом, в других — пустая, иногда ее проносили в передний угол и ставили на лавку, а иногда ставили за порог, еще не входя в дом. Считалось, что квашня призвана обеспечить достаток в семье, а, кроме того, квашня с тестом должна была задобрить домового. Зафиксирована также связь квашни с образом хозяйки семьи: «как квашня никуда не уйдет, так и хозяйка никуда не уйдет». О квашне как символе благополучия и плодородия широко известно по восточноевропейским материалам [Чичеров В. И. 1957. С. 90; Байбурин А. К. 1983. С. 115, и др.]. Таким же символом были хлеб-соль. Они рассматривались также не только как

пожелание благополучия своей семье, но и как подношение домовому.

В других случаях после переноса хозяином икон заходила хозяйка с детьми и «переносила все, чем она занимается у печи». Здесь прослеживается наибольшая связь с очагом как древнейшим центром дома. В целях благопожелания своему хозяйству существовали запреты давать огонь из своей печи и выбрасывать головни. Через трубу печи, с первым дымом, вызывали потерявшуюся скотину или долго отсутствующего члена семьи.

У старожилов южной части региона (Кожевниковского, Кривошеинского, Томского и Шегарского районов Томской области) зафиксировано перенесение первым поганого корыта с грязным бельем или, в поздних вариантах, ванны, бачка с бельем. Смысл этого разъясняли так: «чтобы все было как в старом доме». Корыто затаскивала хозяйка волоком, пятясь через порог. Иногда же она его заносила в руках и ставила в «кути». С корытом иногда запускали кошку, переносили хлеб-соль, стол, иконы. Информаторы, которые только слышали об этом у других, не воспринимали его: «зачем грязь тащить?», «это — пустяк».

Многие, особенно за пределами этих районов, о таком обычае не слышали. По-видимому, перенесение первым корыта было локальной традицией. Устойчивая связь ее именно со старожиловым русским населением позволяет предположить большую архаичность этого явления. Возможно перенесение корыта с грязным бельем аналогично перенесению сущности обжитого, как и перенесение лукошка навоза у русских европейской части [Байбурин А. К. 1983. С. 106]. Большую роль имело, по-видимому, само «поганое» корыто. У сургутских старожилов, оно, например, выполняло охранительную функцию [Неклепаев И. Я. 1903. С. 203]. Второй стороной этого символа было наличие грязного белья. Соотношение «грязного» практически и символически было совершенно различным. В символическом смысле «поганое» корыто с грязным бельем, как и разбрасывание сора перед вселением, по-видимому, были необходимым условием снятия новизны дома и превращения его в обжитой. Аналогичным является, по-видимому, опасливое отношение к новой одежде и к новым орудиям труда. Характерно, что у русских и аборигенных охотников Нарымского и Сургутского краев было не принято умываться на охоте, чтобы не смыть удачу [Неклепаев И. Я. 1903. С. 190]. Стоит подчеркнуть еще, что часть информаторов, у которых выполнялся обряд с «поганым» корытом, имели среди своих предков представителей аборигенного населения.

Одним из первых в дом вносился также стол. Чаще всего это сопровождалось угощением всех присутствующих за этим сто-

лом, поставленным в передний угол. Но это еще не было новосельем, которое устраивали спустя некоторое время.

В первую ночь после переселения старались оставить кого-нибудь чужого на ночь [Неклепаев И. Я. 1903. С. 178]. Вся дальнейшая жизнь в доме в большой степени связывалась с отношением домового к семье и хозяйству.

Считалось, что, если не угодить домовому, он начнет выживать из дома, и не отступится, пока не выживет: в доме будет трещать, стучать, все падать и пр. По собранным материалам, неблагоприятное отношение домового к человеку наблюдается чаще при ночевке в чужом доме, т. е. к гостю хозяев. Домовой представлялся в образе реального хозяина дома: в такой же одежде, с такими же привычками, например, покашливал. Реже он рисуется в образе седого старичка или в виде чего-то неопределенно круглого и лохматого. Иногда считалось, что домовый — это паук-«котама». Если в доме жила одна вдова, то считалось, что у нее только «хозяйка» — женский образ домового, а если полная семья — то «хозяин» и «хозяйка».

Чаще всего образ домового связывался с уходом за скотом, особенно лошадьми. При покупке новой скотины ее вводили во двор через расстеленный на земле пояс хозяина (в некоторых местах через полотенце, платок или фартук хозяйки) и договаривали: «Соседушка-братанушка, люби нашу скотинушку», или «Хозяин-батюшка, люби нашу скотину». Но если масть коровы не нравилась домовому, он гонял их по ночам, и они худели и плохо выглядели. Хозяин обычно продавал эту скотину и покупал другой масти, после чего якобы домовый любил скотину и ухаживал за ней. Для умиловления домового давали ему угощения под печку, в подполье, во дворе или на могиле родственника. Вера в домового, а также обычай его приглашения в новый дом были повсеместно распространены на Руси [Померанцева Э. В. 1975. С. 93, 96 и др.].

Несколько особняком стоят поверья, связанные со входом в нежилой дом, охотничью избушку и пр. Пустующих домов очень боялись, без надобности в них не заходили, считали, что там «чудится», поселяется нечистая сила и пр. Уходя из старого дома, полагалось оставлять в нем хотя бы табуретку, а чаще всего — стол и иконы. При входе в пустую остяцкую юрту, по описанию И. Я. Неклепаева, брали «таган» (палку, поставленную у двери и у русских, и у остяков в знак того, что в доме никого нет), обходили с ним вокруг юрты, стучали по всем углам и договаривали по-остяцки: «Выходи прочь, теперь я тут буду жить!». Уходя, таган ставили на место [Неклепаев И. Я. 1903. С. 75]. Русские охотники Нарымского края, собираясь остановиться на ночлег в

лесу, выбирали место в стороне от тропинки и здоровались с местом будущей ночевки. Подходя к охотничьей избушке, они также произносили приветствие: «Здравствуй, избушка-хороминка, пусти переночевать!». По охотничьим законам, уходя из избушки, обязательно оставляли дрова в печи и соль на полке.

Таким образом, обживание нового дома у русского населения Среднего Приобья в конце XIX—первой четверти XX вв. сопровождалось рядом действий, призванных обеспечить благополучие всей семьи и хозяйства, но неоднозначных, а иногда противоречивых, у разных групп населения. Многие из этих, в основном дохристианских представлений и обрядов были общими для всего региона и аналогичны таковым в Европейской России. Откуда и были принесены в разное время и из разных мест. Это и обязательность приглашения домового, и большинство представлений о нем, и необходимость перенесения первыми предметов-символов, и за некоторым исключением сам набор этих символов. Местной традицией является, вероятно, перенесение поганого корыта с грязным бельем, хотя возможно, оно также было принесено самыми первыми переселенцами — нынешними старожилами края. Отсутствие полного единообразия в обряде перехода, по-видимому, связано со сложностью состава русского населения, с утратой и упущением части действий, с направленностью обряда на обеспечение благополучия семьи. Некоторое влияние оказало близкое соседство аборигенного населения Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Я. Сибирская старина//Томск губ. ведомости. 1860 № 52.
Байбурин А. К. Обряды при переходе в новый дом у восточных славян (конца XIX — начало XX вв.)//СЭ. 1976 № 5 С. 81—87.
Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. 1983. 189 с.
Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов//ТИЭ М. 1956 С. 3—453.
Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск 1975 352 с.
Неклепаев И. Я. Поверья и обряды Сургутского края//Записки Зап.-Сиб. отд. РГО Омск. 1903 Кн. XXX. С. 29—230.
Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М. 1975. 191 с.
Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX веков. М. — Л. 1957. 164 с.
Чичеров В. И. Зимний период русского землевладельческого календаря XVI—XIX веков. (Очерки по истории народных верований)//ТИЭ. М. 1957. Т. 40. 236 с.

В. М. Кимеев, А. В. Притчин

ЖИЛИЩЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ШОРЦЕВ

Многочисленная опубликованная литература по этнографии шорцев не дает полного представления об их традиционных жилищах и хозяйственных постройках. О современном же периоде сведения практически отсутствуют. Поэтому впервые предпринимается попытка краткого сводного описания эволюции шорского жилища, начиная с появления первых сведений в середине XVIII века и до настоящих дней. Основными источниками для нас послужили материалы первых Академических экспедиций XVIII века [Gmelin I. G. 1751, 278; Георги И. Г. 1776. С. 162, 170], записки путешественников и исследователей конца XIX — начала XX вв (Radloff W. 1893. С. 354; Вербицкий В. 1868. С. 50; 1870. С. 19; Адрианов А. В. 1888. С. 254; Аравийский А. 1927. С. 131; Потопов Л. П. 1936. С. 79; 1956. С. 507; Попов А. А. 1961. С. 136 — 137), неопубликованные архивные материалы А. В. Анохина [Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. 11, оп. 1, д. 84], а также собственные полевые материалы по исследованию современных населенных пунктов Горной Шории [Архив Музея археологии и этнографии Кемеровского государственного университета, Материалы Южно-сибирского этнографического отряда, ф. 578, оп. 1, д. 6].

Ко времени прихода русских в верховья реки Томи основной социально-экономической единицей населения таежных районов Кузнецкой тайги был экзогамный род (сеок), в то время как у лесостепных северных предков шорцев эти функции выполняли большие семьи «толи» — осколки уже распавшихся сеоков. Члены одного сеока обычно селились в долинах рек, образуя систему анлов, носивших названия старшего из сородичей. У лесостепных «низовских» предков шорцев, напротив, преобладали довольно крупные улусы, состоящие из представителей разных сеоков и төлей.

Согласно первым достоверным этнографическим сведениям зимним жилищем абинцев — предков северных нижнекасских и нижнекондомских шорцев — была юрта двух типов: а) бревенчатая с четырехскатной крышей, б) сплетенная из прутьев с плес-

кой крышей и напоминающая телеутскую полуземлянку «оргон уй», сохранившуюся до настоящего времени только в телеутском поселке Челухоево, Беловского района Вторая, прямоугольная в плане юрта-полуземлянка почти наполовину находилась в земле. Стены представляли собой обмазанный глиной двойной плетень с заполненным землей пространством между рядами. Крыша его была конусообразной, с отверстием для дымохода в центре и соорудалась из жердей, покрытых кусками бересты и засыпанных сверху землей. В центре располагался очаг, а вдоль стен — лавки.

Летним жилищем абинцев были жердчатые юрты, о которых известно лишь то, что покрыты они были корой или камышом.

Основным зимним и летним жилищем горнотаежных «верховских» предков шорцев-бирюсинцев была жердчатая юрта,

Рис 1 Свадебный шалаш «одаг», пос. Усть-Орток, 1985

покрытая берестой и по конструкции напоминающая конический шалаш сагайцев и северных алтайцев — «аланчик». На зиму подобная жердчатая юрта бирюсинцев утеплялась землей. Этот тип некогда бытовавшего у предков шорцев жилища сохраняется до наших дней в качестве культовой постройки — свадебного шалаша (рис. 1). Представляет собой остоу из девяти тонких стволов

березы с оставленными макушками, которые связывались между собой ивовым прутом. Снаружи такой остов высотой примерно около 5 м покрывался кусками бересты и обвязывался веревками. Входное отверстие высотой в рост человека завершалось куском материи. После окончания свадьбы бересту снимали, а остов оставляли в лесу, прислоняя к дереву.

В конце XIX—начале XX вв. у этнотерриториальных групп формирующегося шорского этноса было известно несколько типов жилищ. Наиболее примитивным и более древним можно считать прямоугольный в плане каркасный летний шалаш «одаг» в форме усеченной пирамиды с некоторыми конструктивными вариантами остова. Один из них встречен нами на реке Кондоме (рис. 2). При его строительстве по углам прямоугольника в зем-

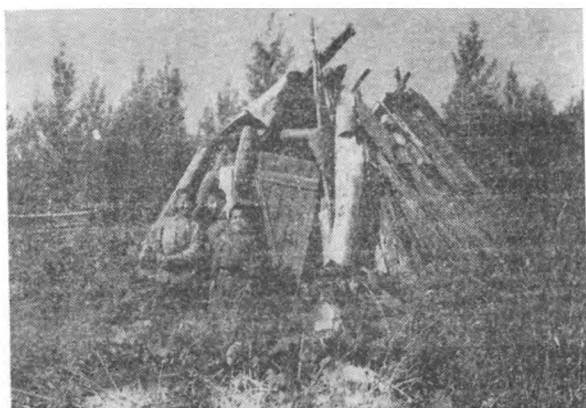

Рис. 2 Летнее жилище «одаг», пос. Усть-Ортоп, 1976

лю вкапывались четыре стойки с развилками на концах, в которые вкладывались концы двух продольных и двух поперечных жердей. К этим жердям (остову) с четырех сторон наклонно приставлялись длинные колютые доски, жерди, образуя стены, а верхними сходящимися концами — небольшое продолговатое отверстие — дымоход. В одной из стен оставалось входное отверстие, как правило, с восточной ориентировкой, которое или закрывалось досками, или закрывалось навешанной на ремнях дощатой дверью. По середине боковых горизонтальных жердей каркаса вырубались углубления для концов еще одной поперечной жерди, на которую вешался над очажной ямой ивовый крюк (аскыш) с котелком или чайником. Иногда стены такого «одага» утеплялись берестой, прихотовыми ветвями, вторым слоем жердей и засыпались землей, и тогда он использовался в качестве зимнего жилища у бедняков.

Сходен по конструкции с ним зимний охотничий шалаш (второй вариант). Он примыкал задней поперечной жердью остова к стволу раскидистой пихты. Стены были из приставленных стволов молодых деревьев, которые своими концами, опираясь на нижние ветви пихты, образовывали крышу. Снаружи стены обкладывались пихтовыми ветками и забрасывались снегом.

Распространенный повсеместно третий вид «одага» отличался плоской крышей, сделанной из колотых досок, уложенных на горизонтальных жердях остова и концах наклонно приставленных досок. Сверху крышу покрывали берестой. Такие временные шалаши сооружались на время полевых работ.

В качестве летнего жилища использовали еще один вид «одага», который также был прямоугольный в плане. Стойки его остова вместо развилок имели на концах по одному шипу, вставляемому в углубление концов двух поперечных балоков. Концы двух продольных балоков вкладывались в полукруглые углубления на концах поперечных балоков. Иногда шипы стоек вставляли в углубления на концах продольных балоков, на которые сверху клали поперечные балки полукруглыми вырезами. На полученную обвязку наклонно приставляли колытые доски. Крыша настилась из поперечных колотых досок и покрывалась сверху берестой. В центре

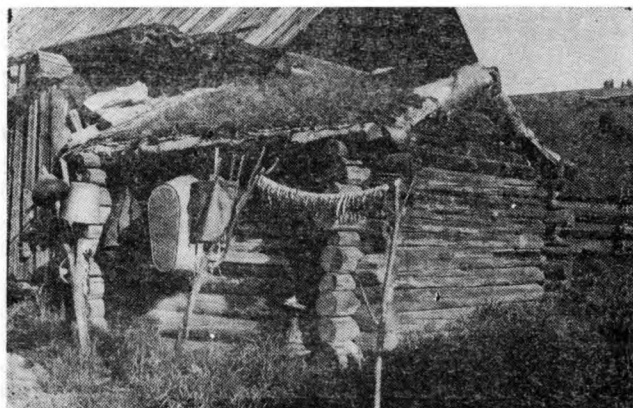

Рис 3 Срубная юрта «яйлы», пос. Турла, 1985

крыши имелось отверстие — дымоход. Глиняная очажная яма, как и в предыдущих случаях, располагалась в центре жилища.

Наибольшее распространение в конце XIX — начале XX вв. получила зимняя срубная бревенчатая юрта двух разновидностей с различными конструктивными особенностями крыш и планировкой.

В верховьях реки Кондомы строился «чайлыг» или «яйлыг» (рис. 3). Это прямоугольный в плане пихтовый или кедровый сруб из 6—7 венцов (3,5×4 м) высотой 210 см с двухскатной самцово-й крышей «чабылгы» с продольными жердевыми слегами, которые застилались колотыми досками, затем сверху накрывались берестой и засыпались слоем земли. Под углы нижнего кедрового венца сруба подкладывались каменные плиты. Щели между венцами проконопачивали мхом. Вход прорубался в восточной стене сруба ближе к правому углу и закрывался дощатой, навешанной на ремнях дверью. Справа от входа к стене примыкал очаг «кебе», состоящий из двух толстых колотых, приставленных ребром к стене вертикальных плах. Промежуток между плахами и сами плахи обмазывались глиной в виде желоба, в котором оставляли небольшие ниши для выпечки хлеба. В глиняную обмазку вбивали также деревянный кол, на котором укреплялся ивовый крюк «аскыш» с подвешенным железным котелком «таганом». На подовой части очага укладывали и утрамбовывали слой глины, все это называлось «кулей оймазе» (ямка с пеплом). От потолка над очагом свешивалась до половины стены сплетенная из прутьев и обмазанная глиной, расширяющаяся книзу труба — дымоход «сугей», упирающаяся нижним краем в вертикальные плахи. Рядом с трубой находилось отверстие — окно для света, закрывающееся на зиму куском льда. Позднее для этих целей в противоположной входу стене вырубали небольшое окно. В промежутке между очагом и левой боковой стеной стояла различная берестяная и деревянная утварь

В правом от входа углу сооружалась ручная мельница «тербен», состоящая из деревянной рамы и двух каменных круглых жерновов с вставленной одним концом палкой — рычагом, другой конец которой укреплялся в дощечке под потолком. Напротив у входа у стены — широкая деревянная, покрытая берестой лавка «тор» шириной 71 см для почетных гостей. Вдоль боковых стен — такие же лавки, приподнятые от пола на 27 см: слева — для хозяев, справа — для живущих в юрте родителей и других родственников. В левом дальнем от входа углу висели различные культовые предметы, а у шамана — бубен. Над боковыми лавками под потолком укреплялись деревянные полки «ашкы» для хранения мяса и рыбы. Пол «така» в таких юртах обычно был из деревянных колотых плах, с оставленным набитым глиной отверстием вокруг очага. Иногда в юртах бедняков пол был целиком глинобитным.

Встречались и пятистенные юрты с небольшой (140 см шириной) прихожей — «предъюртием» для хранения утвари и охотничьего снаряжения с дополнительной, расположенной напротив

первой, дощатой дверью. Чаще же снаружи у входной двери приставался деревянный навес «пульбар», состоящий из приставленных наклонно к выступающей крыше юрты вертикальных колотых досок. Под навесом хранили хозяйственные предметы или дрова, здесь же жили охотничьи собаки.

Снаружи юрта огораживалась обычно деревянным забором из жердей с воротами. Внутри огороженной усадьбы летом находился скот, а осенью и зимой хранилось сено.

По реке Мрассу выше порогов и по притоку Пызасу в шорских селениях сооружалась похожая по конструкции юрта «сенек» (рис. 4). Ее отличием было расположение очага в виде простой

Рис. 4 Срубная юрта «сенек», пос. Кезек, 1986

глиняной очажной ямы «кулеймазе» у стены против входной двери и двухскатная крыша, но крытая поверх бересты не землей, а колотыми бревнами с желобами. Деревянный крюк с котелком подвешивался над очажной ямой на поперечных жердях, концы которых покоились в углублениях верхнего венца. На реке Пызас встречались похожие на «сенеки» срубные юрты, но с трапециевидной крышей, крытой берестой, плахами и колотыми бревнами (рис. 5—6).

Занятные от русских срубные избы — одноклети (рис. 7) и пятистенки стали на рубеже нашего века основными зимними жилищами, особенно в низовьях рек Мрассу и Кондомы, а также в крупных таежных улусах. В этом случае рядом с избой обычно находилась срубная летняя юрта. Богатые шорцы улусов Мыски, Осинники, Красный Яр, Чилису—Анзас стали обзаводиться одно-, двухэтажными домами. Усадьба таких домов обычно ого-

Рис. 5 Срубная юрта «одаг», пос. Средний Бугзас, 1985

раживалась деревянным забором с небольшими воротами и имела комплекс хозяйственных построек. Внутренняя обстановка напоминала дома мещан и купцов Кузнецка. Строить избы приглашали низовских щорцев «садыгчей» или русских плотников, вносивших свои традиции в конструкцию, что приводило к утрате этнической специфики шорского жилища. Пихтовые бревна около 20 см в диаметре заготавливали летом, в Петров день (середина июля), очищали их от коры и выдерживали так 1—2 года. Нижний кедровый венец — окладину диаметром 45 см, заменяющую фундамент, ук-

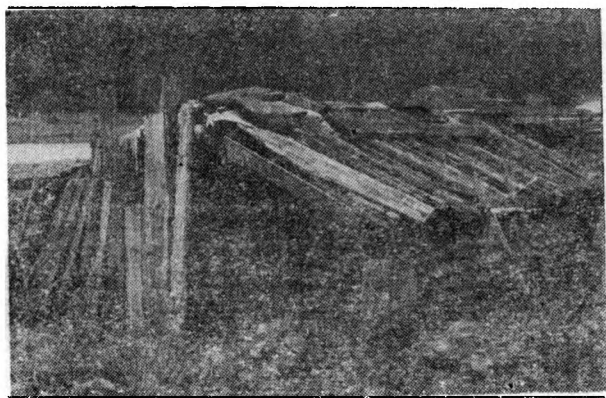

Рис. 6 Срубная юрта «одаг», пос. Средний Бугзас, 1985

ладывали по углам на каменные плиты или кедровые обрубки. Потолок с одной маткой сооружался из широких или пиленых кедровых плах, закрытых берестой и засыпаясь сверху землей. Двухскатная стропильная крыша «чабу» делалась из кедровых колотых бревен — желобов или досок с берестой, с открытым чердачным пространством. На потолке под крышей хранили лыжи, нарты, шкуры зверей, траву «казагат». В стене с южной или юго-вос-

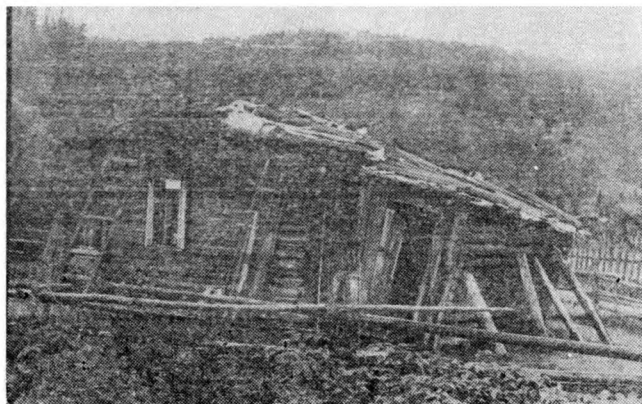

Рис 7. Срубная юрта — одноклеть «Эм» или «Ухе», пос. Эльбеге, 1985

точной стороны прорубался вход «эжикезе» и навешивалась на ремнях дощатая дверь. Также прорубались оконные проемы «кожек», куда ставлялись деревянные рамы со стеклами или бычьим пузырем и с наличниками, украшенными геометрическим орнаментом. Перед дверью сооружалось крыльцо «макыш» и навес «чабылгак», к которому приставлялись жерди. Пол внутри избы настилали из кедровых плах. В углу избы окошко еги, справа от входа находилась русская, сбитая из глины печь «кетебе» с полукруглым устьем и диванкой у основания. Кузов печки покрывался, как у русских, краской и разрисовывался изображениями птиц и деревьев.

Из надворных построек сооружали квадратные навесы из жердей «чабылгак», срубные амбары «анмар» на четырех столбах для защиты от грызунов. Внутри амбара делали закрома, на деревянных, вбитых в стену кольях подвешивали мясо, обувь, сеть, шкуры зверей. Из традиционных хозяйственных построек сохранились небольшие деревянные лабазы «тастаки», устанавлива-

емые в лесу на опушках или полянах для хранения мяса, туесов с зерном (рис 8) Торговцы строили двухэтажные амбары, крытые тесом или железом (рис 9).

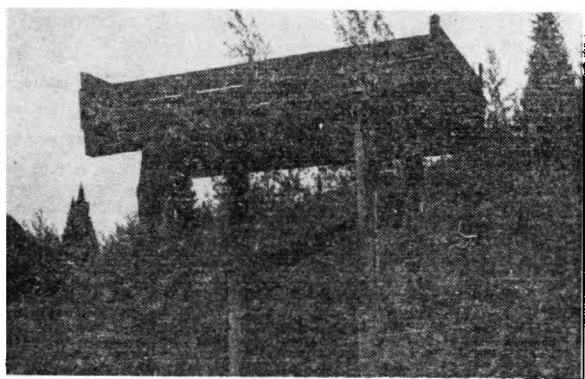

Рис 8 Хозяйственная постройка, лабаз «та-стак», пос Усть-Ортон 1985

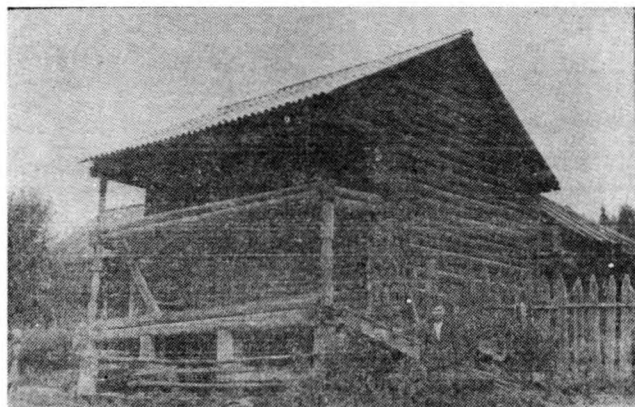

Рис 9 Амбар торговца вк Чинис Анзас 1985

В период работы Южносибирского этнографического отряда в 1984—1985 гг. выяснялись особенности современного шорского жилища, проводилась фиксация как целых усадебных комплексов, так и отдельных построек, отражающих характерные черты архитектуры для отдельных районов. Снимались планы усадеб, делались зарисовки, фотографии, обмеры и чертежи отдельных построек.

ек. Всего было обследовано шесть этнотерриториальных групп, в каждой из которых для обследования выбиралась наиболее характерная для этих мест усадьба.

А. Южные горнотаежные шорцы

1. Верхнекондомская группа, пос. Турла. Этот населенный исключительно шорцами улус упоминается в источниках с 1911 года [Патканов С. 1911. С. 281], хотя, вполне вероятно, что он существовал и раньше. Начиная с XIX века на жителей улуса заметное влияние оказывали русские старатели Спасского золотого прииска, открытого еще в 1842 году. Для исследования была выбрана усадьба Чепсоракова Николая Ивановича. Эта усадьба состояла из жилого дома и хозяйственных построек: свинарника, курятника, стайки, бани, амбара, чулана, сруба для хранения пчелиных колод. Постройки расположены бессистемно и невелики по размерам. Соединение бревен выполнено «в обло», крыши, как правило, двускатные строительные, покрытые тесом. Сохранились хозяйственные постройки с самцовыми крышами, крытыми берестой и дерном. Стены отдельных пристроек выполнены в виде заплота из горизонтально расположенных пластин. Большой интерес представляет традиционная постройка «яйлыг»; служившая некогда жилищем (рис. 3). Это небольшой сруб с соединением бревен «в обло» с самцовой крышей, крытой берестой и дерном. Эта постройка имеет особое значение как не находящая аналогов в других районах Горной Шории и является характерным типом хозяйственных построек бассейна р. Кондомы.

2. Верхнемрасская группа, пос. Средний Бугзас. Первое упоминание о нем встречается у С. Патканова [Патканов С. 1911. С. 284], действительное время его возникновения неизвестно. Появление в начале 30-х годов в этих местах русского населения, переселившегося во время коллективизации из лесостепных районов Сибири, оказало определенное влияние на строительство как жилищ, так и хозяйственных построек. Построенные в это время дома отличаются большими размерами, сложной планировкой с несколькими горницами, теплыми сенями и хозяйственными помещениями. Там же находится и несколько амбаров, выполненных по аналогии с постройками Русского Севера (рис. 9). Это двухъярусные амбары с устроенными на выпусках галереями, покрытыми или боковыми скатами самцовой крыши, или «залобником». Нижние венцы лежат на земле или коротких столбах.

В то же время на территории Среднего Бугзаса и в соседних поселках Эльбеше и Нижнем Бугзасе много архаичных построек. Характерным примером является срубная юрта «одаг», представ-

ляющая собой бревенчатый сруб с самцовой трапециевидной крышей (рис. 5—6). Кровля выполнена из теса и бревен, покрытых берестой и придавленных сверху обрезками колотых плах и жердей. Концы соединенных «в обло» бревен не выровнены, нижний венец лежит на земле. Отсутствие конькового завершения кровли указывает на генетическую связь этого сооружения с наиболее ранними постройками шорцев. Сами информаторы (жители Среднего Бугзаса) не могут объяснить наличие в «одаге» трапециевидной крыши. В настоящее время эти постройки используются в качестве летней кухни.

3. Среднемерасская группа, пос. Дальний Кезек. Впервые его упоминал В. Вербицкий [Вербицкий В. 1871. С. 244]. Постоянное проживание русских в этих районах, по данным информаторов, достоверно определяется с 1903 года. Это были так называемые «бергалы» — золотонискатели. Однако наиболее интенсивно русские традиции стали внедряться в жилище уже в период коллективизации и главным образом выходцами из северорусских областей. Распространение новых традиций шло и через шорских носителей — мысковских шорцев, поэтому русские строительные традиции приобрели местный колорит. Характерный для этих мест тип летней кухни «сенека» (рис. 4) имеет архитектурно-конструктивное сходство с описанным выше «одагом» в Среднем Бугзасе. Это небольшие размеры, наличие очага (ящик с глиной, вкопанный в землю), отсутствие гвоздевых и скобяных соединений, самцовая крыша, способ соединения бревен «в обло», земляной пол. Отличительной особенностью является двускатная крыша с коньковым завершением и пластинами, опирающимися на «пютики», укладываемые через берестяные прокладки на «курицы». Кровля выполнена из бересты и накрыта пластинами, которые дополнительно прижаты горизонтальными жердями. Жерди закреплены со слагами, скрутками из проволоки или прутьев. В целом конструктивная схема «сенека» близка к постройкам Русского Севера.

Что касается в целом усадьбы Отургашева Григория Валерьяновича, то необходимо отметить также сходство с Челусу-Анзасским и Средне-Бугзасским усадебными комплексами — наличие большого количества бессистемно расположенных, малого размера хозяйственных построек, сходный тип жилого дома, способ соединения бревен «в обло» (рис. 10). Однако усадьба в Дальнем Кезеке имеет свои особенности. Она не имеет поскотинны, огораживающей усадьбу и представляет собой стоящий в отдалении комплекс из отдельных построек. Жилой дом имеет завалинку, трехъярусный тесовый настил скатов крыши, печь располагается в центре однокамерного жилого помещения. В соседних домах по-

селка печи располагались или справа, или слева от входа — в углу. Интересным является амбар — упрощенный вариант амбара в Среднем Бугзасе, но с конструкцией крыши, характерной для

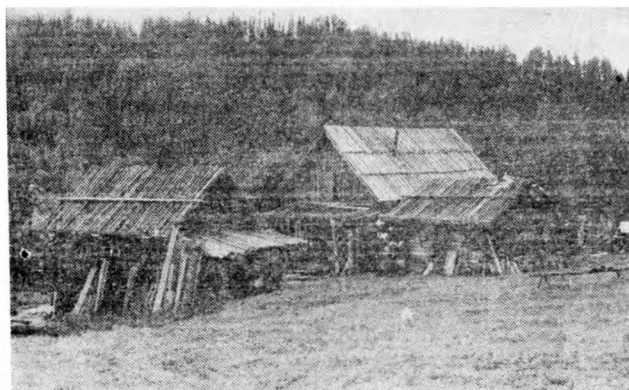

Рис 10 Усадьба таджикского улуса, пос. Кезек. 1986

пос. Кезек и всей Среднемарасской группы. В целом в поселках бассейна реки Марассу заметна одна особенность — отсутствие соединения бревен без остатка «в лапу»

Б Северные лесостепные шорцы

4. Среднекондомская 5 Нижнекондомская 6 Нижнемарасская группы не имеют в настоящее время сплошного шорского населения, что привело к утрате этнической специфики материальной культуры шорцев. Так, поселок Калары Среднекондомской группы впервые упомянут С. Паткановым (1911, с. 281), только в период строительства железной дороги Новокузнецк—Таштагол стал заселяться разноэтничным населением из разных районов страны, что привело к утрате ранее существовавшей специфики материальной культуры местных шорцев. Особенностью планировки выбранной усадьбы Ошкачаковой Марфы Васильевны является большой по площади покос, огороженный общеусадебной изгородью. Жилой дом имеет прямую аналогию с русскими жилищами — пятистенком с закрытым крыльцом, холодными сенями, без подклети, с насыпным фундаментом — завалинкой и двускатной крышей.

Для характеристики состояния строительных традиций среди шорцев Нижнекондомской группы дается описание усадьбы Шуренкова Бориса Назаровича, пос. Красный Калтан. Этот поселок

появился в годы Советской власти в конце 20-х годов, в связи с интенсивным заселением этих мест русскими из разных районов Сибири и европейской части страны. Жилой дом этой усадьбы типичен для сельского строительства в Кемеровской области — ступенчатый карниз, фундамент, веранда с хозяйственными постройками под единой крышей и является характерным для периода колхозного строительства в Горной Шории. Сам дом — пятистенный сруб с частично сохранившимися прирубом сеней и четырехскатной крышей сложной стропильной конструкции.

Рис. 11. Современный дом шорцев, пос. Тоз 1984

В последнем из обследованных нами населенных пунктов был выбран пос. Тоз (старое название Сосновая Гора) Нижнепрасковской группы. Была выбрана усадьба Идимешевой Марии Николаевны. Этот поселок, впервые упоминаемый В. Вербицким [Вербицкий В. 1871. С. 244], существует, видимо, с середины XIX века. С конца XIX века здесь появляются русские переселенцы из лесостепных районов Сибири и европейской части России, чем объясняется разнообразие типов современных домов и хозяйственных построек. В 50-х годах нашего столетия бригадой шорцев во главе с Карачаковым Николаем Ивановичем был полностью обновлен жилой фонд. В комплекс построек выбранной усадьбы входил жилой дом, летняя кухня и хозяйственные постройки. Входы всех построек ориентированы внутрь двора. Дом представляет собой клеть с прирубом — сенями (рис. 11.). К сеням добавлена дощатая пристройка, выполняющая роль дровяника и веранды. Дом покрыт четырехскатной крышей стропильной конструкции. Кровля выполнена из досок внахлест, имеется подшивной ступенчатый

карниз. Фундамент дома отсутствует. Хозяйственная постройка состоит из трех объемов: бревенчатая клеть, прируб, пристройка. Характерной особенностью является наличие у хозяйственных построек высоких крыш стропильной конструкции. Соединение бревен выполнено в основном «в обло», а у более поздних построек — без остатка «в лапу».

Таким образом, анализ эволюции жилищ и хозяйственных построек шорцев и их исторических предков позволяет сделать ряд выводов

1. Появление разнообразия типов жилищ в конце XIX — начале XX вв. и усложнение их конструкции по сравнению с более ранним периодом.

2. Вытеснение к середине нашего столетия традиционных типов жилищ и замена его русским (изба-одноклеть, пятистенка, крестовый дом) или стандартным.

3. Использование на реке Мрассу в качестве культовой постройки древнейшего типа жилища — конусообразного шалаша, а в других отдельных местах в качестве хозяйственных построек — двух типов срубных юрт конца XIX — начала XX вв., дополняемых на реке Мрассу традиционной хозяйственной постройкой-лабазом

4. Для периода современности характерны ареальные особенности типов поселений, жилищ и хозяйственных построек для каждой из выбранных нами для обследования шести этнотерриториальных групп шорцев (планировка усадеб, количество и размеры хозяйственных построек, расположение и размеры поскотин, способ соединения бревен в венцах, конструкция крыши).

ЛИТЕРАТУРА

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году//Зап. ИРГО. СПб. 1888. Т. II. С. 147—422.

Аравийский А. Н. Шория и шорцы//Труды Томского краевого музея. Томск. 1927. Т. I. С. 125—428.

Вербицкий В. И. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии, священника В. Вербицкого за 1867 г.//Православное обозрение М. 1868. С. 41—53.

Вербицкий В. И. Алтайцы. Томск. 1870

Вербицкий В. И. Кочевья инородцев Кузнецкого округа по реке Томи, Мрассе и Кондоме//Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск. 1871. С. 242—249

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... СПб. 1776. Ч. II. С. 166—171

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав, язык и роды инородцев//Записки ИРГО по отд. статистики. СПб. 1911. Т. XI. Ч. 2.

Попов А. А. Жилище//Историко-этнографический атлас Сибири М—Л. 1961 С 131—226.

Потапов Л. П. Шорцы//Народы Сибири. М—Л. 1956. С. 492—529

Gmelin I G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Gottingen. 1751. Teil I

Radloff W. Aus Sibirien Leipzig. 1884

Б. А. Кони́ков

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА ТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ (ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

О раннесредневековых жилищах таежного Прииртышья в литературе известно немного, что вызвано, прежде всего, слабой изученностью поселений. Рекогносцировочные обследования, проведенные в 60-е годы XX в. в таежных районах Омской области, позволили установить полужемляночный характер жилищ, наличие в них земляных нар и очагов, которые устраивались в ямах или на возвышении [Могильников В. А. 1964. С. 10].

С конца 70-х годов раннесредневековые поселения стали целенаправленно изучаться экспедициями Омского пединститута. На поселениях, расположенных по обоим берегам Иртыша и его притокам: возле Детдома с Новоягодное Знаменского, п. Белый Яр и д. Кипо-Кулары Тевризского, д. Верхнее Аксеново Усть-Ишимского районов — открыты десятки жилищ, сооружений и хозяйственных ям.

В данной статье, наряду с публикацией новых материалов, подводятся предварительные итоги изучения раннесредневековых поселений таежного Прииртышья. Выборочно проведем описание жилищ.

Жилище № 1. Кипо-Кулары (рис. 1, Б). Располагалось в укрепленной части поселения, очертания зафиксированы на глубине 55—60 см от поверхности. Восточный и западный края жилища уходили под стенку раскопа. И все-таки можно предположить, что оно прямоугольной формы. Размер вскрытой части 4,70—6,70×4 м. Ровный материковый пол включал прослойки золы, обожженной земли и углей. Овальный очаг находился в центре на возвышении и состоял из обожженной земли кирпичного цвета. Вдоль северной и южной стенок были устроены земляные нары шириной 0,80—2,00 м. Столбовые ямы в жилище и за его пределами имели строго вертикальный профиль, их диаметр 12—40, глубина от материка 8—20 см. Вход не прослежен. В котловане жилища найдены 20 вещей, кости животных и фрагменты керамики.

Жилище № 2. Кипо-Кулары (рис. 2, В). Было сооружено в неукрепленной части поселения, очертания установлены на глу-

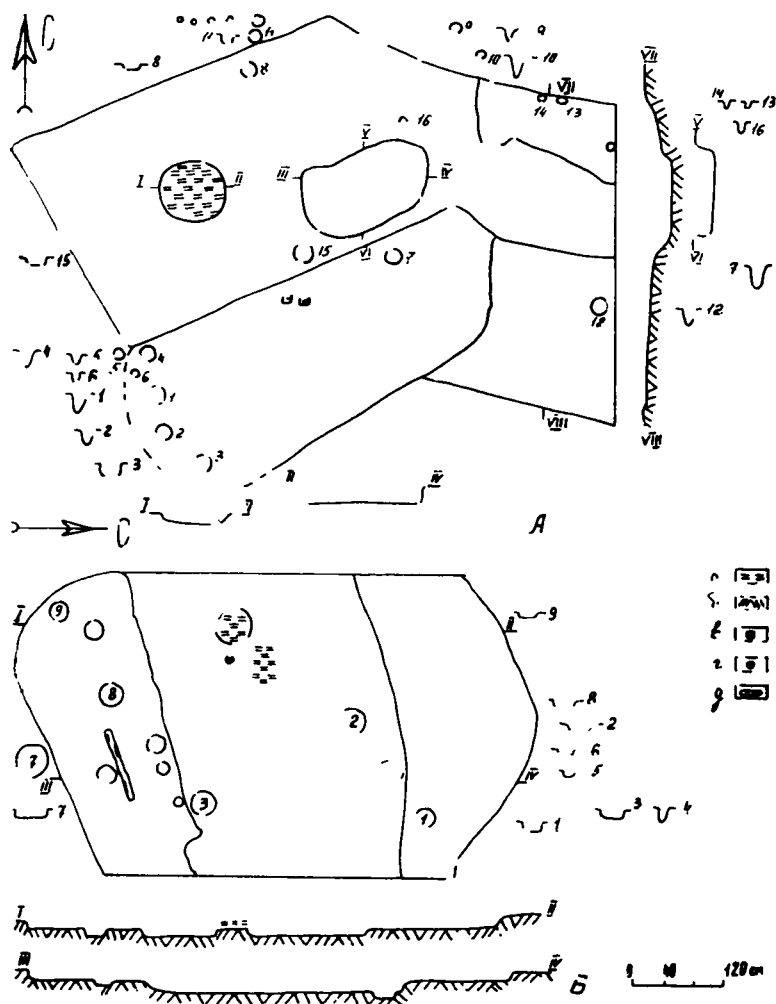

Рис. I. А — Кипо-Кулары, жилище № 15; Б — Кипо-Кулары, жилище № 1;
а — обожженная земля, б — материк, в — камни, г — шлак, д — обож-
женное дерево

бине 40—50 см. Жилище подпрямоугольной формы, размером 7,0×4 м, земляной пол заглублен в материк на 15—25 см. Коридорообразный вход шириной 1,60 м находился с востока, от пола его отделяла ступенька высотой 10—12 см. Через коридор жилище сообщалось с прямоугольной хозяйственной ямой размером 1,45×0,90—1,00 м. В ней собраны две челюсти лошади, 68 костей и зубов лошади и раздавленный глиняный сосуд. Часть костей оказалась обожженной, в заполнении встречены также прокаленные прослойки земли и угли.

В центре жилища был устроен овальный очаг диаметром 60 см; его дно заглублено в материк на 4—6 см. В северо-восточном углу помещения были обнаружены обожженные обломки плах. Столбовые ямы вертикального профиля имели диаметр 6—22, глубину 7—25 см. В заполнении котлована жилища собрано 28 вещей, кости животных и фрагменты керамики.

Жилище № 3. Кипо-Кулары (рис. 2, Г). Открыто в неукрепленной части поселения, очертания прослежены на глубине 50—55 см. Подпрямоугольной формы, размером 4×2,80—3,40 м, с земляным ровным полом, углубленным в материк на 10—12 см, с выходом на восток. В центре в неглубокой овальной яме был сооружен очаг диаметром около 60 см. В жилище и за его пределами зафиксированы три столбовые ямки. В северной части помещения найден костяной наконечник стрелы.

Жилище № 15. Кипо-Кулары (рис. 1, А). Его очертания установлены на глубине 75—80 см. Находилось в укрепленной части поселения. Жилище прямоугольной формы и столбовой конструкции, с коридорообразным выходом на восток. Вход плавно переходил в ровный земляной пол, имевший размер 4,70×3 м. Вдоль юго-восточной стенки были устроены земляные нары шириной 1,70—2,20 м. Само жилище вытянуто с СВ на ЮЗ. В центре на полу находился очаг диаметром около 1 м. В юго-восточной части помещения была вырыта прямоугольная хозяйственная яма размером 1,80×1,00 м. Ее северную часть перекрывало скопление обожженных обломков плах размером 15×5—7×2—3 см. В самой яме находок не обнаружено, а под плахами собрано несколько десятков чешуек рыбы.

Вертикальные столбовые ямы имели диаметр 10—25 и глубину 7—22 см, в некоторых обнаружены фрагменты керамики, возможно служившие для заклинивания основы столбов и жердей.

В котловане жилища собрано 16 вещей, обломки обгоревших плах, куски дерева, угли, фрагменты керамики и кости животных.

Жилище № 1. Верхнее Аксеново II (рис. 2, А). Очертания установлены на глубине 45—50 см. Оно подпрямоугольной формы и столбовой конструкции, вытянуто с СЗ на ЮВ. Ровный земляной пол заглублен в материк на 12—15 см. Во многих его частях

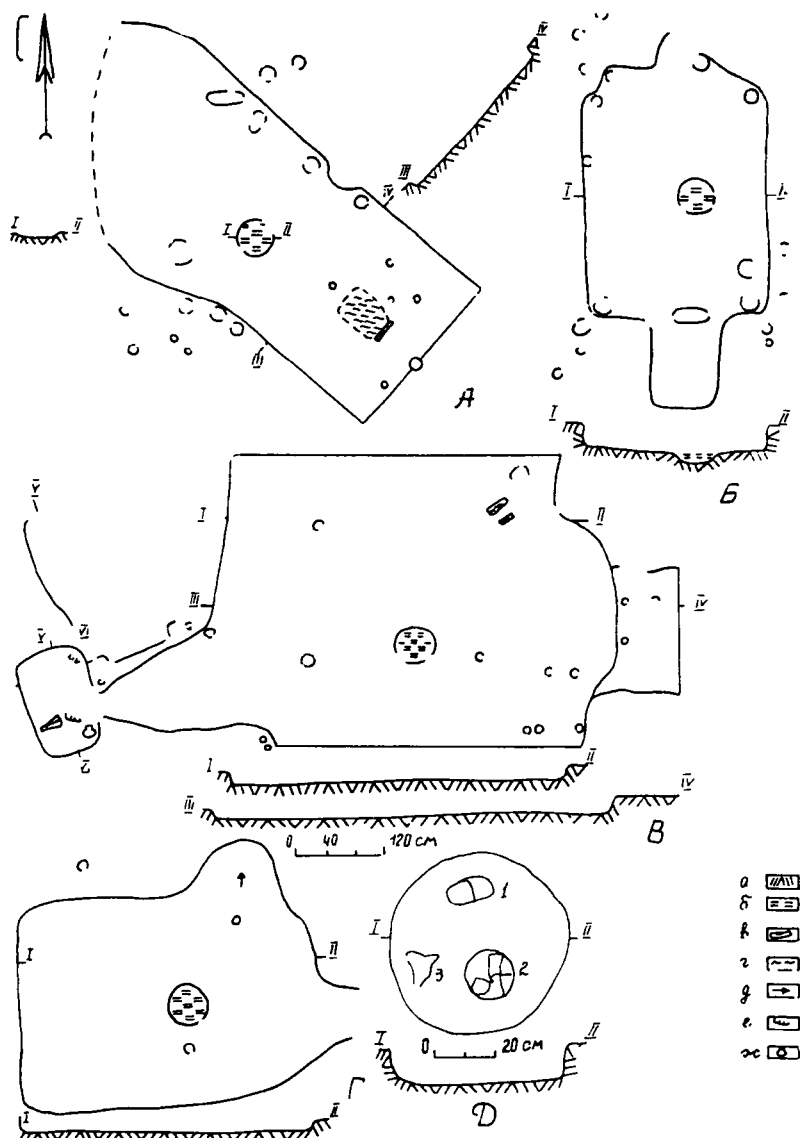

Рис 2. А — Верхнее Аксеново II, жилище № 1; Б — Верхнее Аксеново II, жилище № 4; В — Кипо-Кулары, жилище № 2; Г — Кипо-Кулары, жилище № 3, а — материк, б — обожженная зсмя, в — обожженное дерево, г — зола, д — наконечник стрелы, е — челюсть животного, ж — глиняный сосуд

виднелись включения золы и углей. Размеры жилища $5,40 \times 2,30$ — $2,80$ м. Вход не прослежен. В центре находился очаг диаметром около 50 см, дно углублено в материк на 3—4 см. С юго-западной стороны к очагу примыкала площадка с мощным скоплением жженой земли. Еще одно кострище находилось в юго-восточной части жилища. Оно представляло собою скопление обожженной земли кирпичного цвета и золы. Его правильная прямоугольная форма наводит на мысль, что в свое время кострище было заключено в деревянную раму. Притом с юго-восточной стороны очага сохранилась крупная обожженная жердь размером $0,38 \times 0,06$ м, лежавшая по направлению СВ—ЮЗ. К северо-западу и востоку от очага имелись ямки, вероятно, от столбов, связанных с кострищем. После удаления заполнения кострища открылось блюдцеобразное углубление диаметром 0,68 и глубиной 0,06 м. В нем была выкопана яма диаметром 0,22 и глубиной 0,36 м. Ее содержимое — необожженная супесь, находок не обнаружено.

За пределами и внутри жилища обследованы столбовые ямки диаметром 8—22, глубиной 6—30 см. Только три из них имели наклон на юг, остальные — вертикального профиля.

Строго прямоугольная форма юго-восточной половины жилища дает повод к заключению о жесткой конструкции этой его части.

Жилище № 4. Верхнее Аксеново (рис. 2, Б). Его очертания зафиксированы на глубине 50—60 см. Оно прямоугольной формы и вытянуто с С на Ю. Размеры жилища $3,30 \times 2,35$ м. Ровный земляной пол углублен на 15—30 см. Коридорообразный вход шириной около 1 м сориентирован на юг. В центре помещался овальный очаг диаметром около 50 см, его дно заглублено в материк на 15 см. Столбовые ямы диаметром 16—24 и глубиной 15—30 см имели вертикальный профиль. Характер их распределения по углам с внутренней и внешней сторон жилища подводит к мысли, что основа постройки состояла, очевидно, из плах, закрепленных вертикальными столбами. Удлиненная форма ямы перед выходом говорит о том, что здесь ставилась подпорка — широкая плаха или сдвоенные бревна.

С иным типом жилищ можно познакомиться на примере раскопок В. И. Матюченко городища у д. Большая Пристань, расположенного на р. Шиш, правом притоке Иртыша.

Жилище № 1 (рис. 3, А). Его очертания зафиксированы на глубине 35—40 см. Жилище характеризуют четырехугольная форма, отвесные стенки, земляной пол, углубленный в материк на 55—70 см. Размер $3—3,50 \times 2,80—3,00$ м. В северо-восточной стороне находился коридорообразный вход с покатыми стенками шириной 60, глубиной 40 см. В юго-восточной части входа прослежено углубление, насыщенное углистой землей, жжеными костями,

ошлакованной глиняной обмазкой, фрагментами керамики, здесь же лежали обломки глиняного пряслица и льячек. Второе, с тем же содержанием, углубление находилось напротив — в северо-западной части входа. Возле северо-западной стенки помещалась глиняная двухкамерная печь с плоскими подами и полусферическим сводом. Она была сооружена на полу. Высота свода 30—35, толщина стенок 3—5 см. На подах обеих камер скопился слой прокаленного песка, на котором в свою очередь залегал небольшой слой углей. Поды находились на разном уровне — перепад высот составлял 10 см. Соединялись камеры через круглое отверстие (рис. 3, В).

Жилище № 2 (рис. 3, Б). Его очертания зафиксированы на глубине 40—50 см. Четырехугольная постройка размером 3,50×2,50—3,00 м имела ровный земляной пол, заглубленный в материк на 45—50 см. В южном углу жилища сохранились остатки глинобитной печи. Перед ее устьем находилась прямоугольная площадка размером 1,20×1,32 м, заполненная углистой землей.

Верхнеаксеновское II и Кипо-Куларовское поселения датируются началом II тыс. н. э. На поселениях собрано множество вещей: бронзовых украшений и пряжек, железных наконечников стрел, стеклянных бус и т. п. Сложнее с датировкой поселения у д. Большая Пристань. Датированных вещей здесь не найдено. Однако керамика из культурного слоя и котлованов жилищ идентична верхнеаксеновской и кипо-куларовской.

Подведем некоторые итоги. На раннесредневековых поселениях таежного Прииртышья господствовала хаотичная застройка их территории. В редких случаях жилища выстраивались в один или два ряда. Так, например, на городище возле Детдома у д. Новоягодное, Знаменского района жилища были выстроены в один ряд. Одной своей стороной они примыкали к внешнему валу.

Большинство жилищ имели каркасно-столбовую конструкцию и относятся к полуподземному типу. Как правило, пол заглублен на 15—25 см в материк. Каркас построек возводился из столбов и жердей, у основания они были приострены, т. е. не вкопаны, а забиты в землю. Для закрепления столбов и жердей в ямках использовались фрагменты керамики.

В некоторых случаях столбы вкапывались, тогда это были довольно массивные бревна (рис. 1, Б). Большинство ям имеют вертикальный профиль, что, понятно, указывает и на характер самой постройки.

О высоте жилищ можно высказать лишь самые общие соображения. Судя по диаметру большинства столбовых ямок, она не могла быть значительной. Подкрепляют этот довод этнографические свидетельства по жилищам народов Западной Сибири [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961].

Большинство исследованных жилищ однокамерные, и у нас нет веских оснований считать, что внутри существовали перегородки. Двухкамерное жилище открыто на Кипо-Куларовском поселении — это жилище № 6. Оно состояло из двух прямоугольных помещений, в одном из которых была открыта большая прямоугольная очажная яма. Полы находились на разном уровне, перепад высот составлял около 20 см.

В пределах одного поселка форма и размеры жилищ были различными. Так например, на верхнеаксеновском поселении в нескольких метрах друг от друга открыты два жилища: одно (жилище № 2) овальной формы, с хозяйственной пристройкой, площадью 40—42 кв. м, второе (жилище № 4) строго прямоугольной формы, площадью около 9 кв. м. Полы жилищ земляные, ровные, очень часто в них втоптана зола и угли.

В каждом из жилищ имелся очаг, который, как правило, располагался в центре. Очаги открытого типа устраивались в неглубоких материковых ямах, на полу или на невысоком глиняном возвышении. В двух случаях удалось проследить наличие деревянной рамы, которая заключала в себе кострище. Возле отдельных очагов отмечены столбовые ямы, как-то, вероятно, связанные с конструкцией кострища.

Своеобразно устройство очагов-печей большепристанского поселения. Они сложны по конструкции и пока стоят особняком в таежном Прииртышье. В качестве, правда, отдельной аналогии можно указать на глиняные сводчатые печи, открытые В. Д. Романцовой на городище X—XIII вв. н. э. Седова Заимка в Новосибирской области [Романцова В. Д. 1978. С. 82—83].

Большинство раннесредневековых жилищ таежного Прииртышья имели хозяйственные ямы, которые располагались внутри и за пределами помещений. Примером ям первого типа является овальная хозяйственная яма в верхнеаксеновском жилище № 2. Она находилась в северо-восточной части жилища, заглублена в материк на 10—15 см. В ней стоял глиняный сосуд, деревянная плочка и лежала кость животного (рис. 2, Д). Примером ям второго типа являются ямы, расположенные за пределами жилищ и соединенные с ними коридорами. Они прямоугольной формы и крупнее по размерам первых.

Входы в жилища находились, как правило, с восточной стороны, реже — с южной и северо-восточной. Большинство из них имело вид узкого короткого коридора, часто отделенного ступенькой от пола жилого помещения.

Крыша жилищ почти не поддается реконструкции. Сегодня можно лишь назвать материал, который шел на сооружение перекрытий. В центре одного из верхнеаксеновских жилищ обследованы обгоревшие крупные остатки рухнувшей крыши. Они пред-

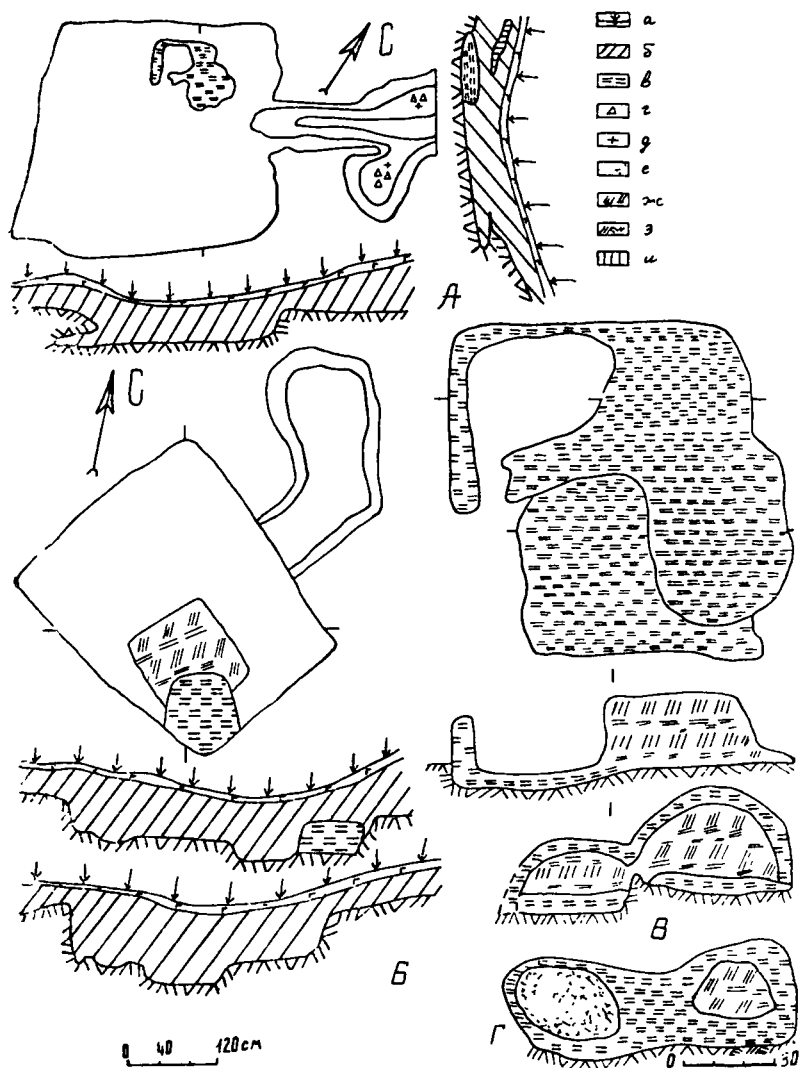

Рис 3 Большая Пристань, поселение. А — жилище № 1; Б — жилище № 2; В — жилище № 1, очаг; Г — жилище № 2, очаг а — дерн, б — темно-серая супесь, в — обожженная земля, г — фрагменты керамики, д — вещи, е — прокаленный песок, ж — обожженная земля, смешанная с землей, з — материал, и — светло-серая супесь

Таблица 1

№ п/п	Памятник и номер жилища Название предмета	Кипо-Кулары					Верхнее Аксеново		Всего
		1	2	12	13	14	1	2	
1	Костяные наконечники стрел	6	10	6	8	2	1	4	37
2.	Костяные проколки-иглы	1	3	4	18	1	—	1	28
3	Кости со следами обра- ботки	—	3	12	11	—	—	—	26
4	Галька	—	3	—	10	—	—	—	13
5	Костяные изделия	3	3	2	1	—	—	1	10
6	Шлак	3	1	—	3	—	—	—	7
7.	Заготовки костяных наконечников стрел	1	2	2	—	1	—	—	6
8	Точильные камни	1	—	1	1	—	—	—	3
9	Железный нож	1	1	—	1	—	—	—	3
10.	Раковины	—	—	—	2	—	—	—	2
11.	Глиняный тигель	—	—	—	1	—	1	—	2
12	Костяные клинья	—	—	—	2	—	—	—	2
13	Глиняные сосуды	1	—	—	—	—	1	—	2
14	Глиняные пряслица	—	—	1	—	1	—	—	2
15	Железные изделия	1	—	—	—	—	1	—	2
16	Клык медведя	—	—	—	1	—	—	1	2
17.	Каменный скребок	—	—	—	1	—	—	—	1
18	Стамеска	—	—	—	—	—	—	1	1
19	Бронзовая бусина	1	—	—	—	—	—	—	1
20	Костяной нож	1	—	1	—	—	—	—	1
21	Бронзовая петля от котла	1	—	—	—	—	—	—	1
22	Бронзовые пластины	—	—	—	1	—	—	—	1
ВСЕГО:		20	26	28	61	5	4	8	152

ставлены плахами шириной 9—12 и толщиной 4—6 см, уложенными в одном направлении и таким образом, что своей длинной стороной каждая из них налегала на лежавшую рядом. Здесь же, но под плахами, находились расколотые вдоль бревна диаметром 30—40 см. Среди плах встречены жерди диаметром 4—5 см и ветки диаметром 1,5—2,0 см. Крупные куски обгоревшего и сшитого берестяного полотнища покрывали данное скопление.

Таблица 2

№ п/п	Название предмета	Количество	В % отношении к числу находок
1.	Костяные наконечники стрел	37	24,3
2.	Костяные иглы-проколки	28	18,4
3	Кости со следами обработки	26	17,1
4.	Галька	13	8,5
5.	Костяные изделия	10	6,6
	ВСЕГО	114	74,9

Раннесредневековые жилища были местом сосредоточения производственной и хозяйственной деятельности. Об этом красноречиво говорит состав предметов, найденных в заполнении котлованов (табл. 1). В семи жилищах было найдено 153 предмета. Распределение основных категорий вещей выглядит следующим образом (табл. 2). На кипо-куларовском и верхнеаксеновском поселениях собрано громадное число костей животных — все они подверглись утилизации. В одном только верхнеаксеновском жилище № 3 собрано несколько крупных трубчатых костей животного со следами работы на них ножом. В ряде жилищ открыты куски шлака и фрагменты керамики с остатками бронзовой оканты на внутренней стенке.

Проследить генезис раннесредневековых жилищ таежного Прииртышья трудно, потому что жилища предшествующего времени — эпохи камня, бронзы и раннего железного века на данной территории исследованы слабо, еще меньше материала опубликовано. Можно заметить, что с неолитической эпохи становятся традиционными следующие характерные черты жилищ исследуемого региона: угольная форма, заглубленность пола в материк, столбовая конструкция, размеры [Евдокимов В. В., Стефанов В. И., 1980; Косарев М. Ф., 1981]. Есть сходство и с жилищами саргатской культуры раннего железного века, хотя последние изучены пока только в лесостепном Прииртышье. С саргатскими раннесредневековые сближают такие черты, как прямоугольная форма, площадь жилищ в 20—30 кв. м, способы устройства очагов в центре на полу, в яме или на глинобитном возвышении [Могильников В. А. 1972 С. 78].

Определяя место раннесредневековых жилищ таежного Прииртышья в ряду одновременных жилых построек Западной Сибири, можно отметить их существенное сходство с жилищами, которые открыты свердловскими археологами на Рачевском городище

в Уватском районе, Тюменской области. Здесь вскрыты остатки прямоугольных и квадратных построек с котлованом, углубленным в материк на 50—70 см. В них находились очаги открытого типа, они устраивались на земляном полу, в центре. Удалось проследить и коридорообразные выходы [Терехова Л. М. 1986 С. 114—123].

В последнее десятилетие множество раннесредневековых жилищ исследовано в Среднем и Сургутском Приобье. Нередко они относятся к типу наземных, срубному типу, с печами-каменками [Морозов В. М. 1983. С. 221]. Л. А. Чиндина на поселении Малгет вскрыла квадратное полуназемное жилище столбовой конструкции с очагом-кострищем, датируемом ею X—XII в. н. э. [Чиндина Л. А. 1980. С. 222].

Дальнейшие исследования поселений таежного региона позволяют полнее представить характер планировки, конструкцию жилищ, их внутренний интерьер, место и роль в культуре средневековых народов Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

Евдокимов В. В., Стефанов В. И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск. 1980

Историко-этнографический атлас Сибири М.—Л. 1961.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. 1981

Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э. // Автореф. дис. .. канд. ист. наук. М. 1964

Могильников В. А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М. 1972.

Морозов В. М. Работы в Нижнем Приобье // АО. 1981. М. 1983.

Романцова В. Д. Городище Седова Займка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск. 1978.

Терехова Л. М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы уральско-сибирской археологии Свердловск. 1986

Чиндина Л. А. Раскопки поселения Малгет // АО. 1980 М. 1981.

А. А. Люцидарская

**УСАДЕБНЫЙ КОМПЛЕКС
ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ГОРОДА
XVII — начала XVIII вв.**

Вопрос о жилище и поселении является одним из узловых вопросов истории быта русского народа, его культуры. Изучение жилища способствует решению проблем истории народа, начиная от его происхождения и общего характера хозяйства и кончая проблемами духовной культуры. При этом наибольший интерес представляет жилище средних и низших слоев городского и сельского населения, так как хоромы знати далеко не всегда отражали национальный характер жилища [Рабинович М. Г. 1964. С. 191—192].

До нашего времени практически не дошли жилые постройки эпохи XVII в. Поэтому основным материалом, на основе которого можно составить представление о жилищах крестьян и рядовых горожан, являются письменные источники. Однако документы умалчивают о внутренней планировке жилищ, интерьере и, кроме того, не выявляют однородности в территориальном и хронологическом распределении жилища. Вполне естественно, что сохранилось гораздо больше источников о городских постройках, нежели сельских [Рабинович М. Г. 1977. С. 57—58].

Наибольшую ценность для изучения жилища представляет актдовый материал, особенно купчие, где подробно описаны продаваемые или покупаемые дворы. Документы другого рода располагают, как правило, случайными, отрывочными данными.

Термин «двор» в документах XV в. означал податную единицу обложения феодальными повинностями. При этом каждый из дворов имел свое конкретное содержание. Наиболее близким к понятию «двор» является современный термин «усадеб» [Громов Г. Г. 1965. С. 37].

Усадеб» западносибирского города XVII—начала XVIII вв. представляла собой комплекс жилых и хозяйственных построек, включая непосредственно двор, или «дворовое место», и огород — «огородное место». На «дворовом месте» располагались жилые и хозяйственные строения, а на огороде зачастую находились колодец, баня, иногда сарай и амбары. При этом, как правило, «ого-

родное место» занимало относительно большую площадь в усадьбе. Купчие начала XVIII в. (1706 г.) позволяют с достаточной степенью достоверности определить площади 20 томских городских усадеб. Половина из них (10) имели площадь, превышающую 1000 кв. м (3359; 2615; 1684; 1621; 1457; 1306; 1189; 1012 кв. м), 5 усадеб располагали площадями в размере от 855 кв. м до 670, площадь остальных пяти составляла соответственно 447; 423; 296; 259 и 132 кв. м. [ЦГАДА, 1452, лл. 298 об.—322 об.; 1294, лл. 13—49].

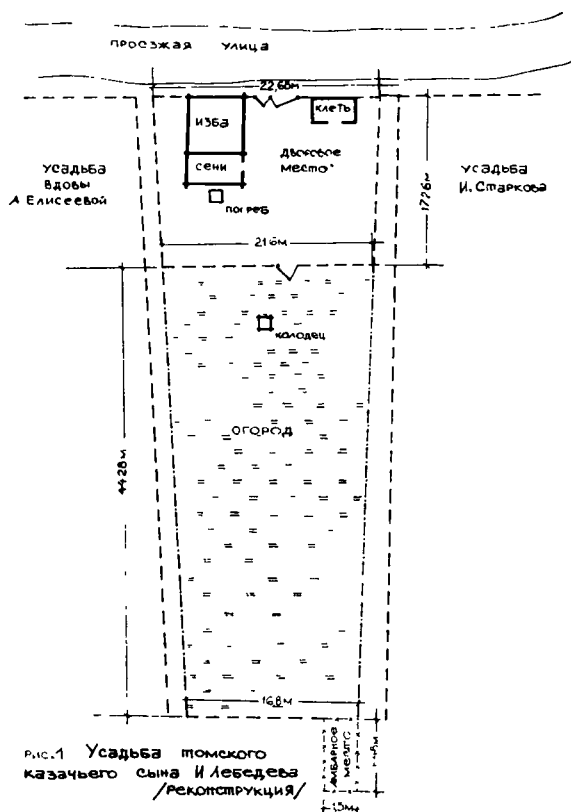
Особо следует оговорить площадь жилых комплексов в районе так называемых «бухарских юрт». Организованное пространство при юртах было по размерам гораздо меньше средней городской усадьбы и равнялось в двух описанных источником случаях 148 и 59,7 [ЦГАДА, 1452, лл. 317, 322].

Площадь огорода в усадьбе превышала «дворовое место» в два, а то и в три раза. Например, у томского казачьего сына И. Лебедева «дворовое место» занимало 362 кв. м, а огородное — 845, т. е. огород составлял 70% площади всей усадьбы [ЦГАДА, 1452, лл. 312—313] (рис. 1).

Непосредственно двор чаще всего имел ограду в виде заплота, тогда как огород преимущественно ограничивался частоколом. Характерно, что термин «заплот», употребляющийся на Русском Севере в XVI—XVII вв. для обозначения стены или ограды, построенной техникой замета, не только был широко распространен в Сибири, но и сохранился здесь вплоть до XX в. [Белов М. И. и др. 1969. С. 14]. В источниках встречаются примеры, когда и двор, и огород были «забраны в заплот». Как правило, это были усадьбы зажиточных горожан. В усадьбе томского конного казака Т. Великосельского, типичной для средних слоев городского населения, двор был «в заплоте», а огород «в частоколе». У зажиточной вдовы сына боярского Гречанинова и двор, и огород были огорожены заплотом, причем двор Гречаниновых был мощеным и крытым, а забранный в заплот двор сына боярского Д. Михайлова покрывался сверху «драньем» [ЦГАДА, 1452, л. 314 об.; 1294, л. 35 об.]. Вообще же в использованных в данной работе документах, встречаются следующие формулировки для характеристики дворов. «двор в заплоте», «двор в заплоте мощеный», «двор в заплоте крытый и мощеный». Что же касается огородов, то в подавляющем большинстве они были огорожены частоколом. Огораживание двора приемом «в заплот» практиковалось и в «бухарских» юртах [ЦГАДА, 1452, л. 317].

Во двор усадьбы вели ворота. Иногда они делались с калиткой, как, например, в усадьбе томича П. Каменщика [ЦГАДА, 212, л. 492]. В некоторых усадьбах в ограждении имелись еще и маленькие воротца, подобные тем, которые описываются в нарым-

ском документе середины XVII в. — «... во двор шел с человеком... в маленькие ворота» [ЦГАДА, 212. л. 143]. Имели место и маленькие потайные калитки, такие, как в усадьбе нарымского попа: «... была у попа калитка заделана для попова с братею воровства...» [ЦГАДА, 212, лл. 144—147]. Нарымский источник иллю-

стрирует пример, когда калитка располагалась в усадьбе со стороны огорода: «... закрался ... с огорода в задние воротца в полдень» [ЦГАДА, 212, л. 490]. Основные же ворота в усадьбе были ориентированы на проезжую улицу или же выходили в переулок или так называемый «заулок», т. е. ответвление от улицы.

Материалы по городам европейской части России, в частности, Москвы XV—XVI вв., показывают, что жилые помещения горожан преимущественно располагались внутри дворов [Рабинович М. Г. 1964. С 209—212]. Общепринято, что таким же образом размещались жилые постройки и в сибирских городах. Однако изучение источников XVII—начала XVIII вв. показало, что подобное расположение построек в усадебных комплексах сибирских городов вовсе не являлось обязательным. Сохранилось достаточно свидетельств того, что жилые помещения усадьбы выходили своими окнами на проезжие улицы. Так, в усадьбе И. Сажина, расположенной в Томске «в Нижнем посаде, под бугром на песку, против избных окон» проходила проезжая улица [ЦГАДА, 1452, л. 299 об.].

Такое же расположение жилых построек можно было наблюдать и в Сургуте, где в 1699 г. велось следственное дело, в материалах которого фигурируют факты, касающиеся планировки усадьбы: «... а учинились они к нему Афоньке в дом ночью и почали стучать под окном, что б их пустить в избу, потому что де он, Афонька... до прихода их спал, а двор его Афоньки... был на заборе» [ЦГАДА, 1071, л. 60].

Подтверждает это положение и челобитная томского казачьего сына И. Березкина, в которой Березкин, жалуюсь на пешего казака С. Симонова, писал: «...пришел он, Степан, ко мне сироте тоему под окошко к моему дворенку ... и в то время вышел я... на улицу из своего дворенка...» [Исторические акты... 1987. С 63]. Подобных примеров можно привести гораздо больше, если задаться целью выискать их из различного рода источников XVII в. Данные по рассмотренным выше 20 томским городским усадьбам также предполагают в ряде случаев расположение жилых построек с выходом окон непосредственно на городскую улицу. Немало примеров, когда изба и клеть находились на одной прямой с воротами, по обе стороны от них. Своими стенами, а возможно и окнами эти строения выходили на улицу. Так, во дворе томича К. Лапина «подле ворот» располагалась «изба малая да клеть» [ЦГАДА, 1452, л. 329].

Разумеется, приведенные примеры никоим образом не исключают возможности нахождения жилых помещений внутри двора усадьбы. Иным жилым комплексам сибирских городов XVII в. вполне может подойти перефразированное выражение «мой двор — моя крепость». И действительно, огороженные в заплот мощными бревнами, а иногда и глухими стенами жилых и хозяйственных построек, дворы зачастую представляли собой нечто вроде маленьких крепостей. Недаром двор подчас использовался как оборонительный пункт от недругов. В источниках XVII в. встречаются сюжеты, когда дворы выдерживали осаду злоумышленни-

ков. Подобным образом в середине XVII в. использовали двор нарымские служилые люди: «... и мы от них заперлись на дворишке в хоромаш», — говорится в документе [ЦГАДА, 212, л. 10]. В Нарыме в этот же период во время конфликта воеводы с оппозиционно настроенными горожанами последние заперлись от людей воеводы во дворе и «... по дворишку нашему стреляли и хоромы и сени и ворота испробили во многих местах...» — писали нарымчане в своей челобитной на воеводу. Из документа следует, что двор успешно выдержал осаду, и достать смутьянов воеводские приспешники так и не смогли [ЦГАДА, 212, л. 17]. В приведенных источником эпизодах окна жилых построек явно не выходили на улицу, иначе «испробитые окна» непременно фигурировали бы в подробном описании челобитчиков.

Во дворе, нередко мощеном, а подчас и крытом, что зависело от имущественного положения дворовладельца, располагались жилые и хозяйственные постройки. Их количество также зависело от степени достатка горожанина. У представителей семьи томских детей боярских Гречаниновых во дворе находились: «горница черная на жилом подклете», по сути двухэтажное строение, напротив была построена «другая горница на мшаннике», а «подле ворот на углу» находилась клеть [ЦГАДА, 1452, лл. 228—328 об.]. У томского сына боярского М. Лаврова в усадьбе имелось два жилых строения, два жилых помещения имели вдова Балахнина, казачий сын И. Лебедев и др.

Большинство дворов горожан все-таки ограничивались наличием одной, как правило, трехкамерной постройки — избы с сенями и клетю. Документы дают описания усадеб с постройками такого рода: «избенка с сенями», чаще — «изба, против нее клеть, меж ими сени». Трехкамерное жилище являлось преобладающим в Западной Сибири XVII в., но это не исключало наличия построек и другого типа [ЦГАДА, 1252, лл. 298—322 об.].

Существуют примеры, когда усадебный комплекс включал в себя помимо основной избы и так называемую «малую» избу. Томский конный казак И. Аргунов продал свой двор, на котором помимо «избы с клетью и сенями» позади клетки находилась еще и «изба малая, а позади той избы огород» [ЦГАДА, 1294, л. 49].

Подробное описание избы енисейского посадского человека на начало XVIII в. приводит Н. Н. Оглоблин. «Изба новая, мерою 3 сажени без аршина, у той избы одно окно колодное, 4 окна волоковые, у той же избы двери на крюках железные, да в той же избе печь кирпичная, перед избой сенишка, драньем огорожено» [Оглоблин Н. Н. 1900. С. 312]. К сожалению, по Западной Сибири таких детальных описаний домов пока не найдено.

Что касается отопления помещений, то, по всей вероятности, в исследуемый нами период имели место как курные, «черные»

избы, так и избы с трубами, т. е. «белые», принадлежащие, как правило, все определенным кругам городского населения — служилой верхушке, администрации, торгово-промышленным деятелям, иными словами, достаточно обеспеченной части горожан

Основная же масса жителей имела избы, в которых дым выходил из помещения через специальные дымоходы или «дымные окна». В 1673 г. в Кузнецке, проникнув именно через такое отверстие, проделанное для выхода дыма, обокрали конного казака Ф. Максимова: «... а вошли де они в избу трубою, дымным окном», — описывает источник действия злоумышленников [Исторические акты... 1897. С. 56—61].

В воеводских хоромах и домах зажиточных горожан делали обычно кирпичную «выводную трубу». У томского воеводы в 1689 г. была «складена новая печь и труба и против печи казенка... а робили они и сделали кирпичную печь и выводную трубу и казенку на-готову...» [Исторические акты ..., 1897. С. 63].

Кроме отапливаемых помещений, о количестве которых дают представление книги сбора подымных денег с горожан, многие усадьбы располагали и холодными помещениями, используемыми для жилья в летний период. Такие неотапливаемые помещения именовались в источниках, как правило, горницами и строились зачастую на высоких подклетах.

К хозяйственным и вспомогательным постройкам в усадьбах можно отнести клетки, в том числе и на подклетах, также используемые в летний период для жилья, зимой же они могли служить как кладовые. В усадебном комплексе находились различного рода амбары, сарай, скотские избы, погреба, иногда с надстроенной сверху «напогребницею», бани, овины и т. п. Из 20 анализируемых усадеб томичей можно выделить такие хозяйственные строения, как: амбары «рубленные с перерубом»; амбары хлебные; сарай крытые и мощеные; «скотские избы с сеньми»; «погребца с напогребницею»; погреба, находившиеся под клетью; «овины со всяким строением и поскотинной»; бани, в том числе и с предбанниками. В одном из томских дворовладений описан амбар «рубленный с перерубом, покрыт дранью, замок немецкий». Амбар использовался хозяевами для хранения хлебных запасов [ЦГАДА, 1452, л. 303 об.].

Иногда амбары и сарай находились за пределами дворов, но гораздо чаще они являлись частью хозяйственного комплекса, например, «амбар да овин, кругом поскотина».

Обязательной принадлежностью западносибирского города XVII — начала XVIII вв. являлись общественные бани. В Томске в 1630/31 гг. были поставлены две «государевы бани, мужская да женская» [ЦГАДА, 159, л. 70]. Однако большинство горожан имели свои собственные бани, входившие в систему усадебного комп-

лекса. Об этом свидетельствуют такие налоговые документы, как «банные книги» [ЦГАДА, 1428, л. 380; 930, лл. 3—30 б]. Томичи постоянно подавали в Сибирский приказ прошения о разрешении строительства новых бань на месте сгоревших или пришедших в негодность. Известно, что в 1705 г. жители Нарымского уезда имели 43 бани, Кетского — 35. По томским фискальным документам и челобитным делам видно, что практически все население города к концу XVII в. имело собственные бани. В 1630 г. томичи писали в Москву челобитную на воеводу П. Пронского, в которой в числе прочего обвиняли воеводу в том, что он «...отнял у всех людей дворовые их бани и отдал татарам» иод жилые помещения [ЦГАДА, 819, л. 12 и далее].

В усадьбе бани располагались или непосредственно ро дворе, как у томского пушкаря С. Борисова, продавшего свое дворовое место «а на том дворовом месте строена баня с предбанником...» [ЦГАДА, 1452, л.], или, гораздо чаще, бани горожан ставились на огороде. Запись «в огороде баня с предбанником» является наиболее типичной для документов изучаемого времени. Вынос бани в огород делался прежде всего из противопожарных соображений.

Значительно реже баня примыкала к жилой постройке. Обычно такое расположение практиковалось в «воеводских хоромах», где баня или «мыльня» встраивались в систему жилых помещений. Значительно реже подобным образом располагались бани у рядовых горожан. В Томске в усадьбе вдовы Агрофены Микитиной находились «изба с сеньми и клеть с банею» [ЦГАДА, 1294, л. 44 об.].

Так же нельзя отнести к типичному вынос бани за пределы усадьбы. В таких случаях бани строились на берегу реки. Подобное расположение бани встречается и в современной сибирской деревне. Таким образом, была вынесена баня в усадьбе томского конного казака И. Аргунова, которая находилась «позади двора к берегу» Томи [ЦГАДА, 1294, л. 49].

Как уже говорилось выше, большую часть приусадебных площадей занимало «огородное место». Здесь помимо хозяйственных построек, таких, как сарай, амбары и бани, очень часто устраивались колодцы, которые были рассчитаны зачастую на пользование несколькими семьями, жившими по соседству. В усадьбе томича И. Лебедева, расположенный на огороде колодец использовался «вообще» с И. Старковым и вдовой Анфимьей, дворы которых находились справа и слева от усадьбы И. Лебедева. В этой же усадьбе позади огорода имелось «амбарное место», предназначенное под хозяйственную постройку размером 3 саж. на 1,5 саж. [ЦГАДА, 1452, л. 318].

Из источников XVII в. известно, что в сибирских городах проживало немало ремесленников, людей, занимающихся торговлей и различного рода предпринимательской деятельностью. В Томске в этот период насчитывалось значительное количество кузнецов, бронников, котельников, серебрянников, мыльников, кожевников и др. [Люцидарская А. А. 1974. С. 60—75]. Документы той эпохи не позволяют составить представление о рабочих помещениях ремесленников. Однако, анализируя расселение горожан по районам, можно обратить внимание, что ремесленники, специализирующиеся на обработке металлов, такие, как кузнецы, котельники, часовщики, нередко селились гнездами [ЦГАДА, 1435, л. 397—398]. Вполне вероятно, что и производственные помещения могли соседствовать друг с другом, хотя прямых указаний на это источники не дают. Такие производства, как кожевенное или мыловаренное, требовали заготовки и обработки сырья, а также определенного технологического процесса, связанного с загрязнением окружающей среды. В силу этих обстоятельств кожевники и мыловары выносили свои производственные помещения к черте города или же селились на окраинах. В Тюмени в начале XVIII в. по плану города кожевенные избы были вынесены к «баяраку», в сторону которого город не отстраивался. В этот «баярак» шли отходы от кожевенного производства. Сами же тюменские кожевники проживали в различных районах города [Тюмень в XVII столетии. 1903. Приложение]. В Тобольске «в пустом овраге» находилась изба горшечника. Половина этой «горшечной избы» была вкопана в землю. В расположенный рядом овраг тобольчане сбрасывали различные отходы [ЦГАДА, 212, л. 334].

На основе вышеизложенного можно прийти к выводам, что основной единицей застройки западносибирского города XVII — начала XVIII вв. являлась усадьба с жилыми и хозяйственными постройками. Производственные помещения могли входить в состав усадьбы или выноситься за ее пределы. Внутри усадьбы преобладала свободная планировка, имела место ориентировка жилых построек окнами на улицу, получавшая в дальнейшем все большее распространение. Изучение городских построек на основании источников XVII — XVIII вв. дает возможность не только реконструировать некоторые типы строений, но и находить аналогии в современных сельских постройках.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Белов М. И. и др. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М. 1981
- 2 Громов Г. Г. Русское крестьянское жилище XV—XVII вв. по письменным источникам // Вестник Московского университета. 1965 № 6

4 Исторические акты XVII столетия (1630—1699). Материалы для истории Сибири Томск. 1897. Вып. II.

5. Люцидарская А. А. Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири Новосибирск. 1974.

6 Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа М 1900 Ч III.

7 Рабинович М. Г. О древней Москве М 1964

8 Рабинович М. Г. Русские письменные источники XV — XVII вв. как материал для картографирования народного жилища // Архивные исследования в языкознании и этнографии Л. 1977.

9 Тюмень в XVII столетии Материалы для истории города М. 1903 ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), ф. 214; Сибирский приказ, кн. 159, кн. 1452, кн. 1294, д. 212, стлб. 1071, кн. 1428, оп. 5, № 930.

Ф. И. Мец

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ КАНДРАШКИНА ПОСЕЛЕНИЯ I

Изучение эпохи энеолита на территории Нарымского Приобья по существу только начинается. Материалы по жилищам этой эпохи здесь полностью отсутствуют [Археология СССР. 1987]. Вместе с тем большая информативная способность жилища как археологического источника неоднократно подчеркивалась исследователями [Старков В. Ф. 1983]. Определенный интерес, поэтому, вызывают материалы жилища эпохи энеолита Кандрашкина поселения I, вводу которых в научный оборот посвящена настоящая публикация.

Памятник расположен на первой надпойменной террасе р. Тым, на берегу Кандрашкиной Акки (старица р. Тым), примерно в 4,5 км от поселка Неготка, Каргасокского района, Томской области (рис. 1). На площади поселения расположено городище Кандрашкина Акка I эпохи раннего железа, на котором также были проведены стационарные работы, в ходе которых остатков каких-либо энеолитических сооружений выявлено не было [Яковлев Я. А. 1986]. Открыто поселение в 1980 году Я. А. Яковлевым [Яковлев Я. А. 1981]. Жилище вскрыто автором в ходе работ 1983 и 1985 годов, материалы хранятся в фондах Томского областного краеведческого музея (Колл. № 6689).

В культурном слое поселения выявлены два горизонта (не считая заполнения жилища), которые прочно увязываются с двумя хронологическими комплексами. Верхний горизонт красноватого песка (мощность его колеблется от 15 до 48 см) содержит материалы эпохи железа (фрагменты сосудов васюганского, саровского, релкинских типов). Подстилающий его горизонт желтого песка (мощность 10—44 см) содержит исключительно материалы эпохи энеолита [Мец Ф. И. Отчеты.. 1982, 1983, 1985].

Жилище находилось на краю террасы, на берегу древней реки. Контуры его наиболее четко были прослежены на глубине примерно 60 см от современной дневной поверхности. Жилище имело подпрямоугольную в плане форму, размерами приблизительно 6×4 м и было вытянуто в направлении северо-запад—юго-восток.

Площадь его составляла примерно 22—24 кв. м. Котлован жилища был углублен в материк в среднем на 20 см (рис. 2). Выход находился в северо-западной, противоположной от воды стороне. Очаг располагался в центральной части жилища. Он имел округлую в плане форму диаметром 80 см. Заполнение очага представляло собой золистый песок с вкраплениями мелких угольков, мощностью 12—15 см. При выборке обнаружены мелкие фрагменты костей, фрагмент сосуда, мелкие кусочки охры.

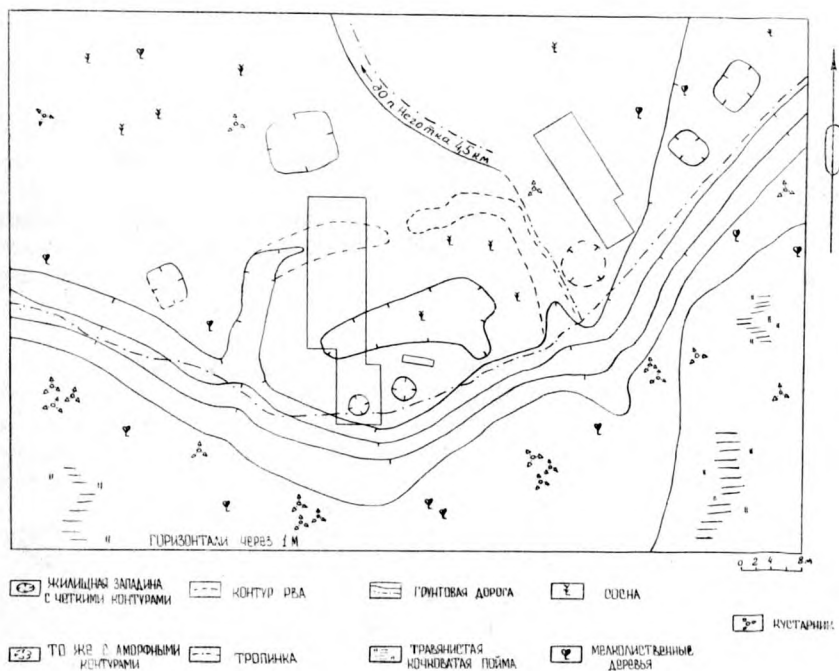

Рис 1 Кандрашкино поселение I и городище Кандрашкина Акка I.
Ситуационный план (Снят Я. А. Яковлевым)

Так же в центральной части жилища, в непосредственной близости от очага, находилось углубление I. Оно имело округлую в плане форму (диаметром 136 см) и было углублено в материк на 40—42 см. При его выборке обнаружено несколько мелких фрагментов керамики.

Близ границы котлована жилища в своеобразной, прямоугольной форме выступе, ориентированном строго в западном направлении, зафиксировано охристое пятно. Пятно имеет округлую в пла-

не форму диаметром 22 см. Заполнение, мощность которого 6—8 см, представляло собой охристый песок. Находок в пятне не обнаружено. Принимая во внимание многочисленные данные этнографии о связи западной стороны света с потусторонним миром и о магической роли охры, представляется возможным высказать предположение о какой-то культовой роли этого объекта в комплексе жилища

В пределах котлована жилища и вне его прослежены четыре столбовые ямы диаметром 16—18 см. Насколько удалось проследить, все они были выкопаны вертикально

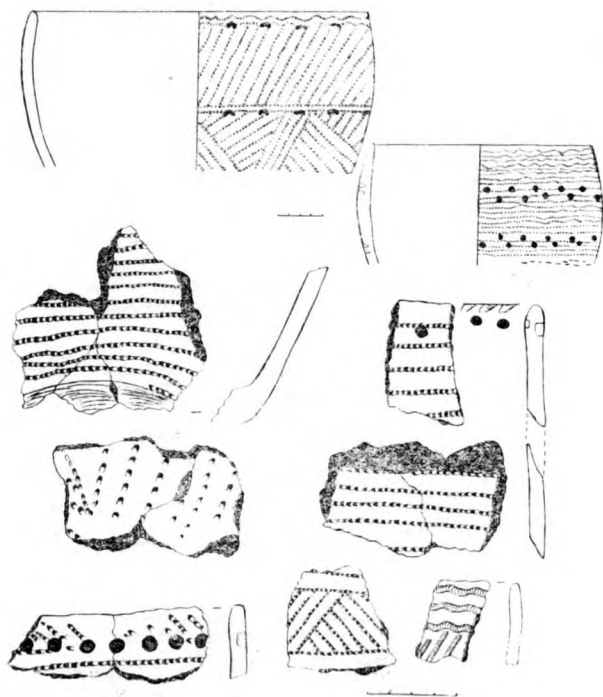

Рис. 3. Керамика первой группы

Кроме того, в пределах котлована жилища зафиксированы два пятна. Пятно I прослежено в северо-восточной части жилища. В плане имеет округлую форму диаметром 46 см. В материк углублено на 10 см. Заполнение — серая супесь. Находок в пятне нет. Пят-

но 2 прослежено в юго-восточной части жилища. В плане имеет также округлую форму, диаметром 76 см. В материк углублено на 12—24 см. При выборке заполнения (серая супесь) обнаружен фрагмент керамики

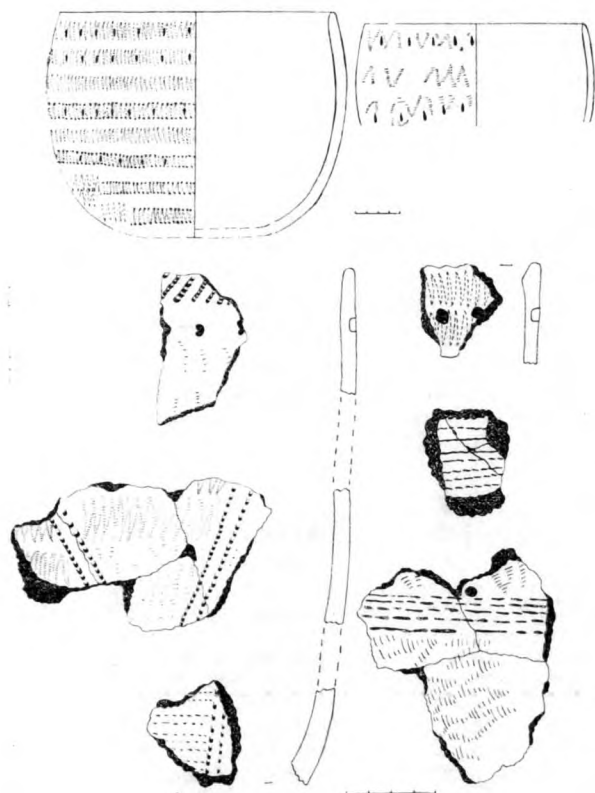

Рис. 4. Керамика второй группы

По всей видимости, жилище представляло собой легкое каркасное сооружение, а сам памятник—сезонную стоянку, связанную с промыслом рыбы. В пользу этого говорят наличие в энеолитическом горизонте рыбных костей и довольно немногочисленные следы индустриальной деятельности человека. Находки каменных орудий имеются в раскопе на площади городища [См. Яковлев Я. А. 1987].

При выборке заполнения котлована жилища обнаружены почти исключительно фрагменты керамики. Каких-либо орудий тру-

да встречено не было. По площади жилища керамический материал распределялся неравномерно. Большинство фрагментов обнаружено в западной части жилища, причем значительная их часть в виде двух скоплений от 4—5 сосудов в каждом.

Всего в жилище обнаружены 173 фрагмента керамики, примерно от 27 сосудов. Судя по фрагментам, сосуды имели форму банки. По характеру орнамента керамику из жилища можно разделить на две группы:

1. Орнаментированная отступающей палочкой и прочерченными линиями (65 фрагментов примерно от 16 сосудов) (рис. 3);

2 Орнаментированная гребенчатым штампом (проташенная гребенка — 61 фрагмент от 3 сосудов, гребенчатая качалка — 44 фрагмента от 7 сосудов) (рис. 4).

Встречены также фрагменты сосуда с ямочной орнаментацией. Керамика из выборки жилища аналогична керамике из выборки второго стратиграфического горизонта в составе культурного слоя и составляет с ней единый хронологический комплекс. Поэтому, на основании анализа керамического материала, жилище может быть датировано периодом завершения перехода от новокусковского этапа к игрековскому, по периодизации М. Ф. Косарева [1981], или, в абсолютной хронологии, — началом II тыс. до н. э. [Мец Ф. И. 1987].

ЛИТЕРАТУРА

- Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР М 1987 С. 265 — 267.
- Старков В. Ф. Жилища эпохи неолита и энеолита в лесном Зауралье //Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л. 1983. С. 100—101
- Яковлев Я. А. Работы Тымского отряда//АО 1984—1986 С. 208 Он же Исследования Тымского отряда//АО 1985—1987. С. 297.
- Яковлев Я. А. Работы на нижнем Тыме//АО 1980—1981. С. 223
- Мец Ф. И. Отчеты о полевых работах археологической экспедиции Томского областного краеведческого музея в 1982, 1983, 1985 годах//Архив ТОКМ Оп. 4 Дд. 498, 501, 507
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири М 1981. С. 63—74
- Мец Ф. И. Энеолитические памятники ; Он же К вопросу о памятниках игрековского типа в Нарымском Приобье//Тез. докл. конф. «Исторические чтения памяти М. П. Грязнова». Омск. 1987. Ч. I С. 77—79.

В. М. Морозов

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В БАСЕЙНЕ НИЖНЕЙ ОБИ

Объект исследования статьи — поселения II тыс. н. э. с бескерамическими комплексами бассейна Нижней Оби, включая Сургутское Приобье до устья Ваха. Тема слабо разработана не только по данному региону, но и в целом по Западной Сибири. История изучения западно-сибирских средневековых памятников позднего периода изложена в литературе [Молодин В. И. 1979. С. 3—8, Белов М. И. и др. 1981. С. 3]. Есть необходимость обратить внимание на несколько моментов.

Первый — расположение известных поздне-средневековых памятников. Как следует из справки В. И. Молодина, содержащий материал позднего средневековья имеется по Томско-Чулымскому и Новосибирскому Приобью, Барабинской лесостепи и лесному Прииртышью. Относительно хорошо известен материал с Крайнего Севера (полуостров Ямал) и низовьев Оби. Отмечено наличие таких памятников (как местных, так и русских) в Зауралье. Но очень скудные данные этого периода по Нижней Оби и Сургутскому Приобью [Зыков А. П., Терехова Л. М. 1983. С. 48—45].

Второй — из групп памятников позднего средневековья выделяются объекты периода русской колонизации, освещающие более материальную культуру русского населения, чем коренного населения Сибири.

Третий — среди памятников этого периода изучались могильники, стоянки, селища и городища, но абсолютное преимущество по степени изученности принадлежит могильникам. Самой слабоизученной категорией являются поселения, причем с территории рассматриваемого региона данных о них до недавнего времени было крайне недостаточно. После работ Уральской археологической экспедиции появилась возможность частично восполнить этот пробел. Исследованы 15 раскопанных поселений, в том числе пять укрепленных, сосредоточенных в следующих пунктах: у пролива Малыгина (поселение Хаэн-Сале, Тюттей-Сале), у поселка Лонг-Юган (селище и городище на р. Хейгияха), Перегребное

(четыре поселения и одно городище на правом берегу Оби), Атымья (поселение на одноименной реке бассейна Тавды) и Барсова гора у г. Сургута (селище и городище). На двух памятниках исследовано по одной постройке (городище Мань-Нясан-Тур на р. Ляпин и поселение Зеленая горка вблизи Салехарда). Семь поселений вскрыто полностью, одно — на 2/3 площади памятника, остальные — на 1/2 и меньше. На них изучены 41 постройка (табл. 1).

Для изучения топографии поселений были привлечены не только исследованные раскопками памятники, но и обнаруженные разведками (табл. 1). Благодаря этому стало возможным более определенно судить о достаточно однообразной по общим условиям расположения топографической ситуации поселения позднего средневековья в регионе. В характеристике всех поселений можно отметить ряд общих моментов:

- 1) близость к воде как питьевому источнику и транспортному пути;
- 2) расположение в местах, удобных для охоты и рыбной ловли;
- 3) кучность поселков — расположение их не вразброс по большой территории, а сосредоточение в определенных местах, что связано, скорее всего с распределением охотничьих угодий среди древних коллективов охотников и рыболовов.

Этими определенными местами являются, как правило, устья небольших рек при их впадении в крупные или места с более благоприятствующими для проживания на реке или озере условиями (кроме перечисленных пунктов дополнительно хорошо дренированная, чистая, проветриваемая от гнуса площадка, близость корма для оленя (где он есть), наличие ягод, грибов и пр.

Именно этими условиями, скорее всего, определялось расположение большинства памятников на мысах от 5—6 до 10—12 м высотой, на больших реках и невысоких (2—3 м) мысах в устьях мелких речушек и логов на озерах. Особняком стоят селища Перегребное II/17, Барсова гора IV/I и городище Барсов городок IV/I, расположенные в глубине террасы до 300—500 м. Как показали раскопки, это долговременные поселения. Очевидно, нахождение в глубине обусловлено характером поселений (возможно зимники). Воду жители получали, вероятно, через колодцы, наличие которых зафиксировано в археологической литературе [Черников С. С. 1960. С. 53—54; Оразбаев А. М. 1972].

Картографически рассматриваемые памятники можно условно разделить на две группы: восточную и северную (рис. 1—1). В восточную входят поселения Барсовой горы, Ермаково и Урьево, лежащие в зоне тайги, в северную — все прочие, причем самые северные ее памятники (Тиутей-Сале и Хаэн-Сале) лежат в зоне тундры, один (селище Зеленая горка) — лесотундры, оста-

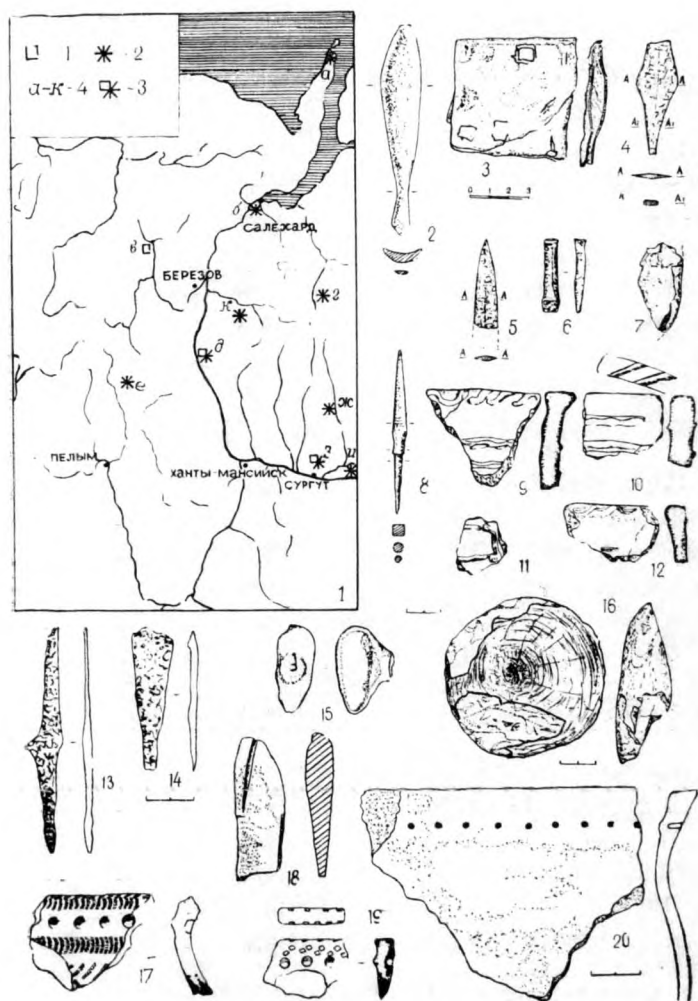

Рис. 1. 1 — карта расположения поселений позднего средневековья в бассейне Нижней Оби: 1 — городища, 2 — селища, 3 — городища и селища, 4 — комплексы памятников. а — Титутей и Хазн-Сале, б — Зеленая горка, в — Мань-Няслан-Тур, г — Лонг-Юган, д — Перегребное, Триречье 2, е — Атымья, ж — Ермаково, з — Барсов городок, и — Урьевское, к — Казымская старица, Лыхна. 2—8 — пос. Атымья 1, 9—12, 16 — гор. Лонг-Юган 1, 13—15, 17—19 — пос Перегребное 3, 20 — сел. Барсов городок IV/1

Таблица 1

Памятник	Исследователь	Год иссле- дова- ния	Характер исследования				Вскрыто построек
			Степень изученности памятника****			Раз- ведка	
			1	2/3	1/2		
1 Пос. Хаэн-Сале	В. Н. Чернецов	1929	+	—	—	—	6
2. Пос. Тиутей Сале	—>—	1935*	+	—	—	—	3
3. Сел. Зеленая горка	—>—	1946	—	—	+	—	1
4 Гор. Лонг-Юган 1	В. М. Морозов	1978	—	—	+	—	2
5 Пос. Лонг-Юган 2	—>—	1978	+	—	—	—	1
6 Гор. Мань-Няслан-Тур	В. Н. Чернецов	1957*	—	—	+	—	1
7. Пос. Перегребное 3	В. М. Морозов	1960	+	—	—	—	1
8. Гор. Перегребное VII	—>—	1980	—	—	+	—	2**
9. Пос. Перегребное 11	—>—	1982	—	—	+	—	2
10. Пос. Перегребное 16	—>—	1983	—	—	+	—	1
11 Пос. Перегребное 17	—>—	1983	—	—	+	—	1
12. Пос. Атымья 1	Ю. Б. Сериков	1982	—	+	—	—	5
13 Гор. Барсов городок IV/I	Ю. П. Чемякин	1980	+	—	—	—	11
14 Сел. Барсова гора IV/I	—>—	1980	+	—	—	—	5
15 Гор. Урьевское 1	В. И. Семенова	1980	+	—	—	—	1
16. Пос. Перегребное 14	В. М. Морозов	1982	—	—	—	+	—
17 Пос. Триречье 2	—>—	1982	—	—	—	+	—
18 Пос. Ермаково 14***	—>—	1975	—	—	—	+	—
19. Пос. Лыхна	—>—	1978	—	—	—	+	—
20 Пос. Казысская старица	—>—	1978	—	—	—	+	—
			7	1	7	5	41

* год издания памятника;

** остатки слабо заметны, отождествляются с постройкой предположительно;

*** на данных поселениях к позднему периоду относится одна постройка;

**** 1 — полное исследование; 2/3, 1/2 — исследование на 2/3 и наполовину.

льные — тайги. Памятники обеих групп по своим характеристикам единообразны.

Все изученные поселения однослойны, примесь однородного материала незначительна. Расположение культурного слоя нормальное, его толщина от 15—20 см в межжилищном пространстве до 70—100 см — в заполнении сооружений и волнообразных насыпей. Возведение построек на древней поверхности произведено без предварительной ее подготовки и культового освящения места жительства. Поселения одноплощадны, внешним проявлением их обитания является наличие остатков древних сооружений на поверхности памятников и укреплений дополнительно у городищ.

В большинстве случаев исследуемые поселения являются соединением нескольких домов, хотя это не обязательно, археологии и этнографии известны примеры поселений, состоящих из одного дома. [Массон В. М. 1980. С. 127]. К таким поселениям относится, например, Перегребное 3. В этих случаях объект выступает и как поселение, и как жилая постройка. Но преимущественно поселения состоят из 2—6 сооружений (11 из 18 поселений). Площадь городищ обеих групп не свыше 1800 кв. м, селищ — колеблется от 1700 до 240 кв. м у северо-таежных поселков (семь из девяти) до 600—800 кв. м (и свыше) у северо-тундровых; в восточной группе площадь селища 3500 кв. м.

При осмотре площадок поселений выделено три типа остатков древних сооружений, фиксировавшихся на поверхности: 1 — в виде впадин, окруженных валообразными возвышениями с визуально фиксируемым выходом и без него, 2 — обычных впадин, 3 — приподнятых площадок. Сочетание объектов 1—2 типов зафиксировано на пяти из 19 памятников; на внутренней площадке двух из этих памятников (городище и селище Барсов Городок IV/I) встречено по одному объекту 3-го типа. Остатки сооружений на 14 поселениях прослежены только в виде впадин.

Расположение построек этого периода на внутренней площадке поселений зависело, очевидно, не столько от традиций размещения сооружений в каком-либо определенном соотношении, сколько от микрорельефа конкретной местности, определяющего данные соотношения. Объекты 1—2 типов четырех из 19 поселений расположены рядами (городище и селище Барсов городок IV/I, Мань-Няслан-Тур, Перегребное 11). На 14 памятниках с остатками сооружений 2-го типа имеются линейная, рядовая и бессистемная типы застройки.

Характеристика укрепленных поселений усложнена данными по оборонительной системе: форма укреплений неустойчива; у одного из пяти городищ она подтреугольная (Перегребное VII), у одного — овальная (Барсов Городок IV/I), у остальных подчеты-

рехугольная. Тип укреплений у одного городища подковообразный (Урьевское I), у двух мысовой (Перегребное VII, Лонг-Юган I), у двух замкнутый (Мань-Нясан-Тур, Барсов городок IV/I). Система укреплений представлена рвом-валом (Лонг-Юган I) и валом-рвом (остальные, ширина рвов — до 3 м, валов — до 2,5 м при глубине рвов и высоте валов над напольной поверхностью до 0,5—0,6 м).

Из 41 вскрытой поверхности к северной группе относится 24, в том числе 9 расположены в зоне тундры, 1 — лесотундры, остальные — тайги. К восточной группе относятся 17 построек, причем они отличаются компактностью расположения: кроме сооружений на городище Урьевское I, остальные находятся на Барсовой горе. Для характеристики построек был произведен отбор признаков, наиболее хорошо представленных в полевых материалах и дающих на основании археологических раскопок по возможности более полное представление об объектах. Ими явились: тип основания — постройки, его форма, площадь, ориентировка, глубина котлована, отсутствие или наличие спального места, очага, входа, хозяйственных ям (признаки первого порядка) и их характеристики по составляющим признакам элементам (признаки второго порядка) (табл. 2).

Такая детальность в подходе к изучению сооружений вызвана тем, что зональные различия в структуре жилого комплекса выражены резче и явственнее, чем в поселенческом комплексе [Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. 1983. С. 29].

Эти различия могут выступать не столько в общем (форма конструкции), сколько в частном (детали интерьера сооружений). В характеристике рассматриваемых сооружений, основанной на сравнении построек северной и восточной групп памятников, преобладает сходство. По типу оснований это наземные постройки и полужемлянки, в обеих группах их соотношение одинаковое. Форма основания большинства построек подчетырехугольно-квадратная; соотношение в группах равномерное. Ориентировка продольной оси пода сооружений в обеих группах разнообразна, но можно отметить небольшое преобладание в восточной группе ориентировки 3—В (десять из 17 построек) (табл. 2).

Отапливались сооружения в основном одним очагом, расположенным, как правило, в центре; внешних встречено три. по одному у постройки. Вход в виде коридора или навеса находился в центре или с угла короткой стенки домов и располагался преимущественно с восточной, юго-восточной сторон (с отклонениями к югу или северу) (табл. 2).

Одновременно наблюдается и различие в данных по обеим группам. Они прослежены в глубине котлована полужемлянок:

Характеристика сооружений

Признаки		Группа памятников			Итого	
1	2 порядка	Восточ- ная	Северная			
				Тайга	Тундра	
Основание построек	Наземное	10	9	0	19	
	Полуземляночное	7	6	9	22	
Глубина котлована полузем- лянок (см)		55	60	85		
Форма основания	Подчетыреугольная	13	11	—	24	
	Округлая	2	2	9	13	
	Многоугольная	2	1	—	3	
	9?					
Площадь основания (м²)		38—42	15—20	45—50		
Ориентировка основания	З — В	10	4	—	14	
	СЗ — ЮВ	2	4	—	6	
	СВ — ЮЗ	1	—	—	1	
	Стороны света	4	4	0	7	
	9	круг	3	0	9	9
			1	3	—	4
Спальное место		—	5	6	11	
Хоз. яма	Нет	3	—	—	3	
	Внутри	1	—	—	1	
	Вне	13	—	—	13	
Очаг		Один	14	12	9	35
		Нет	2	1	—	3
		?	1	2	—	3
	Количество	Вне	1	2	—	3
		Центр	12	9	9	30
		Угол или половина	2	2	—	4
		?	2	2	—	4
Вход	Располо- жение	Центральное	7	9	9	25
		Угловое	4	3	—	7
		?	6	3	—	9

для Крайнего Севера средняя глубина равна 85 см, для лесной зоны — 55—60 см; площадь сооружений для восточной группы в среднем равна 40 кв. м, для северной лесной — 15—20 кв. м, для тундры — 45—50 кв. м. Хозяйственные ямы у построек северной группы не фиксируются, в восточной группе они есть и расположены вне сооружений. Спальные места зафиксированы в 5 постройках лесной зоны и в 6 постройках тундровой зоны (нары?); по восточной группе достоверных данных нет.

Отмеченные отличия в характеристике сооружений обеих групп могут иметь определенное значение. В связи с этим небезынтересно наблюдение В. А. Семенова на жилищно-хозяйственных постройках удмуртов VI—I половины IX вв.: «...если в устройстве здания замечен некоторый консерватизм, то в устройстве очага, ям, нар наблюдается определенное развитие и совершенствование...» [Семенов В. А. 1979. С. 151]. В нашем случае речь может идти не о хронологических, а о территориальных различиях.

Объем статьи не позволяет дать подробный анализ материала поселений. Краткое его описание с большинства памятников приведено в печати. Остановимся лишь на общей характеристике и подробнее на хронологии полученных комплексов. Категория вещей довольно единообразна. Преимущественно это орудия труда и предметы быта, единицами представлено оружие, украшения (за исключением клада), многочисленны остеологический материал и отходы производства. Изделия изготовлены из железа (большинство), бронзы, кости, глины и камня.

На основе подробного анализа имевшегося материала В. Н. Чернецов датировал городище Мань-Няслан-тур XIII в. н. э. [Чернецов В. Н. 1957. С. 232], селище Зеленая горка XIII—XIV в. н. э. [Чернецов В. Н. 1957. С. 234], поселение Хаэн-Салс XVI в. [Чернецов В. Н. 1957. С. 237]. Городище Барсов городок IV/I и селище Барсова гора IV/I датированы авторами раскопок XII—XIV вв. [Зыков А. П., Терехова Л. М. 1983. С. 45], городище Урьевское I — XV — XVII вв. [Семенова В. И. 1981. С. 209]. Клад зооморфных подвесок с пос. Атымья I отнесен исследователем к X—XII вв. н. э. [Сериков Ю. Б. 1982. С. 9].

Дополнительная датировка получена по наконечникам стрел из сооружений поселения (рис. 1—4, 8). При достаточно широком диапазоне существования наконечников стрел такого типа на многих памятниках они обнаружены в комплексах X—XIII вв. [Медведев А. Ф., 1966, с. 145, с. 149; Чернецов В. Н., 1957, с. 227; Гуревич Ф. Д. 1969. С. 116]. То же самое можно сказать и о датировке комплекса Перегребное 3 по наконечнику стрелы (рис. 1—14) и ножу из сооружения. Хронологические рамки их бытования тоже широки, но в ряде западносибирских и части прикам-

ских памятников такие наконечники встречены с материалом X—XIII вв. н. э. [Медведев А. Ф. 1966. С. 147; Конников Б. А. 1980. С. 70; Савельева Э. А. 1970. С. 199]. Железный нож (рис. 1—13) с прямой спинкой и плавным переходом от лезвия к черешку может быть датирован в пределах XI—XII вв. [Викторова В. А. 1973. С. 154, 155; Оборин В. А. 1973. С. 130].

В комплексе городища Лонг-Юган нет четко датирующих вещей. К рассмотрению нами привлечены все данные по этому памятнику. По топографии, площади, форме площадки, усложненной оборонительной системе поселение находит аналогии в Большешарьякском городище на Вахе [Посредников В. А. 1981. С. 302—303]. Сходна и часть керамики. Как на Лонг-Югане (рис. 1—9—12), некоторые сосуды Большешарьякского городища украшены слегка волнистыми налепными валиками [Посредников В. А. 1981. С. 304. Рис. 3—6, 8], валики и желобы расположены горизонтально, вертикально и наклонно. По аналогии с Большешарьякским можно датировать городище Лонг-Юган третьей четвертью II тыс. н. э. [Посредников В. А. 1981. С. 305]. Остальные памятники (городище Перегребное VII, поселение Перегребное II, 16, 17) отнесены нами условно ко второй и третьей четверти II тыс. н. э.

При всем разнообразии характеристики материала есть общее объединяющее все комплексы: полное отсутствие или минимальное наличие керамики (табл. 3). Это явление не случайно. Именно в начале II тыс. н. э. в Западной Сибири наряду с керамикой начала распространяться, а с середины II тыс. н. э. получила широкое распространение [Вилков О. Н., 1967, с. 86, 118, 138] металлическая посуда. В некоторых районах ее применение значительно потеснило традиционные формы посуды. К таким районам относится рассматриваемый регион. В сопредельных районах наблюдается одновременное применение керамики и металлических котлов, чистых бескерамических комплексов в отличие от Нижнего и Сургутского Приобья нет. В Зауралье это можно проследить на примере Лыковско-го могильника X—XIII вв. [Викторова В. Д. 1973, с. 137—173], Мысовского поселения и могильника X—XVII вв. [Викторова В. Д., 1962, с. 135—154]; в Тоболо-Иртышском междуречье — городища Искер [Генинг В. Ф. и др., 1970, с. 226—227]; в Барабинской лесостепи — городища Вознесенского XVI—XVIII вв. [Соболев В. И., 1978, с. 179—190]; Кыштовского могильника I (XIV—XVI вв.) и 2 (XVII в.) [Молодин В. И. 1979. С. 110]; на Средней Оби — могильников Паганча, Остяцкая гора, Балагачево, Тургайских, Тоянова городка XVI—XVII вв. [Дульзон А. П. 1955. С. 102—212; Сулев Г. А. 1969. С. 193—196; Чиндина Л. А. 1982. С. 14—22]. Таким образом, в большинстве районов Западной Сибири наряду с металлической посудой керамика

доживает до этнографической современности, а в районах Нижнего и Сургутского Приобья исчезает, т. к. «распространение металлической посуды к этому времени (XIII—XIV вв. — В. М.) достигло уже таких размеров, что она вытеснила глиняную» [Чернецов В. Н. 1957. С. 234]. Но замена глиняной посуды в ряде районов произошла, очевидно, еще раньше — в первой четверти II тыс. н. э., о чем говорят материалы поселений Атымья I, городища Мань-Яслан-Тур и Перегребное III, причем это коснулось прежде всего территорий, сопредельных с районами северного Зауралья и Приуралья, где металлическая посуда распространилась еще раньше [Савельева Э. А. 1971. С. 42; Мажитов Н. А. 1977. С. 35; Архипов Г. А. 1976. С. 136—137; Семенов В. А. 1979. С. 82—83; 1976. С. 122—130]. Несколько позже — во второй половине четверти II тыс. этот процесс коснулся территории Сургутского Приобья, еще позже (середина — третья четверть II тыс. н. э.) распространился на тундровые районы.

Таким образом, Нижнее и Сургутское Приобье по ряду причин могут оказаться единственными с наличием бескерамических поселенческих комплексов 2—3 четверти II тыс. н. э.

Ранние поселения (городища Мань-Яслан-Тур, Барсов городок IV/I, селища Барсова гора IV/I, Атымья I и Перегребное 3) продолжают строительные традиции раннего средневековья (Морозов В. М., 1981, с. 145; Федорова Н. В., 1981, с. 140). С другой стороны, особенности поздней группы этих памятников были обусловлены не столько социальными, сколько хозяйственными потребностями, и чем дальше, тем этот фактор действовал активнее. Типы жилищ сохраняются те же, что и в раннем средневековье [Морозов В. М. 1981. С. 143; Федорова Н. В. 1981. С. 141] — наземные и полужемляночные, часто с визуально фиксируемым выходом и очагом; все, скорее всего, каркасно-столбовые. Появление принципиально новой техники строительства — срубной мы связываем с проникновением в XI—XII вв. в этот регион нового этноса — коми-зырян. Многоугольные в основании постройки с городища Лонг-Юган I и Барсов городок IV/I стоят особняком и также могут быть связаны с иным, чем у большинства памятников, этносом. Благодаря этнографическим, историческим и археологическим данным мы довольно определенно можем говорить об этнической принадлежности населения данного региона. Памятники тундры (Тнутей-Сале и Хаэн-Сале) оставлены, как доказал В. Н. Чернецов, тундровыми ненцами [Чернецов В. Н. 1957. С. 237], памятники лесотундры и северных районов тайги (Зеленая горка и Лонг-Юган) — лесными ненцами [Васильев В. И. 1979. С. 224; Долгих Б. О. 1960. С. 64—67], остальные — хантами [Соколова З. П. 1980. С. 99; Долгих Б. О. 1960. С. 64, 67, 78—86]. С хантами, на наш взгляд, следует связывать и посе-

ление Атымья I, расположенное в настоящее время на территории расселения манси. По мнению исследователей, манси появились здесь значительно позже первой трети II тыс. н. э. [Соколова З. П., 1982, с. 18].

Часть памятников имеет не только хорошую этническую привязку, но и историческую. Земли, где располагались поселения, входили в состав Кодского (Перегребной куст, Триречье) и Бардакова (Барсовы городки, Урьевское I, Ермаково) княжеств [Бахрушин С. В. 1935. С. 40—41; Долгих Б. О. 1960. С. 84, 67—81]. Благодаря работам экспедиции, получено подтверждение исторических сведений по материальной культуре рассматриваемых поселений и подробнее освещен вопрос о бескерамических комплексах позднего средневековья. Появление этих комплексов связано с изменением образа жизни охотников Нижнего Приобья в связи с увеличением спроса на пушнину и переориентацией населения на ее массовую добычу. Изменение «баланса» охоты в хозяйстве охотничьих групп населения не могло не повлиять на характер их поселений и жилищ. Каков этот характер, предстоит выяснить в ходе дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // СЭ 1983 № 2 С. 22—31.
- Архипов Г. А. Марийский край в памятниках археологии Йошкар-Ола. 1976
- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л. 1935
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., Мангазея М. 1981
- Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей М. 1979. С. 244.
- Викторова В. Д. Могилиник и поселение у д. Мыс на р. Нице // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 4. С. 135—154.
- Викторова В. Д. Ликинский могилиник X—XIII вв. // Вопросы археологии Урала. 1973. Вып. 12. С. 133—168.
- Вилков О. И. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке М. 1967
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье, Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири Томск. 1970. С. 203—228.
- Гуревич Ф. Д. Новые материалы по истории Новочудска // КСИА. 1969. Вып. 120
- Долгих В. О. Родовой и племенной состав Сибири в XVII в. М. 1960. 624 с.
- Дульзон А. П. Остяцкие могилиники XVI—XVII вв. у села Молчаново на Оби // Учен. зап. Томск. пединститут. 1955. Г. XIII. С. 97—154.

Зыков А. П., Терехова Л. М. Металлургические исследования железных изделий городища Барсов Городок IV/I XII—XIII вв. // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири Барнаул 1983 С. 43—45.

Кривиков Б. А. Материалы и характеристика вооружения средне-иртутского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья Томск 1980 С. 68—78.

Молчанов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М. 1977 С. 240

Массон В. М. Социальный строй древних обществ. М.—Л. 1980

Медведев А. Ф. Руное метательное оружие. Свод археологических источников. Вып. LI—36, М. 1966

Молчанов В. И. Кыштовский могильник Новосибирск 1979 184 с

Морозов В. М. Средневековые городища Нижнего Приобья // Вопросы археологии Урала 1981 Вып. 15 С. 142—147

Оборин В. А. Могильник Телячий брод VII—XVI вв. // Вопросы археологии Урала 1973 Вып. 12 С. 122—133

Оразбаев А. М. Колодцы на поселении Чагменка // Поиски и раскопки в Казахстане Алма-Ата 1972

Посредников В. А. Большеларьякское городище // Сов. археология 1981 № 2

Савельева Э. А. Пермь Вычегодская. М. 1970 224 с

Семенов В. А. Северные удмурты в начале II тыс. н. э. Ижевск 1979.

Семенов В. А. Материалы к истории жилищ удмуртов в VI—перв. половине IX в. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья Ижевск. 1979

Семенова В. И. Раскопки Урьевских городищ // АО за 1980 г. М. 1981. С. 208—209

Сериков Ю. Б. Отчет об археологических работах Нижнетагильского отряда УАЭ за 1982 г. Свердловск, ф. 2, д. 367.

Соболев В. И. В знесенское городище — памятник середины II тыс. н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск. Наука. 1978 С. 179—190

Соколова З. П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера М. 1980. С. 89—117.

Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера М. 1982 С. 8—47.

Судлев Г. В. Могильник «Релка» и поздние археологические памятники Средней Оби // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск 1969. С. 193—196

Федорова Н. В. Итоги четырехлетнего изучения поселений I тысячелетия н. э. Барсовой горы // Вопросы археологии Урала. 1981. Вып. 15. С. 140—142

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА. 1957. № 58.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы М.—Л. 1960. 272 с

Чиндина Л. А. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья Томск. 1982. С. 14—22.

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУМ СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ

Чум — конусообразное жилище у ненцев, энцев, иганасан, коми, хантов, манси, кетов, долган и других народов. Чум обских угров описан З. П. Соколовой (1963, с. 188—194; 1972, с. 33—36), ваховских хантов — В. М. Кулемзиным и Н. В. Лукиной (1977, с. 71—72). Хантыйский и мансийский чумы, особенно северо-хантыйский, похожи на ненецкий. Ненецкий чум исследован В. Н. Чернецовым (1937, с. 85—92) и Л. В. Хомич (1966, с. 101—113, 282—283). Обзор материалов о чумах всех сибирских народов дан А. А. Поповым (1961, с. 131 и т. д.). Чум охотников на диких оленей в Северной Евразии исследован Ю. Б. Симченко (1976, с. 152—167). Рассмотрим чум и его использование в наши дни у северных хантов в Приуральском, Шурышкарском и Березовском районах Тюменской области. Статья написана на основании полевых материалов автора 1977—1981 гг.

В Уральских горах (в Приуральском районе) мы наблюдали за переездом оленеводов деревни Катровож с одного стойбища на другое. Было две семьи оленеводов, каждая из них жила в своем чуме. Мы прибыли на стойбище в начале июля поздним вечером. Чумы были разобраны и сложены на нары. Для перевозки шестов чума имеются специальные нары. На остальные нары были погружены одежда, посуда, продукты питания, орудия труда, лыжи и пр. Всего было более 20 загруженных нар. После нашего прибытия обоз двинулся на новое стойбище в нескольких километрах от старого. На новое стойбище приехали в 23.55. Ночь была светлая, поскольку мы находились в полярной зоне. Оленей выпрягли и начали ставить чум. Посреди места, выбранного для чума, оставили место для костра, по обе стороны которого положили половые доски. Далее от досок расположили циновки из травы и камыша, на которых разложили оленьи шкуры. На шкурах разместили подушки и женские шубы, под которыми спят.

В 00 25 подняли три шеста (рис. 1), связанных всеревкой в верхней части (длина шестов несколько метров). К ним прислонили (рис. 2) не связывая, еще более 30 шестов, которые вместе с ранее поднятыми составили каркас. Один шест (симса) устано-

வில் внутри у задней стены чума. К этому шесту прикрепили приблизительно на высоте 175 см концы двух горизонтальных жердей. Другие концы этих жердей прикрепили к шестам возле входа по разным сторонам. На горизонтальные жерди положили

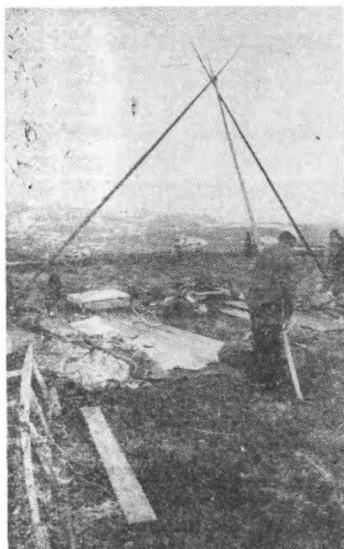

Рис 1 Установление основных шестов чума. Приуральский район, стойбище оленеводов из с. Катровожа на Урале

Фото М. Мурдвез, 1978

две горизонтальные палочки, к каждой из которых прикрепили по крюку для котла. Верхняя часть крюка — деревянная, а нижняя из железной проволоки; в деревянной части около десяти отверстий. Оба крюка можно перемещать вверх и вниз. Общая длина крюка 132 см, длина его железной части 38 см.

В 00.25 на каркас чума начали натягивать брезент. Брезент подняли на двух шестах (рис. 3) и разложили в два слоя. Потом чум обмотали веревками, концы которых укрепили к нижнему концу шестов. Несколько шестов положили снаружи на чум. Вход в чум прикрывался частью брезента.

В 00.41 посреди чума развели костер. В котел, подвешенный на крюк, положили оленьё мясо.

В 00.45 чум был готов. Диаметр чума в основании составил 6 м.

Возле этого чума вторая семья завершила в 00.51 постройку своего чума, покрытого также брезентом. После того, как мясо сварилось, принялись за еду. Стол был низкий, размеры стола 23 (высота) × 49 × 75 см. Сидели на оленьих шкурах или на низких скамеечках, размеры одной скамеечки были 15 (высота) × 16 × 29 см.

Позднее в Уральских горах мы видели еще два чума оленеводов из деревни Катровож, чумы были покрыты также брезентом.

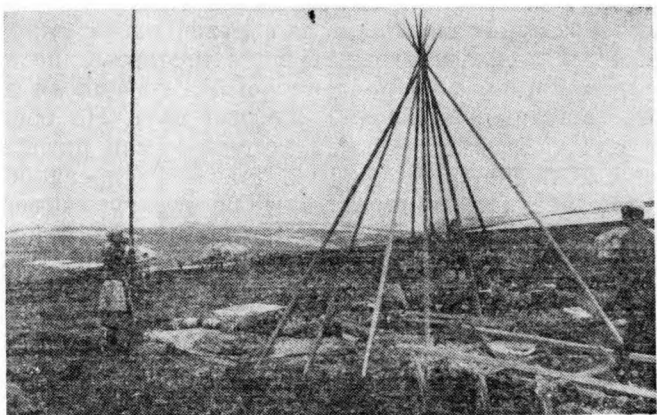

Рис 2 Установление каркаса чума Приуральский р-н, стойбище оленеводов из с Катровож на Урале
Фото М Мурдвезэ 1978

Рис 3 Покрывтие чума брезентом Приуральский р-н, стойбище оленеводов из с Катровож на Урале

В Приуральском районе мы видели чумы еще в деревнях Вылпосл, Горнокнязевск, Зеленый Яр, Пельвош и на стоянках рыбаков возле Оби

В деревне Вылпосл жильем служили бревенчатые дома и чумы. Шесты некоторых чумов были покрыты берестой (рис. 4), некоторых -- брезентом, но были также чумы, покрытые сначала

берестой, а сверху еще дополнительно брезентом. В центре чума были железные печи, либо костры. Чум семьи Теткиных был покрыт двойным слоем бересты, щитой нитками из сухожилий. Посреди чума был костер, прямоугольно обложенный кирпичами. Костер был между раздвоенными в верхней части столбами. На столбах лежал горизонтальный шест, к которому подвешивали котел. По двум сторонам и впереди котла были доски для пола, покрашенные масляной краской в желтый цвет. По обе стороны возле стен находились постели, на которых были разложены подушки и шубы, накрытые большим платком. В деревянном ящике на постели была кукла **итырма**. Напротив входного отверстия чума находились два низких стола и один высокий стол на столбах. На высоком столе была посуда и продукты питания. Входное отверстие покрывалось частью брезентового покрывала и дощатой дверью.

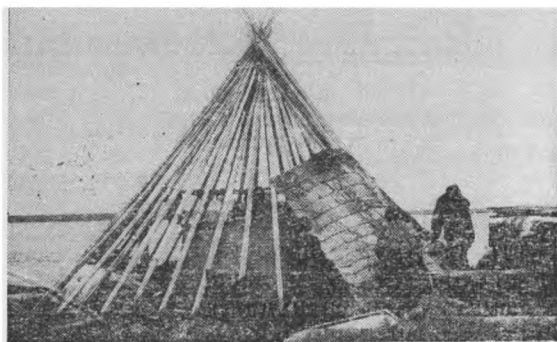

Рис 4 Покрывание чума берестой Приуральский
р н д Выпосл
Фото автора, 1978

В деревне Горно князевске живут в бревенчатых домах и в чумах. Один чум был покрыт потертыми оленьими шкурами. В деревне было еще два чума, один из которых был покрыт брезентом, а другой—берестой.

В деревне Пельвош жильем служили брезенчатые дома, но был и один чум, покрытый берестой, он имел дощатую дверь. У этого чума береста была придавлена снаружи более чем 20 шестами.

Также и в деревне Зеленый Яр, помимо бревенчатых домов, был один чум, построенный из 36 шестов и покрытый берестой, на которой местами был наложен брезентовый покров. Посреди чума была железная печь, под которой помещалась жесть. Над печью были расположены два горизонтальных шеста с развешенной дет-

ской одеждой. По обе стороны печи был деревянный пол, а возле стен располагались постели. Над одной постелью висела колыбель с ребенком.

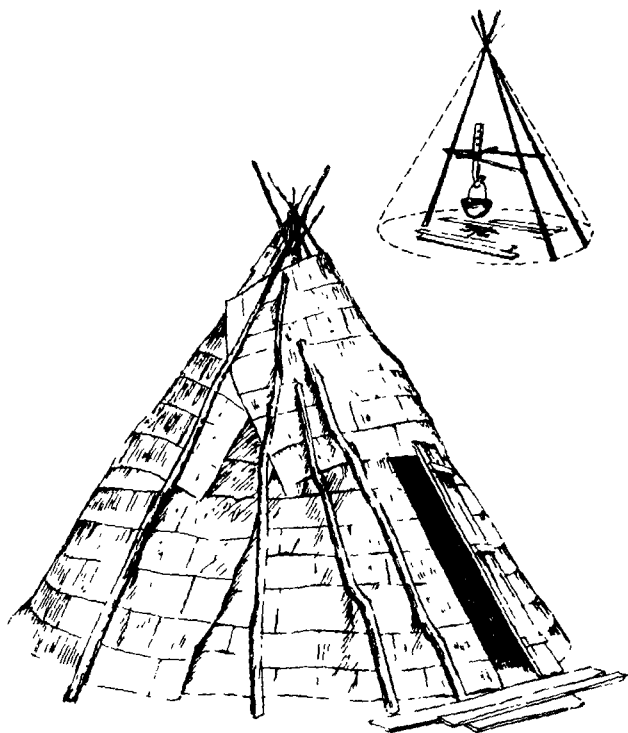

Рис 5 1 — чум, покрытый берестой, 2 — котел с крюком над костром Шурышкарский р-н, стойбище оленеводов около с. Овгорт
Рис. М. Цолк, 1979

На стоянке рыбаков Ишлеха возле Оби было 4 чума. Каждая семья жила в своем чуме. Конусообразно расположенные шесты покрывал обтянутый веревками брезент. В трех чумах были костры, а в одном железная печь. Котел подвешивали к горизонтальному, расположенному на двух столбах, шесту. По обе стороны от очага были доски для пола, а возле стен — постели.

На стоянке рыбаков возле поселка Аксарка было 3 чума, покрытых брезентом. В Шурышкарском районе мы видели чумы в селе Овгорт и в деревнях Унсельгорт и Кушеват, а также на стоянках рыбаков возле Сыни, Куновата и Оби.

Рис 6 Чумы, покрытые брезентом Шурышкарский р-н, стоянка рыбаков около с. Лопхари
Фото автора, 1977

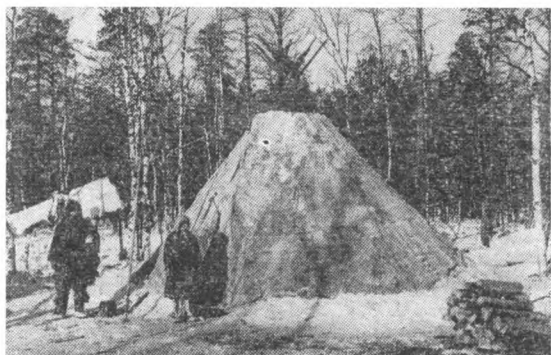

Рис 7 Чум, покрытый шкурами из оленьих шкур Березовский район, стойбище оленеводов из д. Юльск
Фото автора, 1980

Чум в деревне Овгорт был построен из 28 шестов, частично покрытых шерстяной тканью, частично берестой, но сверху чум был покрыт брезентом и укреплен вокруг чума веревками. С внешней стороны на чум было положено еще 11 шестов. Диаметр основания чума — 480 см. Входное отверстие чума прикрывалось

частью брезента, на который помещалась еще прямоугольная дощатая дверь размерами 145×67 см. Посреди чума располагалась железная печь, под которой были кирпичи. По обе стороны от печи был деревянный настил, но постель была только одна — справа от входа. На другой стороне чума был разложена толь, на которой были дрова. Рядом с дровами находился стол размерами 29 (высота)×83×58 см. Возле стола стояла скамеечка размерами 18 (высота)×40×14 см.

В нескольких километрах от Овгорта располагалось стойбище оленеводов, где стоял покрытый берестой чум (рис. 5). Посреди чума было костер, крюк для котла (рис. 5, 2) был аналогичен ранее описанному у оленеводов в Уральских горах.

В деревне Унсельгорт имелось три чума, два были покрыты брезентом, один — берестой. В деревне Кушеват был один чум, покрытый берестой. На стоянке рыбаков в устье Сыни было четыре покрытых берестой чума.

На стоянке рыбаков из деревни Лопхари возле Куновата было 10 чумов, все покрыты брезентом (рис. 6), а у двух чумов под брезентом была и береста. Мы посетили один чум, костер располагался между двумя столбами с горизонтальной жердью. Над костром к шестам чума были прикреплены две горизонтальные жерди с коптящейся рыбой.

В Хышпане, в летней деревне рыбаков Куновата возле Оби, имелось семь домиков, построенных из досок и планок, и восемь чумов, покрытых брезентом. В Айхышпане, летней деревне рыбаков Сыни, возле Оби, было два бревенчатых дома и шесть чумов, из которых два было покрыто берестой, а четыре — брезентом. В обеих деревнях мы посетили по одному чуму. И в них костер располагался между двумя столбами с горизонтальной жердью.

С описанными выше чумами Приуральского и Шурышкарского районов мы ознакомились летом. Приблизительно в 25 км от деревни Юнльск в Березовском районе мы видели чумы зимой. На стойбище оленеводов было три чума. Чум бригадира Молданова был построен из 26 еловых шестов. Два шеста в верхней части были скреплены ремнем, на них были помещены другие шесты. Шесты покрывал брезент, а поверх брезента был покров из сшитых оленьих шкур (рис. 7). Посреди чума была железная печь. Перед печью были дрова. По обе стороны от печи располагались постели. На земле были положены решетки из связанных веревками березовых палочек. На них лежали циновки из травы, покрытые сверху оленьими шкурами.

Чум, покрытый оленьими шкурами, нижеобские ханты называют **ёрнхот** [Соколова З. П., 1963, с. 194], покрытый берестой — **тунтыхот**. Казымские ханты называют покрытый брезентом чум — **нюкихот**, берестой — также **тунтыхот**.

Чумы в настоящее время широко распространены у северохантыйских рыбаков и оленеводов. Чаше чумы встречаются в Приуральском и Шурышкарском районах, реже — Березовском.

Шесты для чума заготавливают из ели, но встречаются из сосны или березы. Шесты 4—6-метровые. Из Казыма имеются данные, что шесты имели длину в три размаха рук. Раньше чум покрывали летом берестяными тисками, зимой — нюками из оленьих шкур. Этими материалами покрывают чум и сейчас, но широко распространен брезент, под которым иногда бывает береста или сукно. Для покрытия чума необходимо снять бересту с нескольких десятков берез. Бересту заворачивают в трубочки и варят в котлах. Сначала варят один конец трубочки, потом другой. После варки береста становится эластичной. Из кусков бересты жильными нитками сшивают тиски.

В середине чума находится очаг. Котел подвешивается при помощи крюка редко. Часто очаг расположен между двумя столбами, на которые положен горизонтальный шест. В настоящее время в чумах все чаще используются железные печи.

Половые доски находятся обычно по бокам очага, но иногда также перед очагом. По обе стороны от очага, у стен располагаются постели. Спят на оленьих шкурах, под которыми положены циновки из травы и камыса. Однако нам не всегда удавалось видеть, что кладут под циновки. У оленеводов из деревни Юильск под циновками были решетки из березовых палочек, связанных веревкой. По данным Л. В. Хомич [1966 г. с. 105, 107] ненцы под травяные циновки клали циновки из березовых или ивовых прутьев.

Напротив входного отверстия хранятся продукты питания, посуда и предметы обихода.

Едят за низкими столами высотой 20—30 см. Сидят на скамеечках, деревянных табуретах или оленьих шкурах. Изредка пользуются блюдами и черепками. Распространены покупные чашки, тарелки, чайные ложки и чашки, часто в чумах имеются транзисторные радиоприемники, иногда и швейные машинки.

ЛИТЕРАТУРА

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Этнографические очерки. Томск. 1977. 225 с.

Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова М.—Л. С. 131—226.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М. 1976. 311 с.

Соколова З. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ М. 1963. Т. 84. С. 180—233.

Соколова З. П. Ханты р. Сыня и Куноват. Этнографический очерк//
Материалы по этнографии Сибири Томск 1972 С. 15—66

Хомич Л. В. Ненцы Историко-этнографические очерки М.—Л. 1966.

329 с

Чернецов В. Н. Чум//Сов. этнография, 1937 № 6 С. 85—92.

ЗЕМЛЯНЫЕ ЖИЛИЩА БАРАБИНСКИХ ТАТАР

В процессе этногенеза барабинских татар приняли участие различные самодийские, тюркские, кетоязычные и угорские элементы, на протяжении столетий в разные периоды контактировавшие между собой и смешивавшиеся на территории Барабинской лесостепи [Титова З. Д. 1976; Томилов Н. А. 1973]. Это обстоятельство, дополняемое также разнообразием природных зон и ландшафтов, явилось причиной неоднородности элементов материальной и духовной культуры местного тюркского населения [Томилов Н. А. 1973; Богомолов В. Б., Томилов Н. А. 1973].

Задача типологизации жилищ барабинцев в общем плане уже намечена [Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И. 1975; Селезнев А. Г. 1984]. В настоящей работе предполагается ввести в научный оборот новый полевой материал, [Сибирская историко-этнографическая экспедиция Омского университета 1983—1984], а также делается попытка рассмотреть генезис некоторых типов жилищного комплекса через этногенетические и этнокультурные контакты.

Рассмотрим стационарные, прямоугольные в плане полуподземные или полностью углубленные в землю жилища, являющиеся, судя по воспоминаниям информаторов и археологическим материалам [Соболев В. И. 1983], древнейшими из дошедших до этнографического прошлого типов жилых сооружений барабинских татар. В настоящее время землянки в качестве жилья не используются, но сохраняются еще в виде хозяйственных и дворовых построек. Опросы информаторов, литературные источники позволяют нам с большой степенью достоверности реконструировать устройство различных типов барабинских землянок.

Ареал распространения рассматриваемых жилищ лежал в южной и центральной части Барабы; на севере они отсутствовали, по словам информаторов, из-за значительных запасов строевого леса.

Все виды полуподземных сооружений характеризуются прямоугольным котлованом, двускатной формой наружного перекры-

тия, наличием коньковой конструкции.

Весьма распространен тип полуземлянки, основанием перекрытия которой являются три пары опорных столбов, соединенных тремя несущими балками. Глубина прямоугольной ямы была около 1 м. Возводилось такое жилище на берегу реки или озера, в месте скопления наиболее плотной глины. Размеры котлована колебались от 16 до 20 кв. м. У передней и задней стенок ямы вкапывалось по три столба, причем два более низких находились в углах котлована, а один, более высокий, располагался посередине стенки. Симметричная конструкция сооружалась и у заднего фронтона. Каждая пара передних и задних столбов соединялись несущими балками. На них поперек и наклонно клались несколько пар бревен. Бревна одним своим концом упирались в землю, другим в несущую верхнюю балку-конек. При этом наклонные бревна также покоились и на балках, соединяющих две пары низких столбов. Вдоль по бревнам крепились плотно пригнанные друг к другу слегы, завершающие конструкцию каркаса. Высота наземной части жилища («заборчика»), по Л. Лянге, была равна аршину, т. е. примерно 0,7 м [Катанов Н. Ф. 1905]. Судя по нашим материалам, высота перекрытия иногда достигала 1,5 м.

Каркас жилища покрывался берестяными тисками, а сверху толстым слоем дерна комлевой стороной вниз. Передний и задний фронтоны жилища раньше укреплялись вертикальными, приставленными друг к другу слегами, позднее облицовывался досками, совмещая полуземлянку с другими хозяйственными постройками двора. Конструкция входа в полуземлянку была двойкой: пандусной и ступенчатой, с отлогим спуском. В жилище, которое зафиксировала В. В. Храмова в ауле Бергуль, рядом с основным жильем находилось еще подсобное помещение, судя по рисунку, полностью углубленное в землю [Храмова В. В. 1949].

Рама для входной двери вытесывалась на центральном (высоком) столбе, поэтому вход в жилое помещение был несколько смещен от центра. Окно (таррас) вырезалось в крыше землянки после постройки и затягивалось обработанным бычьим пузырем. Информаторы помнят, что иногда в качестве материала, пропускающего дневной свет, зимой использовалась ледяная пластина. И. Г. Георги отмечал, что это окно делается «... не столько для свету и исхождения паров, сколько для того, чтобы в сильные метелицы, во время которых иногда совсем заносит снегом их хижины, вылезать на двор сим отверстием и опрастывать двери» [Георги И. Г. 1799].

Конструкции некоторых разновидностей полуземлянок имеют более упрощенные варианты. В ряде случаев в каркасе сооружения отсутствуют боковые опорные столбы, а также покоящиеся

на них боковые несущие балки (рис. 1). Поперечные бревна в этом случае наклонно углублены в землю на 0,15—0,20 м, и верхним концом опираются на несущую балку-матицу. Последняя, в этом варианте, поконится либо на переднем и заднем столбе, либо на балке перекрытия дверного устройства. В данном случае у заднего фронтона на глубину 0,4—0,6 м был вкопан столб диаметром 0,25 м. Симметрично столбу у переднего фронтона, на середине стены вкапывались еще два столба диаметром 0,12 м каждый, перекрытые сверху балкой такого же диаметра. Посередине балки вырубалась чашка для закрепления коньковой матицы. Основу переднего и заднего фронтона составляли две пары наклонных бревен, на которых крепились горизонтальные слегы, завершающие конструкцию каркаса. Покрытие каркаса обычное берестяные тиски, слой сена в качестве утеплителя, наконец, мощный слой дерна.

Второй тип полуземлянки принципиально отличался от первого наличием сруба в качестве элемента каркаса и несущей основы (рис. 2). Возводилось такое жилище в том месте, где имелась наиболее плотная красная глина.

Одна полуземлянка второго типа зафиксирована в а. Тебиссе Чановского района, Новосибирской области. Котлован жилища был выкопан грубо, но дно было обозначено достаточно четко. Глубина котлована — 0,94 м. Верхний дерновый слой — 0,20 м снимался еще до начала выемки грунта собственно из ямы. Стен-

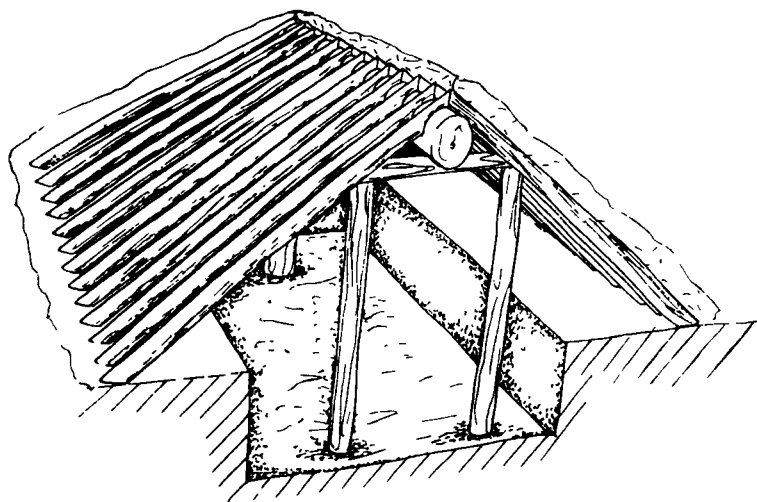

Рис. 1

ки ямы имеют некоторые вмятины и выступы. Грунт на стенах утрамбован тщательно. Информатор М. М. Ахметзянов сообщил, что часто для укрепления стен использовалась глиняная обмазка. Об использовании глины в качестве обмазки упоминала и В. В. Храмова [1949]. Яма описываемого нами жилища имеет подпрямоугольную форму размером $2,50 \times 2,18$ м. Сруб располагается не внутри котлована, а снаружи, причем венцы сруба прибиты вплотную к кромке стен ямы. Сруб состоит из пяти венцов и срублен в «чашку», причем углы вырубались чрезвычайно грубо. Сруб охватывает три стороны котлована: заднюю и две боковые. У переднего фронтона вкопан опорный столб. На столбе и посередине заднего бревна верхнего венца вырублены чашки. В них и закреплена балка подпрямоугольной формы, размером $0,18 \times 0,18$ м. Углы балки округлены. Наклонные слги перекрытия, образующие двускатную крышу, крепятся одним своим концом на коньке, а другим на верхних бревнах стенок. Слги довольно плотно пригнаны друг к другу, порой подобное качество пригонки достигалось затесами. Венчает сооружение мощный слой дерна, закрывающий и наружную часть сруба и крышу.

Третий тип землянки реконструируется лишь по устным свидетельствам информаторов, поэтому сведения о нем крайне отрывочны. Сообщают, что это были углубленные в землю на $1,80—2,50$ м жилища со слабо пологой крышей. Перекрытие держалось на четырех опорных столбах и балках, образующих четырехугольную раму. Завершала конструкцию еще одна балка-матица, проходившая посередине рамы. Перекрываются жилище бревенчатым накатом.

Чрезвычайно интересным является тип жилищ, составленных из дерновых кирпичей (юн). Строительным материалом для таких построек были земляные (дерновые) блоки длиной $0,45$ м, шириной $0,25—0,30$ м, высотой $0,10—0,15$ м. Снимали верхний дерновый слой земли с помощью плуга, а делили на блоки с помощью лопатки. Предпочтительней использовался дерн, снятый у болота. Барабинцы считали его самым прочным. Перед употреблением «кирпичи» высушивались на солнце. Площадка под строительство расчищалась от растительности, а зачастую выбирался и верхний слой земли. Жилище обычно имело подквадратную форму размером 4×4 м. Однако иногда сооружались и длинные жилища, состоящие из двух камер. Высота стен обычно составляла $1,2—1,4$ м, с учетом крыши в жилище можно было перемещаться в полный рост.

Конструкция перекрытия была двойкой. Реже внутри дома по углам вкапывались 4 столба, сверху они сшивались бревнами, образующими раму. Посередине от передней к задней стенке проходила матица. Сверху устраивался двусторонний накат из целых,

либо расколотых надвое бревен, так что крыша получалась двускатной и слабо пологой. Второй способ перекрытия встречался чаще и отличался тем, что бревна клались прямо по периметру земляных стен. В этом случае приходилось не только скреплять кирпичи глиняным раствором, но и укреплять стены, обмазывая их снаружи и изнутри мощным слоем обмазки, в противном случае земляные стены разрушились бы под действием силы тяжести кровли. В обоих случаях устраивался накат, закрытый сверху кусками дерна. Отверстия под окна и дверь оставлялись в процессе возведения постройки.

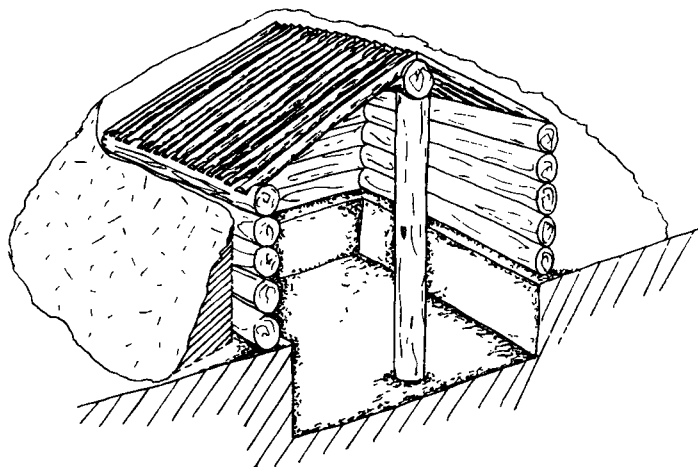

Рис 2

У всех приведенных типов жилищ есть ряд общих черт, позволяющих говорить об их генетическом родстве. Прежде всего отметим терминологическую общность. «Ярь-н» — «земляной дом» — общее наименование и для землянок, и для домов из дерновых кирпичей. Любопытно, что все остальные жилища обозначаются общетюркским термином «уй». Практически во всех рассмотренных случаях двускатная конструкция перекрытия покоилась на земле. Даже при сооружении домов из дерновых кирпичей несущая конструкция чаще всего укладывалась на земляные стены, что было крайне нецелесообразно, ибо требовало дополнительных средств и усилий для укрепления стен и сокращало полезный объем. Исключение из общего ряда составляет землянка со срубным основанием, но это исключение лишь подтверждает правило. В указанном случае сруб не выполняет своей главной функции — ук-

репление стен землянки, а, напротив, разрушает их собственной тяжестью. Срубная конструкция здесь явно привнесена, причем достаточно поздно.

Такое отношение к земле имело, видимо, отчасти, ритуальную основу. В этом смысле напрашиваются аналогии с надмогильными сооружениями барабинцев «картмя», представляющими собой самцовые (двускатные) срубы, покоящиеся на земле. А тот факт, что надмогильные сооружения отражают, в определенной степени, отдельные элементы жилищ, является общим правилом [Симченко Ю. Б. 1976].

Таким образом, двускатная конструкция перекрытия была господствующей для барабинских земляных сооружений, во всяком случае в эпоху обозримого этнографического прошлого. Очевидно, что в свое время Л. Лянге и И. Г. Георги видели именно двускатную землянку, а не шатровую, как это полагает З. П. Соколова [1957]. Это, впрочем, не исключает возможности существования в прошлом на территории Барабы жилищ шатровой конструкции. Об этом, отчасти, свидетельствуют предания о людях, живших под землей и погребавших себя в случае каких-либо социальных катаклизмов, подрубив центральный опорный столб. Шатровые жилища, наряду с двускатными, выделены в отдельный тип и по археологическим материалам [Соболев В. И. 1983]. Однако шатровые землянки не вошли органически в комплекс жилищ барабинцев, они принадлежали каким-то субстратным индоевропейским (скорее всего угорским или самодийским) группам.

Срубные двускатные полуземлянки были характерны для угорской этнографии [Соколова З. П. 1950]. Однако сруб, как мы полагаем, был заимствован тюрками лесостепи у угров весьма недавно. В то же время основные технологические детали барабинской землянки — наклонные пары бревен — стропила свойственны также для жилищ подкаменнотунгусских кетов [Долгих Б. О. 1952]. Впрочем, для таких землянок еще характерно отсутствие коньковой конструкции. Жилища же сургутинских кетов уже снабжены продольной несущей балкой-матццей [Алексеев Е. А. 1967]. Если предположить, что землянка сургутинских кетов была формой развития, а не локальным вариантом общекетского типа, то вполне вероятен перенос традиций двускатного перекрытия от кетов в Центральное Обь-Иртышье. Об участии енисейского компонента в составе барабинских татар впервые поставил вопрос С. Патканов [1912]. Со своей стороны отметим, что названия деревни Байбохтина в Барабе и барабинской волости Тураж содержат в себе элементы, восходящие к кетским этнонимам **бай**, **бохта** (покта), **аз** [Васильев В. И. 1979; Алексеев Е. А. 1973].

Полностью углубленные в землю жилища зафиксированы у васюганско-ваховских хантов. Аналогичные землянки были характерны и для селькупов [Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1977]. Последние могли привнести данный тип жилищ на территорию Барабы, тем более, что источники и народная традиция неоднократно отмечали факты миграции нарымских селькупов в Тарский уезд и обратно [Долгих Б. О. 1960; Пелих Г. И. 1981].

Особо следует остановиться на жилищах из дерновых кирпичей. Почтиных аналогов этому типу в Сибири нет. Экспедицией Омского университета в 1975 г. были зафиксированы схожие жилища у бочатских телеутов и алтайцев [Матерналы. 1975]. Но телеуты и алтайцы сооружали предварительно каркас и только затем обкладывали его земляными блоками. По форме данное жилище напоминало усеченную пирамиду. Тип жилища, практически идентичный барабинскому и по конструкции, и по способу постройки, был известен башкирам. У них же отмечены плетневые мазанки и саманные дома, также широко распространенные среди барабинцев в прошлом [Шитова С. Н. 1984]. По-видимому, мы имеем здесь дело с глубокой генетической связью на древнетюркской или даже самодийской основе.

Не исключено, что отдельные элементы рассматриваемых жилищ связаны с надмогильными сооружениями. Для тюрок Барабы XIII—XIV вв. было характерно возводить насыпи курганов из дерна [Соболев В. И. 1978]. Имеет ли это отношение к своеобразной пирамидальной форме алтайских и телеутских жилищ?

В заключение следует отметить, что все описанные типы жилищ составляют единый, хотя и подвижный комплекс. Исследование этого комплекса представляется наиболее перспективным для изучения древних этногенетических и этнокультурных связей абorigенов Барабинской лесостепи и других народов и этнических групп Сибири и сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Титова З. Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. Томск. 1976. Вып. 19. С. 108—147. Томилов Н. А. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (к вопросу об угорском и самодийском компонентах) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1973. С. 132—134 и др.

Богомолов В. Б., Томилов Н. А. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (по материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1973. С. 129—131; Томилов Н. А. О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар (по данным мате-

риальной культуры)//Происхождение аборигенов Сибири и их языков Томск. 1973. С 171—172.

Селезнев А. Г. Традиционные типы жилищ барабинских татар//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий//Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии Омск 1984 С 153—156; Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И. Новые материалы по этнографии барабинских татар//Из истории Сибири Томск 1975 Вып. 16 С 186—189.

Сибирская историко-этнографическая экспедиция Омского университета 1983—1984 гг. Материалы хранятся в музее археологии и этнографии Омского университета.

Соболев В. И. Барабинские татары XIV — начала XVII вв. и э (по археологическим материалам). Автореф. дис. канд. ист. наук — Новосибирск 1983 С 6—7

Катанов Н. Ф. Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах//Ежегодник Тобольского губернского музея 1905 Вып. 14 С. 4

Храмова В. В. Дневник Обь-Иртышской экспедиции 1949 г. Тетрадь № 12. Архив Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Ф. К—1, оп. 2, № 31. Л 156—157.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов СПб 1799 Ч. 2. С 114.

Храмова В. В. Дневник Обь-Иртышской экспедиции Л 157

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Азии. М. 1976 С 160 Ср Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси М 1987 С 312.

Соколова З. П. К истории жилища обских угров//Сов. этнография. 1957 № 2 С. 99

Соболев В. И. Указ. раб. С. 7.

Соколова З. П. К вопросу о развитии обско-угорской землянки//Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1959 Вып. 1. С 19—20.

Долгих Б. О. Старинные землянки кетов на р. Подкаменная Тунгуска//Сов. этнография 1952. № 2. С. 160—161

Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки Л 1967. С 92

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев СПб 1912 С. 57

Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей М 1979. С. 39, 40, Алексеев Е. А. Южносибирские элементы в культуре кетов//Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973) М 1973 С 5

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Томск. 1977. С 72—73

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. 1960 С. 87—88, Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск 1981. С 56—58

Материалы этнографической экспедиции Омского университета, 1975 г., тетрадь 4—8, Л 40—42

Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир М 1984.

Соболев В. И. Курганы XIII—XIV вв. у с. Туруновка//Этнокультурные явления в Западной Сибири Томск 1978 С 91—96

В. Д. Славнин

ТИПЫ ЖИЛИЩ КУМАНДИНЦЕВ

Существует вполне обоснованное мнение о сравнительно слабой лингвистической и этнографической изученности кумандинцев [Баскаков Н. А. 1972. С. 5], несмотря на наличие специальных работ, посвященных этнографии этой небольшой североалтайской народности [Сатлаев Ф. А. 1974; Сатлаев Ф. А., 1975; Тошак ова Е. М., 1978 и др.]. Причин такого положения несколько, упомянем только важнейшие. Вслед за В. И. Вербицким и Л. П. Потаповым [Вербицкий В. И., 1893; Потапов Л. П., 1935; Потапов Л. П., 1953] в этнографической литературе стали рассматривать население Северного Алтая как нечто преимущественно однородное,вольно или невольно отодвигая на второй план этническую и этнографическую специфику каждой из групп, составляющих так называемых «северных алтайцев». При этом неизбежно нивелировались те экологические, экономические, социальные, политические, позднее — административные условия, которые были различными для каждой из них и по-разному влияли на их этнокультурное развитие. Кроме того, в поле зрения исследователей, начиная с И. П. Гельмерсена, Н. М. Ядринцева и А. В. Адрианова [Гельмерсен И. П., 1840; Ядринцев Н. М., 1881; Адрианов А. В., 1881], попадали чаще всего лишь «алтына куманды», т. е. нижние кумандинцы, а верхние кумандинцы (өрө куманды), в частности, группа, обитавшая на труднодоступном плато Сёрлю-Сыын (Бийская Грива) в условиях относительной изоляции еще в конце XIX в. [Ядринцев Н. М. 1881. С. 234], оставались до последнего времени фактически неизученными [см., напр., Адрианов А. В. 1881. С. 44—46; Ядринцев Н. М. 1881. С. 231—235, 237]. Между тем мысль о том, что именно «өрө куманды» должны считаться «настоящими кумандинцами», представляется не лишенной оснований [ССЭ. 1931. С. 1120].

Сведения о кумандинских жилищах, которыми мы располагаем, позволяют, как кажется, существенно уточнить, а кое в чем и пересмотреть устоявшуюся в литературе точку зрения на этот вопрос. Хочется выразить здесь глубокую благодарность М. В. Ко-

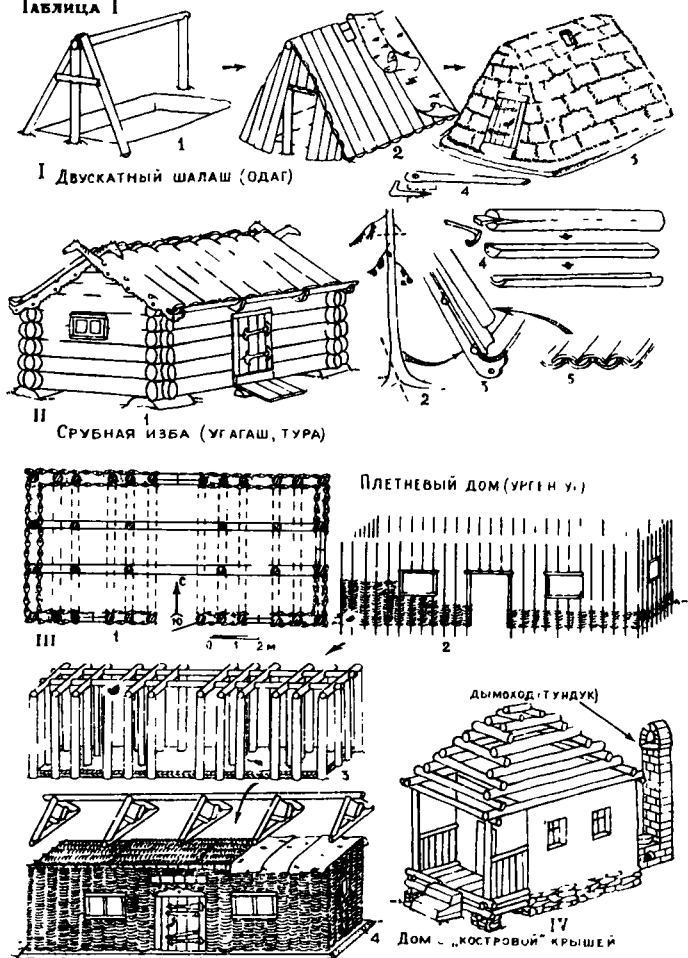
старакову (õrõ куманды, сõõк чедыбер), чья скрупулезная работа по сбору сведений и бескорыстное компетентное сотрудничество во многом обусловили появление данной публикации, цель которой заключается во введении в научный оборот нового, достоверного материала. К сожалению, объем публикации диктует лишь тезисное изложение, поэтому большее внимание уделено иллюстрациям, тем более что, практически все известные нам исследования по интересующей нас теме лишены систематизированных иллюстраций.

1. Двускатный шалаш на каркасе из бревен (одаг, одах, одог)

Таблица 1, рис. 1 — 1, 2, 3, 4

Сезонное зимнее охотничье жилище (кышки одаг, анг уг, анг одаг) размером $3,5 \times 3,5 \times 2,5$ м или $3,5 \times 4 \times 2,5$ м. Ориентировано по сторонам света. Устраивалось на охотничьих угодьях горно-таежной зоны, в подветренном месте. В некоторых случаях — постоянное жилище беднейших слоев населения. Каркас крыши возводился обычно над котлованом прямоугольной формы, глубиной до 0,8 м. Опорные столбы соединяли коньковой балкой, к южному ее концу прирубали стропила из расколотых пополам бревен, образуя треугольный фронтон. В стропила и столб врубали поперечину, служившую верхним косяком двери (табл. 1, рис. 1—1). Двускатную крышу и фронтоны закрывали половинками бревен, плоской стороной наружу, упирая нижние концы в землю, а верхние укладывая на балку. Покрытие застилали вываренными в щелоке берестяными полотнищами (табл. 1, рис. 1—2), после чего весь одаг обкладывали дерновыми кирпичами (50×50 см) и окапывали неглубокой канавкой (табл. 1, рис. 1—3). Дошатую дверь навешивали на шарниры из еловых сучьев в проеме южного фронтона, чуть восточнее опорного столба. Зимники такого типа в прошлом повсеместно бытовали у таежных охотников-рыболовов [Историко-этнографический атлас Сибири. 1961. С. 131—198]. Совершенно идентичное сезонное жилище было раскопано и реконструировано В. А. Посредниковым и автором на неолитическом поселении Большой Ларьяк II (басс. р. Вах) в 1970—1973 гг. В некоторых работах [Сатлаев Ф. 1974. С. 118] двускатный каркасный шалаш-полуземлянка почему-то фигурирует чуть ли не как основное постоянное жилище кумандинцев (как верхних, так и нижних), хотя это и противоречит фактам [Ядринцев Н. М. 1881. С. 235—237; Адрянов А. В. 1881. С. 45; Шерр Н. Б. 1903. С. 88—90].

Таблица I

I. Двускатный шалаш—одаг (этапы сооружения). 1 — каркас; 2 — покрытие кровли; 3 — общий вид, 4 — дверной деревянный шарнир.

II Срубная изба (угагаш). 1 — общий вид; 2 — заготовка стропил; 3 — изготовление покрытия, 4, 5 — принцип сооружения кровли

III. Плетневый дом (урген уг). 1 — план каркаса и стен, 2 — плетение внешней стены, 3 — столбовой каркас и глинобитный пол; 4 — общий вид

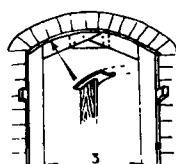
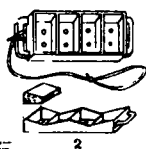
IV. Дом с «костровой» крышей. На заднем плане — выносной дымоход (тундук).

2 Бревенчатая изба (уг, ух, угагаш; тура)

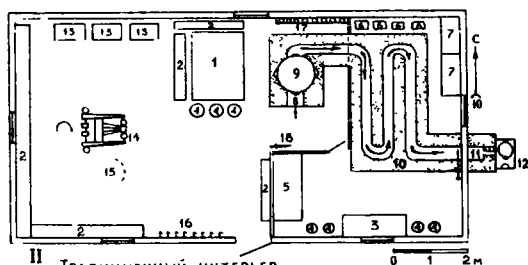
Таблица I, рис II — 1, 2, 3, 4, 5. Таблица II, рис. III, IV.

Постоянное жилище, наиболее распространенное в таежной и лесостепной зонах. Сруб («шертки» — от «шертен толукту» — рубить угол) прямоугольный, невысокий (6—12 венцов, в зависимости от толщины бревен). Традиционные размеры, к которым стремились при строительстве, 3—3,5 м в высоту, 6 м в ширину, 12 м в длину (единицей измерения служил человеческий рост: 1,5 — 1,75 м). Сруб ставили на толстые, обожженные до углей столбы метровой длины, вкопанные в землю на глубину 80 см. На торец каждого столба помещали медную пластину-оберег (в основе, видимо, реальный смысл — предотвращение гниения столба); лишь затем укладывали первый венец-окладник. Фундамента обычно не было. Бревна в углах соединяли в чашку, стены проконопачивали мхом или жгутами сухой осочки. Пол из колотых или пиленых плах (горбылей) укладывали на глиняную подсыпку с гидроизоляцией из бересты, либо врубали в окладник. Крыша двускатная, пологая, стропильно-«самцовый» конструкции. четыре пары стропил, соединенных сверху коньковой балкой, врубали в верхний венец; в стропила и в постепенно укорачивающиеся бревна треугольных фронтонов врубали по четыре продольные лаги, служившие основой кровли. Для изготовления стропил использовали деревья с толстым корнем, отходящим от ствола под углом (табл I, рис II—2), который и образовывал нижний крюк стропилины. Покрытие делали из расколотых пополам бревен с выбранной по всей длине сердцевинной (табл I, рис. II—4). Один такой желоб проходил по крюкам стропил каждого ската (для водостока и для упора собственно кровли). Другие деревянные желоба в два ряда (один поверх другого) впритык укладывали на лаги и коньковую балку, упирая в горизонтальный желоб-водосток, параллельно стропилам: нижний ряд — выемкой вверх; верхний ряд, уложенный «спинкой» наружу, перекрывал стыки между желобами нижнего ряда (табл. I, рис. II — 3, 5). Покрытие одного из скатов слегка выступало над гребнем крыши, нависая над верхней частью противоположного ската и защищая, таким образом, гребень крыши от осадков. Стропила-причелины над обоими фронтонами часто делали фигурными, украшая резными головами коней, повернутыми в разные стороны. Сруб строго ориентировали на запад и восток торцами, длинными сторонами — на юг и север (ЗЮЗ—ВСВ и ССЗ—ЮЮВ), «по ходу солнца». Дощатая дверь располагалась на южной (юго-восточной) длинной стене, небольшие (типа волоковых) окна прорубали с юга, востока и запада (иногда только с востока), затягивая их бычьим пузырем или очищенным желудком. Опорные крюки стропил оформлялись в виде птичьих голов.

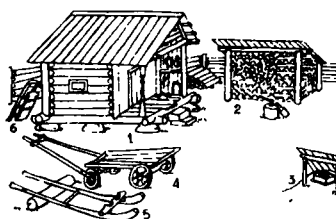
Таблица II

I САМАННЫЙ ДОМ С СВОДЧАТОЙ КРЫШЕЙ

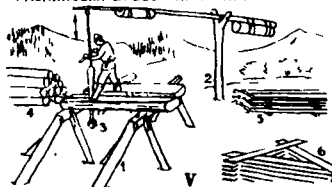

II ТРАДИЦИОННЫЙ ИНТЕРЬЕР

III ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

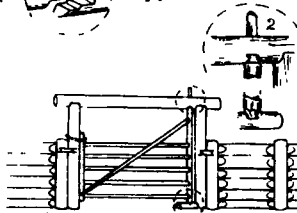
РАСПИЛОВКА БРЕВЕН НА ПЛАХИ

V

IV

VI ВОРОТА (ПАРТКЕ) И ИЗГОРОДЬ (ШАТАР)

Т а б л и ц а II

I Саманный дом со сводчатой крышей (уг самананг иштен) 1 — общий вид, 2 — формы для сырца; 3 — лекало (кеп) в рабочем положении

II. Традиционный интерьер. 1 — общий стол на почетном месте «ториянза», 2 — лавки и скамьи (орпак), 3 — стол (орыны); 4 — стулья (олтанчик); 5 — спальное место хозяев, нары (уштатан орун), 6 — постели (чостык, тожек), 7 — кровати (чаткыш), 8 — печь (кебе); 9 — вмазанный котел (очак казаны), 10 — саманные или глинобитные нары с подогревом (кебе сырты); 11 — наружный дымоход (тундук); 12 — летний камелек (чайгы учок); 13 — сундуки (карчик); 14 — ткацкий станок (чепсель); 15 — атрибуты ткачества и прядения; 16 — крючки для одежды (киим илкиш), 17 — полка для посуды (ашкычак); 18 — родовый бронзовый меч «Пайне кылышы» (на матице).

III. Хозяйственные постройки. 1 — амбар (аш ургуш, аш кыспазы), 2 — дровяник (одунг чабни); 3 — погреб (ора); 4 — телега (абра); 5 — волокуша (ат сёрткузи), 6 — сани (шанак).

IV Пригон конюшня (шуланы ат-нектынг). 1 — общий вид; 2 — сочленение длинных балок.

V. Распиловка бревен на плахи (такта чарарга киреле) 1 — козлы со скатами; 2 — балансир (алапаскыш); 3 — продольная пила (кире) с противовесом; 4 — бревно (тоголактар); 5 — плахи (такта), 6 — доски (чарты)

VI. Ворота (партке) и изгородь (шатар). 1 — общий вид, 2 — вертлюг воротного полотна

Дверные навесы стремились сделать кованые, фигурные, украшенные насечкой. Крыльцо часто заменяли дощатыми сходнями, продолженными от порога до земли.

Довольно широко бытовали небольшие избы (кыспалан уг) столбовой конструкции, со стеновыми бревнами, горизонтально уложенными в пазы угловых столбов. Для жесткости верхние бревна связывали со столбами «в замок». Такой же техникой строили амбары, конюшни, изгороди (табл. II, рис. III — I, рис. IV, VI).

Известны были и сезонные охотничьи срубные избушки (анг уг), но значительно меньших размеров ($3 \times 4 \times 2,5$ м). В лесостепной зоне встречались крыши с «костровым» («полусамцовым») каркасом — двух- или четырехскатные (в последнем случае это, вероятно, заимствовано у русских). Они покрывались камышом, осокой или соломой (табл. I, рис. IV). Конструкция и внешний вид таких жилищ почти тождественны башкирским [Шитова С. Н., 1984. С. 90. 107].

Срубные четырехугольные избы являлись предпочтительным жилищем верхних кумандинцев и, судя по всему, существовали здесь издревле, прочно сохраняя давние традиции деревообработки. Об этом свидетельствуют как исторические предания и песни, которыми мы располагаем, так и языковые данные, в частности, развитая специальная терминология [Баскаков Н. А. 1972 С. 128, 142, 154, 155, 168, 209, 211, 215; Полевые материалы автора. 1985—1987 гг.].

3 Плетневое каркасное жилище (урген уг)

Таблица I, рис. III — 1, 2, 3, 4.

Постоянное жилище, распространенное в степной, отчасти, лесостепной зонах вплоть до 50-х гг. нашего века. Размеры традиционны: $3-3,5 \times 6 \times 12$ м. По намеченному периметру попарно, через 0,5 м, вбивали трехметровые ошкуренные колья. Промежуток между рядами кольев (0,3—0,5 м) соответствовал толщине стен. Сначала полностью (на высоту кольев) плели внешнюю стену (использовали очищенные от коры ветки ивы или черемухи), оставляя просветы на местах оконных и дверного проемов. С внутренней стороны полученного плетневого прямоугольника вкапывали четыре угловых и двадцать стеновых столбов, к которым вплотную притягивали плетень черемуховыми прутьями. Столбы попарно соединяли поперечными потолочными балками. Внутри, по обеим сторонам продольной линии, вкапывали в два ряда восемь опорных столбов, на которые укладывали две балки-матицы (табл. I, рис. III—1). После сооружения каркаса, подсыпки и трамбовки глинобитного пола в два слоя (по 10—15 см через берестяную гид-

роизводящую), приступали к плетению внутренних стен. Доведя плетень до уровня подоконника, скрепив его со столбами, пустоту между плетнями заполняли смесью из хорошо отмученной глины, соломы и свежего конского навоза, уплотняли ее поэтапно, до крошки стен. Сверху, на балки и матицы, укладывали четыре плетеных потолочных покрытия, скрепляя их со стенами и между собой черемуховыми прутьями. Потолок (или плоскую крышу) обмазывали саманной массой слоем до 25 см, после высыхания которой застилали берестяными полотнищами; концы их нависали над длинными стенами для стока воды (табл. I, рис. III — 4). Поверх бересты накладывали слой глины без соломы, только с навозом (до 15 см). Изнутри и снаружи дом обмазывали глиной и белили известью (шога) или белой глиной. Крышу делали двускатной, скрепляя стропила коньковой балкой и укладывая на них плетеные, обмазанные глиной покрытия. Снаружи дом опоясывала глинобитная или дерновая завалинка (табл. I, рис. III — 4). Такого типа жилища были широко распространены у коренного населения лесостепи Сибири, Урала и Приуралья [Историко-этнографический атлас Сибири. С. 169, 173; Томилов Н. А. 1980 С. 81—83; Шитова С. Н. 1984. С. 98—101].

4 Саманный дом со сводчатой крышей (уг саманангиштен)

Таблица II, рис. I — 1, 2, 3

Постоянное жилище, распространенное в степной зоне. Размер традиционный, но были и больше — до 15 м в длину. Дом ставили на сланцевом фундаменте (чалбаш таш тёске уг алтына). Кирпич-сырец готовили из отмученной тонкой глины, смешивая ее с соломой и конским (реже коровьим) навозом, в деревянных четырехсекционных формах—ящиках (табл. II, рис. I — 2), крупномерный (50×25×15 см, 25×12,5×10 см), соблюдая половинное соотношение длины и ширины. Крышу сооружали в виде полукруглого свода по длинной оси дома. Сырец для выкладки свода делали трапецевидным в сечении (табл. II, рис. I — 2). Между выложенными стенами устанавливали 3—4 дощатых лекала (кеп), верх которых повторял форму свода (табл. II, рис. I — 3). Снизу и с боков лекала расклинивали, кирпичи укладывали в ряд по дуге, скрепляя глиняным или известковым раствором. По мере закрепления готовых участков кровли лекала переносили на новое место поочередно, до завершения работ. Готовый дом снаружи и изнутри затирали глиной и белили, крышу промазывали глиной с навозом. Полы делали глинобитные, состоятельные люди имели полы из плах. Из самана же выкладывали печь, теплые нары (кебе сыр-

ты), высокий дымоход (тундук), выведенный наружу из низа восточной половины северной стены (табл. I, рис. IV; табл. II, рис. I—1, рис. II — 11). По некоторым важным деталям кумандинские саманные дома обнаруживают поразительное сходство с башкирскими [Шитова С. Н. 1984. С. 102—105], а сводчатая кровля, технология ее возведения, наличие саманных нар с подогревом типа «суфы» или «кана» ассоциируются со Средней или Восточной Азией [Писарчик А. К. 1982. С. 69—103]

В тексте нет возможности остановиться на характеристике кумандинских поселений, усадеб, традиционного интерьера; этот пробел частично восполняется в иллюстрациях (табл. II, рис. II, III, IV). Завершая изложение, есть смысл сделать некоторые гредварительные обобщения.

1. Типология традиционных кумандинских жилищ была экологически, экономически, социально обусловлена. Она является наглядным образцом оптимального приспособления этноса к особенностям экологии занимаемых им земель, отражает традиции давней и прочной оседлости на базе комплексного хозяйства видимо, все же охотничье-земледельческого в своей основе, а не охотничье-собираательского с подсобным земледелием и скотоводством, как это принято считать [Потапов Л. П. 1953. С. 217; Тошакова Е. М. 1978. С. 63]. Об этом же говорит и традиционная планиграфия кумандинских поселений.

2. В типах жилищ, как и в других составляющих культурного комплекса кумандинцев, явственно прослеживаются по меньшей мере три хозяйственно-культурных пласта (может быть, этногенетически обусловленных), связанных в истоке не только с собственно экологией, но и с ведущей отраслью хозяйства — охотничий (одаг), охотничье-земледельческий (срубная изба, анг уг, плетеный дом) и, возможно, земледельческо-скотоводческий (плетеный дом, дом из кирпича-сырца).

3. Разнообразие типов жилищ, их устойчивое одновременное бытование в прошлом, видимо, были присущи тем народам, этническая территория которых либо располагалась на стыке лесной и степной зон (т. е. в лесостепи), либо включала в себя все три природные зоны. В этом отношении к интересным результатам может привести сравнительный анализ материальной культуры кумандинцев с южно-угорскими и восточно-финскими материалами, с культурой башкир, которые, подобно кумандинцам, населяют горно-таежную, лесостепную и степную зоны и имеют, вероятно, немало общего в этногенезе [Ядринцев Н. М. 1881. С. 236, 242].

4. Предпочтительность деревянной избы в народном сознании, ее архаический декор и интерьер, соотнесение этого типа жилища в устной традиции с предками «дин», некогда расселенными от

Енисей до Оби, заставляют предполагать наличие преемственности в хозяйстве и домостроении верхних кумандинцев Бийской Гривы и древнего населения южной части Обь-Енисейского междуречья, по крайней мере, с позднеташтыкского времени [Савинов Д. Г. 1987. С. 39—40]. Проведенные нами изыскания в этом направлении обнадеживают.

5. Кажущиеся однообразие и «примитивность» облика жилищ кумандинцев, очевидно, есть результат многовековой политической нестабильности и Южной Сибири вообще, и рассматриваемого региона. Она привела к известному хозяйственному регрессу, социальной деградации местного населения [Кызласов Л. Р. 1986. С. 94—97, 280—287]. Решающую роль сыграли резкое обнищание северных алтайцев, разрушение хозяйственно-экологического баланса, усиление социального расслоения, связанные с развитием капитализма в России [Ядринцев Н. М. 1881. С. 250 и след.; Шерр Н. Б. 1903. С. 117]. Тот же процесс отмечен, к примеру, и для башкир [Шитова С. Н. 1984. С. 18].

6. Создается впечатление, что доля русского воздействия на хозяйство и домостроение кумандинцев в досоветский период изрядно преувеличивается нашей этнографической литературой.

Приложение

Некоторые кумандинские специальные термины. Сообщено М. В. Костаракowym (1987 г.).

ШЕРТКИ — сруб
УГ СНАЗЫ — стены дома
УГ ЧАБИИ, УГ ДЕГЕН — крыша
ЧАРТЫЛА ЭГИНИ — перекрытие
САЙЛАШ ЭГИНИ — потолок
ЭГИНИ — свод, потолок, небо
АРГА КОХРЕНТЕ — стропила
СЫРТЫНДА-АРГА — конск
САЙЛАШ-ЭГИНДЕ АРГАЗЫ — матица
СЫРЫК САЙЛАШИ — обрешетка крыши
ПАСКЫШ — крыльцо
ЭЖИК НАГЫ — косяк двери (боковой)

ЭГИНДЕ ЭЖИКТЫНГ — косяк верхний
ПОЗА — порог
ЭЖИК — дверь
ТАКТА, ТАКТА ЧАРТЫ — пол из плах
КОЗИПЕК — окно
ЧАМЫНДАК — сени
АШ-КЫСПАЗЫ — амбар
ОДЫНГ ЧАПАЗЫ — дровяник
ШУЛАН — конюшня, пригон
АРГА АТ ТАКЧИН — конюшня

Плотницкие инструменты:

МАЛТА — топор
ТЕГЕН — обух
ОДУЮ — лезвие топора
ШЕРБЕК — пила поперечная

КИРЕ, ЧАРЧИН КИРЕ —	ЧИКТЕШ —	черта для раз-
плата продольная	метки паза	
КИРЕЧЕК —	ТЕЛЬКИШ —	долото
АДЫЛГА —	БУРБА —	сверло, КУШ —
ТАРТКЫ —	струг	перка

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Адрианов А. В. Путешествие члена сотрудника А. В. Адрианова в Кузнецкий край Изв. РГО, 1881 Т. XVII В. 4 С. 39—46.
- 2 Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи) Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М. 1972. 279 с.
- 3 Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М. 1893. 221 с.
- 4 Гельмерсен Г. П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая// Горный журнал. 1840. Ч. I—II. СПб.
- 5 Историко-этнографический атлас Сибири /Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова М.—Л. 1961 С. 131—277
- 6 Кызласов Л. Р. Южная Сибирь. Древность Средневсехвья//История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней М. 1986, с. 90—97, 280—287.
7. Писарчик А. К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX—XX вв.//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М. 1982 С. 69—103
- 8 Потапов Л. П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая I Материальное производство Изв. ГАИМК. Вып. 128. М.—Л. 1935. 121 с.
- 9 Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев Изд. 2 с. М.—Л. 1953. 442 с.
10. Савинов Д. Г. Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н. э. возрождение традиции или миграция?//Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск. 1987. С. 37—40.
11. Сатлаев Ф. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX века Горно-Алтайск. 1974. 200 с.
- 12 Сатлаев Ф. А. Сельская община кумандинцев во второй половине XIX — первой четверти XX в.//Социальная история народов Азии М. 1975 С. 100 - 114.
- 13 Сибирская Советская Энциклопедия (ССЭ). Т. II Новосибирск. ЗапсиБОГПЗ. 1931. 1152 с.
14. Тошчакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX вв.) Новосибирск. 1978. 159 с.
- 15 Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья: Хозяйство и материальная культура. Томск: Изд-во ТГУ. 1980. 199 с.
- 16 Шерр Н. Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 году//Алтайский сборник Барнаул. 1903. Т. V
- 17 Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир Вторая половина XIX — первая четверть XX вв. М. 1984. 250 с.
- 18 Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черных татарях Изв. РГО 1881. Т. XVII В. 4 С. 228—254

ЖИЛИЩА БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ

(вторая половина I тыс. до н. э.)

В настоящее время в Новосибирском Приобье исследовано несколько поселений с жилищами большереченской культуры. Они относятся к ее бийскому и березовскому этапам и позволяют решить некоторые аспекты динамики развития экономики данного населения.

Поселение Ордынское-9. Расположено к югу от Новосибирска, у райцентра Ордынское, на левом берегу Ордынского залива Новосибирского водохранилища, на территории индивидуальных огородов. Открыто в 1963 г. Т. Н. Троицкой, ею же проводились охранные работы в 1965—1975 и 1986 гг. Берег интенсивно разрушается течением Оби: за указанное время под воду ушла полоса шириной более 30 м.

Материал поселения относится в основном к большереченской культуре (73% находок), к кулайской культуре относится около 27%, выявленных главным образом на западной окраине поселения. Культурный слой — темная, почти черная, супесь, средняя насыщенность находками — 28 на 1 кв. м, из них керамики — 41%, костей — 57%, прочих — 2%.

Жилище 1 (рис. 1—1). Частично вместе с входом обрушилось в воду. Сохранились две камеры с переходом шириной до 1,45 м. Меньшая камера не разрушена, она имеет неправильную форму, площадь достигает 6 кв. м. Она, углубляясь в материк на 8—12 см, отопивалась ovalным очагом (60×90 см), в котором сохранились древесный уголь и мелкие пережженные косточки. Очаг наземный, бортики не обнаружены, рядом с ним находилась яма для сброса золы, угля и мусора. В малой камере находок обнаружено меньше, чем в большой. Возможно, она была подсобной.

Вторая камера, частично осыпавшаяся в воду, видимо, была подквадратной (1×4 м) и предназначалась для жилья. Она углублялась в материк на 20—30 см ступенькой, которая прослежена на участке близ обрыва. Стенки почти вертикальные, пол горизонтальный. Обнаружены два очага. Один из них находился у стенки, на материковом выступе, он был подквадратной формы

(60×60 см), имел глиняное дно и хорошо сохранившиеся глиняные бортики. Заполнение очага — зола с мелкими пережженными косточками — спеклось в плотную массу. Рядом найдены капель-

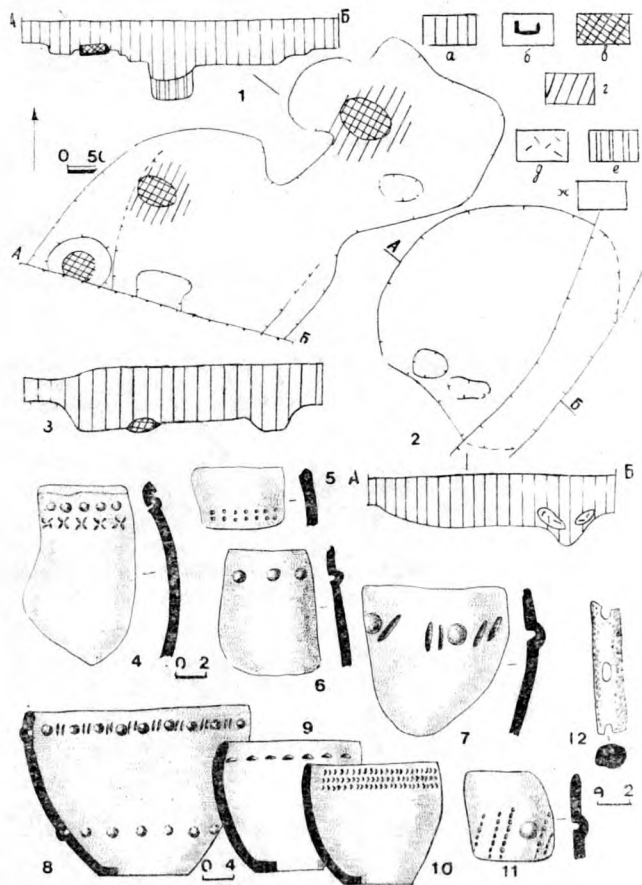

Рис 1 Ордынское-9. 1 — жил. 1, 2 — жил. 4; 3 — жил. 3, 4—11 — керамика; 12 — костяной псалий. Условные обозначения А — темная супесь, очаг с бортиками, В — очаг, обожжение; Г — сажа; Д — рушенный материк; Ж — материк, суглинок

ки пролитой бронзы. Вероятно, очаг имел производственное назначение. Второй очаг наземный, без бортиков, в нем жгли дерево, рядом с ним выявлено много обломков керамики. На полу об-

наружены ямки, иногда с остатками посуды и раздробленных костей. Следы опорных столбов не обнаружены. Основная часть находок найдена чуть выше уровня пола и, видимо, попала сюда с рухнувшей крышей. Найдены обломки керамики, раздробленные кости, каменные грузила для сетей, бронзовое шило и нож, пряслища.

Жилища 2 и 4. Почти полностью обрушились, в обрыве прослежены их профили (рис. 1—2). В одном стенки опускались ступенькой, в другом — без нее.

Жилище 3. Перерезано поздней канавой (разделительной межей, рис. 1—3). Котлован имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами, размер его 3×4 м, глубина пола от уровня материка 20—25 см, стенки пологие, очаг не обнаружен, видимо, он нарушен канавой.

Жилище 5. Двухкамерное, аналогичное жилищу № 1, только крупнее его. Испорчено поздней канавой. Раскапывалось в 1969—1971 гг. Большая камера частично обрушилась, примерный размер ее 6,60×6 м, форма неправильная подквадратная. Вход обращен в сторону реки. Глубина пола от уровня материка 40—50 см, стенки вертикальные, пол слегка повышается к центру. Большая камера отапливалась двумя очагами. Один из них, частично осипавшийся (60×75 см), наземный, без бортиков, находился у самого входа. Второй очаг находился в восточной части камеры, у стенки, он разрушен, сохранились обломки глиняной обмазки. Вторая, малая камера трапецевидная, площадь ее около 7 кв. м, пол углублялся в материк на 17—20 см. Находок в ней меньше, чем в первой камере. Очаг не обнаружен, видимо, это было подсобное помещение.

Жилище 6. Сохранилась одна камера, северная часть которой уничтожена поздними ямами, а южная осыпалась. Размер сохранившейся части 6,60×3,40 м, глубина 20—30 см от уровня материка. Форма — подпрямоугольная, стенки пологие (возможно вследствие разрушения ступенек), пол ровный. Выявлены остатки двух очагов, расположенных на материковых выступах. Один из них, разрушенный (30×50 см), плохо сохранился. Вторым (50×70 см), с остатками глиняных бортиков, имеет заполнение из золы и пережженных косточек. Рядом найдены капли пролитой бронзы, куски шлака и закопанный в землю скелет барана (без черепа).

Поселение Ордынское-9 ранее нами датировалось V—IV вв. до н. э. [Тронцкая Т. Н. 1972. С. 13]. Однако последние находки позволяют отнести его к VI—V вв. до н. э. Об этом свидетельствуют обломок трехдырчатого костяного псалня (рис. 1—12) и керамический комплекс, в котором встречены отдельные сосуды, связанные с завьяловской традицией и имеющие орнаментацию в

виде оттисков крестового штампа и двух рядов жемчужин (рис. 1—4, 7). Встречаются оттиски многозубой гребенки и значительное количество сосудов с жемчужинами (41%, рис. 1—8, 10, 11), что является характерным для бийского этапа [Тронцкая Т. Н. 1986 С. 106].

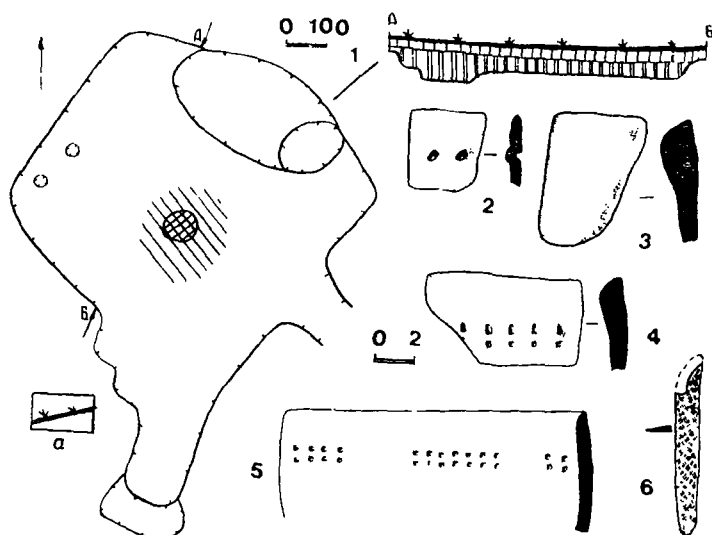

Рис. 2. Миловачово 3А. 1 — план и разрез жилища, 2—5 — керамика, 6 — железный нож. Условные обозначения а — дерново-гумусный слой, остальное см. рис. 1

Поселение Милованово-3 А. Расположено в 2 км к ЮЗ от с. Милованово, Ордынского района, на правом берегу Новосибирского водохранилища, на гриве надпойменной обской террасы, граничит с ирменским поселением Милованово 3. Раскопано Е. А. Сидоровым в 1984 г. Состоит из 7 прослеживаемых на поверхности западин, одна из которых раскопана.

Котлован имеет очертания неправильного прямоугольника. Первоначально имел квадратную форму, площадь его 61 кв. м. Глубина жилища от уровня материка около 60 см, стенки, близкие к вертикальным, пол ровный, слегка углубляющийся к стенкам. Жилище имеет два выхода. Один лишь прослежен у северо-восточной стенки, второй выход раскопан полностью. Ширина его около 1,5 м, длина — около 3 м. Стенки выхода вертикальные, уровень пола постепенно повышается, в конце выхода ступенька, от которой начиналось расширение — результат вытаптывания

земли у входа. В центре выявлены остатки очага диаметром 60 и 70 см. Он углублялся в материк в южной части на 30 см, в северной — на 44 см. Стенки ямы вертикальные. Заполнение ее — зола, сажа и уголь, в верхней части найдены фрагменты глиняной обмазки толщиной до 5 см, в глину добавлены пережженные обломки костей и зола. Возможно, обмазка образовала перекрытие ямы. Вдоль северо-западной стенки жилища располагалось овальное углубление (4,80×2,40 м) с пологими стенками, глубина его 28 см от уровня материка. В углублении найдены обломки керамики и раздробленные кости. Заполнение жилища — серый суглинок, поверх которого лежит темный пахотный слой почвы (рис. 2—1).

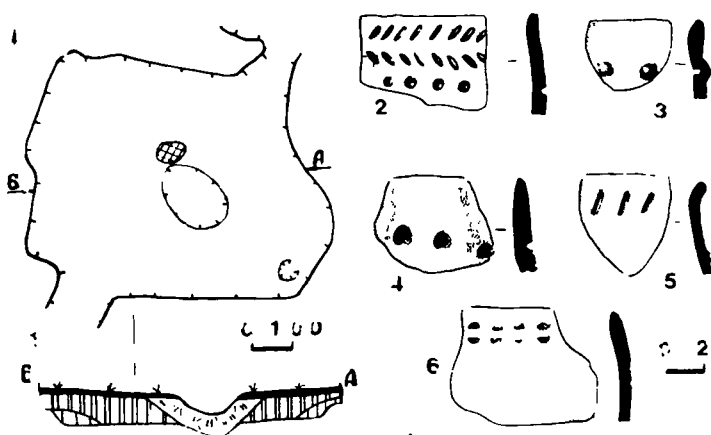

Рис. 3 Кordon 4 1 — план и разрез жилища, 2—6 керамика. Условные обозначения см. рис. 1 и 2

При раскопках найдены обломки не менее чем 52 сосудов (счет велся по венчикам), обломок зернотерки, пряслице, значительное количество раздробленных костей и железный нож (рис. 2—2, 3, 4, 5, 6). Керамика относится к березовскому этапу: жемчужины и оттиски многозубой гребенки не встречены. Необходимо отметить, что на одно жилище здесь приходится меньшее количество костей по сравнению с Ордынским-9.

Поселение X Кordon-4. Расположено на 43-м километре шоссе Новосибирск—Колывань, на краю надпойменной бортовой террасы, в сосновом бору, в 300 м к югу от X Кordона лесничества. Раскапывалось Е. А. Сидоровым в 1986 г. Выявлена

керамика эпохи ранней бронзы, ирменской, большеерченской и одинцовской культур. С последней, видимо, связано сооружение невысоких оборонительных сооружений. Раскопано одно большеерченское жилище, от которого на поверхности сохранилась западинка, в центре которой была вырыта современная яма.

Жилище подквадратной формы, размеры его 7,3×6,3 м (рис. 3—1). Котлован углублялся в материк на 10—30 см (в зависимости от уровня дневной поверхности). Стенки отвесные, пол ровный. Грабительская современная яма, видимо, разрушила очаг: на ее краю сохранились обломки глинистой обмазки, пережженной до почти белого цвета. Жилище имеет два выхода, один из них, возможно, был переходом во вторую камеру, оставшуюся за пределами раскопа. Заполнение жилища — серая супесь, она составляет культурный слой в межжилищном пространстве. Этот слой резко темнеет у углов и стенок жилища: возможно сюда сметался мусор. Датировку жилища дает керамика березовского типа: без многозубовой гребенки, только один сосуд из 30 имел жемчужины, резко преобладают оттиски палочки (рис. 3—2, 3, 4, 5, 6). Обломков костей встречено крайне мало.

Поселение Ордынское-2. Расположено в лесу, на левом берегу Новосибирского водохранилища, в 2 км к северу от Ордынского рыбозавода и 500 м от памятника Ордынское-1, часть землянок размыта водой. Раскопана одна западина, поврежденная длинной современной ямой и поросшая деревьями.

Жилище однокамерное, поквадратное с округлыми углами (рис. 4—1). Площадь котлована 5,20×5 м. С восточной и южной сторон прослежено углубление ступенькой, ширина которой колеблется от 1,10 до 0,60 м. Ступенька углубляется в материк на 10—20 см, на этом же уровне находится «вход» шириной 80—100 см. Надо отметить, что заполнение над ступеньками и «входом» очень светлое, его светло-серый и серовато-желтый песок почти полностью сливается с материком и тонким слоем над ним в межжилищном пространстве, следы утоптанности пола отсутствуют, лишь на одном участке (разрез ГД) на ступеньке имелось темное пятно, поэтому вряд ли идущий от жилища отросток мог быть входом.

Центральная часть жилища площадью около 17,5 кв. м имела темное заполнение, уровень пола в ней прослеживается повсюду. Видимо, имел место такой же строительный прием, который был нами отмечен в жилище III—II вв. до н. э. кулайского городища Дубровинский Борок-4 [Троицкая Т. Н. 1979. С. 20, 82. Рис. VI, 3]. Площадь его котлована была больше площади его жилой части, отходящей от трех стенок на 20—80 см. Позже это пространство было заполнено рушеным материком (завалинкой),

который после разрушения стен заполнил и края жилища. В Ордынском-2 жилая часть примыкала к двум стенкам первоначального котлована.

Жилая часть углублялась в материк на 70 см, стенки почти отвесные, пол ровный, его центральная часть у очага на 10 см глубже. Центральная часть заполнения жилища — сажа, зола и угли. Видимо, после того, как жилище было покинуто, произошел

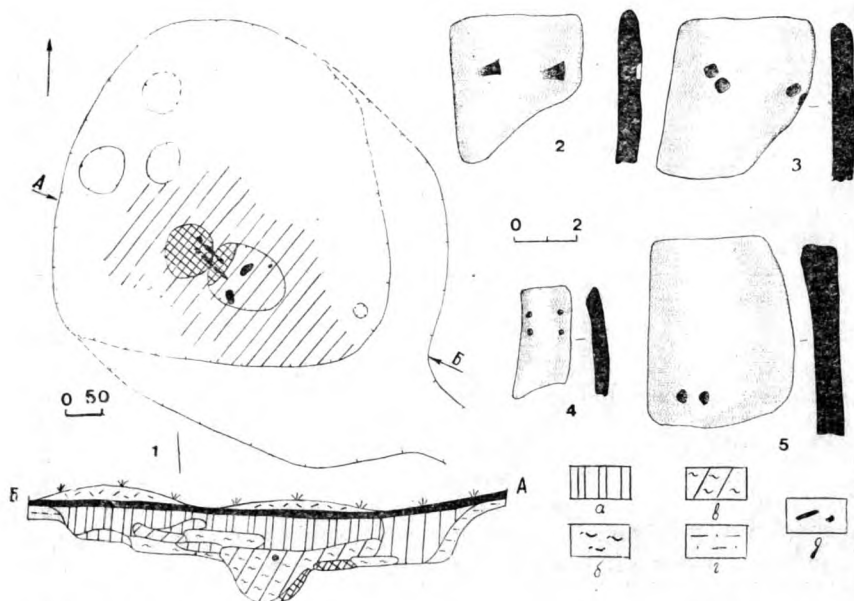

Рис 1 Ордынское 2 1 — план и разрез жилища; 2-6 — керамика. Условные обозначения а — темный песок, б — серый и желтовато-серый песок, в — зола, Г — сажа с золой, Д — светло-серый песок, Е — уголь, Ж — материк, песок, остальное см. рис 1 и 2

пожар, и балки крыши рухнули вниз. В центре находился очаг, частично поврежденный современной ямой. Он овальный (60×70 см) Его верх находился на 6 см выше уровня пола, дно ниже него на 15—16 см. Сохранились обожженный песок, обломки спекшейся глины. Часть очага рухнула в расположенную рядом яму. Яма овальная (1,08×0,80 м), глубина уровня пола 60 см, заполнение — сажа с золой. Основная часть находок найдена в яме, возле нее и очага, иногда чуть выше материка. Выявлены три ямы диаметром до 60 см, в двух из них найдены обломки сосудов.

За пределами жилища культурный слой фактически отсутствует, он почти полностью сливается с светлым материковым песком, отличаясь от него лишь большей рыхлостью, находок в нем не было. В жилище найдены обломки керамики, зерноотерки, пряслице, оселок, отбойники. Насыщенность находками слабая — 8 находок на 1 кв. м в жилище. Кости почти не встречались: найдено всего три маленьких обломочка, один из них — часть конского зуба. Керамика типичная для березовского этапа: гребенка только двузубая, жемчужины не встречены (рис. 4—2, 3, 4, 5, 6). Рассмотренные нами полужемлянки имеют лишь одну общую черту: они были срубными. Ни на одном из четырех поселений с различным грунтом (песком и суглинком) ямы от опорных столбов не выявлены. При сооружении котлована земля выбиралась до более прочного грунта. Не случайно самые глубокие жилища (70 см от материка или около одного метра от дневной поверхности) встречены при рыхлом песчаном материке (Ордынское-2). Вырытый котлован большей частью совпадал с жилой площадью, но мог быть и больше нее (Ордынское-2). Жилища на одном и том же поселении могли быть двухкамерными и однокамерными (Ордынское-9). Площадь жилищ колеблется от 12 до 61 кв. м.

Встречены очаги трех типов. Первый — наземный, с глиняными бортиками, а иногда и с глиняным полом, в них жгли кости, такие очаги могли иметь производственное значение. Второй тип — обычный, наземный, отапливался деревом, иногда встречаются следы глиняной обмазки. При наличии очага с бортиками производственного типа в жилище встречается и второй очаг, на нем, видимо, готовили пищу (Ордынское-9, жилища 1 и 6). Очаг второго типа мог быть единственным в жилище. Третий тип представлен одним очагом (Милованово-3а). Это яма, в которой жгли дерево, она имела перекрытие из глиняной обмазки, в которую добавлялись пережженные косточки и зола. Подобный материал для перекрытия над ямой-очагом встречен и в других местах. Это внежилищный очажный комплекс в Ордынском-9, он не имеет датировки и, скорее, мог относиться к кулайскому периоду поселения. В позднекулайском городище Завьялово-19 в жилищах найдены жаровни из такого же материала [Троицкая Т. Н. 1985. С. 246].

Насыщенность слоя находками и характер самого культурного слоя со временем меняется. В Ордынском-9 он сильно гумирован, имеет очень темный цвет, находки встречаются за пределами жилищ и в них, средняя насыщенность — 28 находок на 1 кв. м, преобладают обломки костей. В Милованово-3а культурный слой расположен за пределами жилища и почти черный и серый, кости встречаются в значительном количестве, но их мень-

ше, чем в Ордынском-9: найдено около 100 костей от 10 особей. Х Кордон-4 - комплекс разновременных памятников, поэтому судить о цвете и насыщенности межземляночного пространства нельзя. Заполнение жилища — серая супесь с темными полосами-пятнами у стенок, насыщенность большебереченскими находками падает, костей встречено очень мало. Ордынское-2 дает дальнейшее развитие тенденции сокращения насыщенности, культурный слой в межжилищном пространстве почти неразличим, находки обнаружены лишь в жилище (в среднем 8 находок на 1 кв. м)

Это указывает на изменения, происходящие в характере хозяйства. В начале бийского этапа (Ордынское-9) оседлость была стабильной, скотоводство пастушеским, возможно с некоторыми элементами отгонного, скот временами мог содержаться на территории поселения. Со временем элементы отгонного скотоводства все более возрастают, но полного перехода к нему пока еще не происходит. Оседлость сохраняется, об этом свидетельствуют срубные жилища и срубы в один венец в погребениях березовского этапа [Троицкая Т. Н. 1983. С. 32]. Однако оседлость была не столь стабильна, как раньше, а скот на поселениях не содержался, о чем свидетельствует слабо выраженный культурный слой в межжилищном пространстве (Ордынское-2).

Необходимо указать, что жилища бийского и березовского этапов большебереченской культуры близки между собой и значительно отличаются от крупных жилищ переходного периода (VIII — рубеж VII—VI вв до н. э.), представленных в Бл. Елбанах-1 и Завьялово-5 [Грязнов М. П. 1956. С. 44—56; Троицкая Т. Н. 1985. С. 246].

ЛИТЕРАТУРА

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Б. Речка МИА. 1956 Вып 48.

Троицкая Т. Н. Новосибирское Приобье в VII—IV вв до н. э. // Вопросы археологии Сибири Науч. тр. Новосибир. пединститута 1972 Вып. 38

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье Новосибирск 1979

Троицкая Т. Н. Могилище Быстровка I как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири Новосибирск 1983

Троицкая Т. Н. Раскопки у с. Завьялово Новосибирской области // АО 1983 М 1985

Троицкая Т. Н. Керамика из большебереченских поселений (VI—I вв до н. э.) // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова Тезисы докладов Омск 1987

Ю. П. Чемякин, С. Ф. Кокшаров

НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БАРСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(предварительная публикация)

В эпоху бронзы в Сургутском Приобье, насколько об этом можно судить по раскопкам в урочище Барсова Гора (расположено на правом берегу Оби между двумя ее притоками: рр. Барцевкой и Каликиной), исчезают памятники с керамикой, украшенной прочерченной, отступающе-накольчатой и шагающей техникой, распространенные там еще с неолита. На их месте появляются поселения, связываемые нами с гребенчато-ямочной культурной общностью. Когда это произошло — пока неизвестно, однако отодвигание к северу южной границы гребенчато-ямочного ареала наблюдается с ранних этапов бронзового века [Косарев М. Ф. 1981. С. 86]. На Барсовой Горе уже выявлено свыше 20 пунктов с гребенчато-ямочной керамикой. Ранняя посуда украшена преимущественно длинным (прокатанным) штампом с тонкими широкими зубцами, реже двузубыми, в сочетании с различными комбинациями ямок. Среди сосудов встречаются крупные банки вытянутых пропорций, напоминающие кротовские [Косарев М. Ф. 1981. Рис. 38—1]; они найдены на городище Барсов Городок II/14. Затем широкозубая гребенка исчезает, сосуды становятся призмистее, появляются слабо профилированные горшки. На позднем этапе посуда все чаще украшена змейковидным штампом, появляются штампы в виде уточки, птички, прямого и рамчатого креста, индивидуальных форм. Шейка и плечико иногда орнаментируются желобками, валиками, в том числе налепными, зашипами. Отличие сургутских сосудов на этом этапе от посуды прилегающих районов позволило нам выделить барсовскую культуру внутри поздней гребенчато-ямочной общности.

Барсовская культура впервые выделена Ю. П. Чемякиным в докладе на VII Уральском археологическом совещании в Ижевске, прочитанном 4 апреля 1980 г. Свое название она получила по селищу Барсова Гора III/4 близ пос. Барсово, раскопанному в 1972—73 гг. Л. Л. Косинской и Н. В. Федоровой. Пока еще трудно очертить ее ареал. По-видимому, кроме Сургутского, в него могут войти некоторые районы Нижнего Приобья. К северо-запа-

ду от барсовской культуры находилась атлымская, к юго-западу — сузгунские памятники, к юго-востоку и востоку — словские.

Новое селище Барцевка IV, раскопанное в 1983 г. Уральской археологической экспедицией под руководством Г. В. Бельтиковой и В. Н. Широкова, находится на правом берегу р. Барцевки в 500 м от ее впадения в Белоярскую протоку, в 200 м к З от пос. Белый Яр, Сургутского района, Тюменской области. На поверхности, поросшей редким сосновым лесом без подлеска, обнаружены три слегка приподнятые площадки, окруженные внешними ямами. Две из них были раскопаны полностью, одна — частично. Все площадки остались от наземных жилищ. Границы их фиксировались очень плохо из-за близости по окраске культурного слоя и материкового песка. Судя по распространению находок, расположению внешних ям, ямок от столбов и наблюдавшимся участкам погребенной почвы, все жилища были прямоугольные, с каркасной конструкцией, стены снаружи присыпались песком. Жилище 1 находилось в 10 м от береговой кромки. Размер его примерно 10×8 м, длинной осью ориентировано по линии СВ—ЮЗ. В центре располагался очаг, остатки которого представляли собой линзу бурой супеси овальной формы размером 340×260 см и мощностью 6—7 см. Под ней наблюдался провал и канавки, связанные, очевидно, с конструкцией очага. По всей площади постройки встречены ямки от столбов, а в северо-восточной части на полу зафиксирована полоса прокала.

С внешней стороны жилище окружали 10 ям, часть из которых выполняла хозяйственные функции. В них найдены обломки посуды, каменные орудия. В некоторых ямах наблюдались провалы, очажные выбросы.

Жилище 2 находилось в 5 м к ЮЗ от первого. Размер его вряд ли превышал 10×7 м, ориентировка по линии ССВ—ЮЮЗ. Вдоль длинной оси обнаружены остатки двух очагов подпрямоугольной формы, аналогичные вышеописанным. Размер первого 160×100, второго — 180×120 см, мощность — 6 и 8 см соответственно. По периметру последнего располагались канавки, перекрытые очажным слоем. С наружной стороны жилище окружали 7 ям. Выход мог быть в южной части, где внешние ямы отстояли далеко друг от друга.

Жилище 3 было самым большим и стояло у кромки берега. В одной из внешних ям, окружавших его, в верхней, подзолистой части заполнения обнаружена плечевая кость шерстистого носорога со следами порезов каменным (?) орудием. Порезы были нанесены по сырой кости. (Определение профессора Н. К. Верещагина). Неизвестно, каким образом она попала в яму.

Первые две постройки, имея примерно одинаковые размеры, отличались в деталях: разное количество столбовых и внешних

ям, очагов, характер использования внешних ям. (Правда, в сургутских условиях остатки древних ям фиксируются не всегда из-за близости, а иногда и идентичности цвета заполнявшего их песка и материка). При сооружении жилища I был снят верхний слой почвы с подзолом, тогда как во втором подзол на полу сохранился. Различаются жилища и по количеству находок: если в первом найдены обломки более чем от шестидесяти сосудов, то

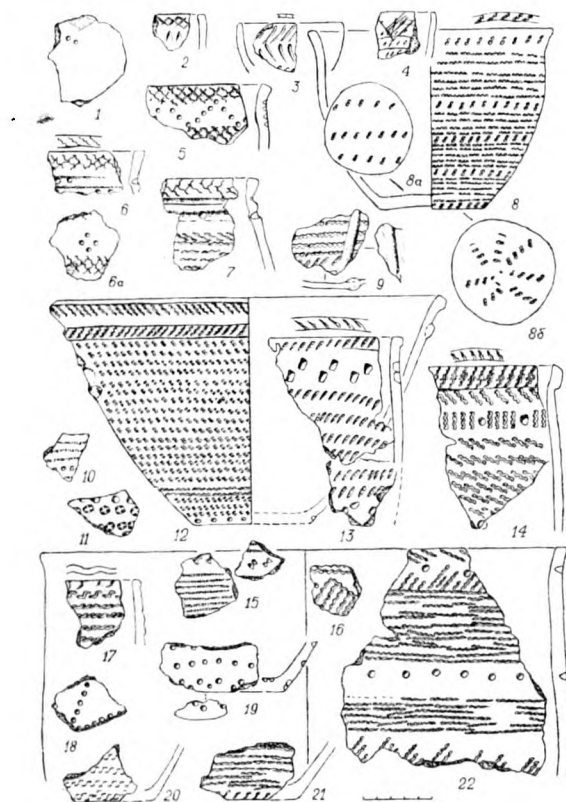

Рис 1 Керамика
(жилище I)

во втором — мелкие фрагменты примерно восемнадцати и среди них — ошлакованные. Объяснить это можно различиями в функциональном назначении построек или в социальном положении их обитателей. Подобные факты наблюдались нами при раскопках селищ раннего железного века Барсова Гора III/10, IV/3 и других. Там наряду с жилищами, в которых были собраны большие коллекции керамики, обломков тиглей и отсутствовали сами

металлические вещи, раскопаны постройки, где обнаружены бронзовые идола, наконечники стрел, пластинки, бусы и где не было или почти не было глиняной посуды. В то же время на других селищах плоское литье, оружие и украшение встречались в жилищах вместе с керамикой.

Отсутствие культурного слоя между постройками селища Барцевка IV свидетельствует о сезонности поселка.

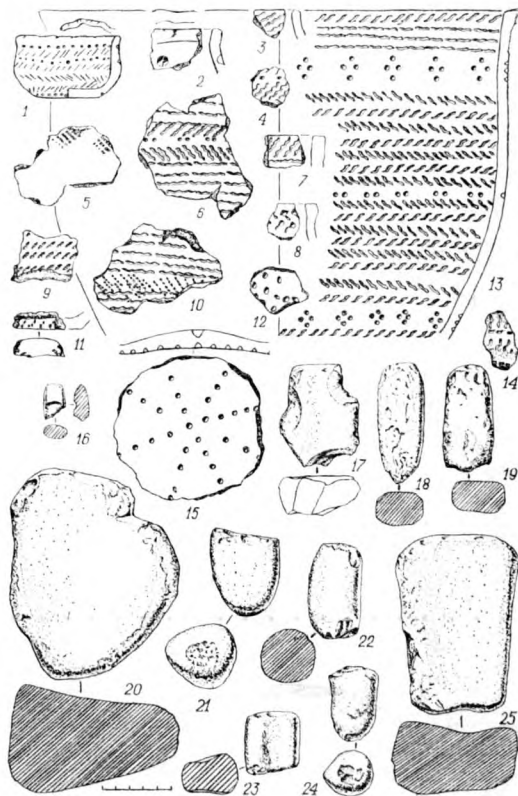

Рис 2 Керамика (жилище 2), каменные орудия (16, 17, 19, 20, 22 — жилище 1; 21 — жилище 2, 18, 23, 24, 25 — жилище 3)

В коллекции, собранной на поселении, преобладает керамика — обломки более чем 120 сосудов (в обработку включено 77 шеек и 26 стенок). Найдено также 18 каменных орудий. Вся посуда плоскодонная. Преобладают слабопрофилированные горшки и горшечно-баночные сосуды с короткой шейкой (55,8%), банки составляют 35,1%. Есть также единичные чаши (рис. 1 — 12; 2 —

6). Венчики сосудов плоские, иногда скошенные наружу. На двух сосудах отмечены воротнички (рис. 1—13, 14). Диаметр по венчику в основном от 25 до 42 см, редко встречаются небольшие сосудики. Отощителем глины служил шамот, другие примеси визу- ально не фиксируются (судя по пористости и трещинам на череп- ках, широко применялись органические). Стенки сосудов доволь- но толстые, тщательно заглаженные, с наружной стороны иногда до лощения.

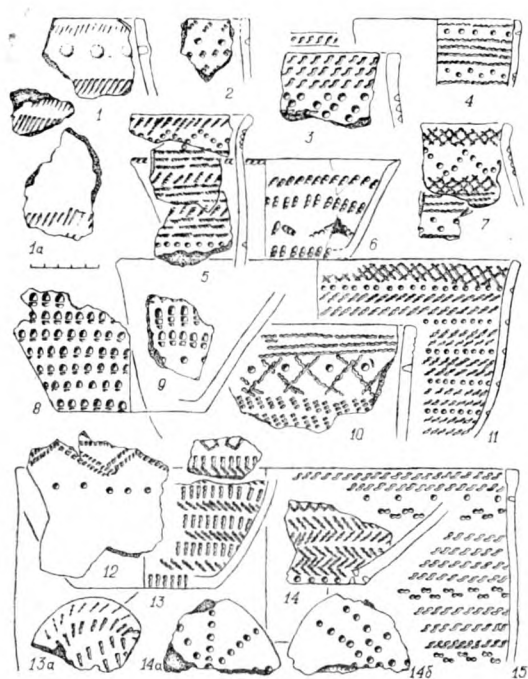

Рис. 3. Керамика (жилище 3)

Внешняя поверхность полностью покрывалась узорами. Ино- гда орнаментировался венчик (около 30%) и днище, причем встречены узоры даже на внутренней стороне днищ (рис. 1 — 8а, 19). Орнамент наносился штампами и располагался зонально. Среди элементов преобладали пояски из разнонаклонных отис- ков (56,4%) и горизонтальные линии (12,3%) (табл. 2). Единич- ны геометрические фигуры — треугольники, ромбы. Из штампов чаще применялись змейковидный (39,4%) (табл. 1) и гребенча-

Таблица 1

Таблица элементов узоров	жилище 1	жилище 2	жилище 3	суммарно
	1 28,2	25,7	10,1	20,9
	2 13,8	4,8	10,1	11,6
	3 0,8		3,7	1,9
	4 3,1	-	0,2	1,7
	5 29,7	59,2	47,3	39,5
	6 0,4	-	2,7	1,3
	7	-	0,5	0,2
	8 14,5	9,3	20,2	16,4
	9 0,4			0,2
	10 0,8	-		0,4
	11 2,3			1,2
	12	-	0,2	0,1
	13 5,0		5,0	4,6
Итого	100%	100%	100%	100%

Таблица 2

Элементы узоров	жилище 1	жилище 2	жилище 3	суммарно
	1 3,1		3,75	3,2
	2 1,2	4,7	1,9	1,7
	3 1,8	4,7	4,1	3,1
	4 1,8		0,9	1,3
	5 0,8	-		0,4
	6 1,8	4,7		1,3
	7 0,4	-	0,5	0,4
	8 0,4		1,4	0,7
	9 0,4			0,7
	10 41,7	49,7	30,6	37,6
	11 17,7	24,2	16,6	16,8
	12 0,4		5,25	2,4
	13 2,8		2,3	2,6
	14 0,8	0,4	3,2	1,7
	15 6,3	-	3,6	4,7
	16 -		0,5	0,2
	17 1,8			0,9
	18 0,4			0,2
	19 0,4		1,8	3,9
	20		0,5	0,2
	21 0,4		0,5	0,4
	22 8,3	-	11,4	8,9
	23 0,4		2,3	1,2
	24 3,1		2,7	2,7
	25 1,5	4,8	0,5	1,3
	26 1,5	4,8	0,9	1,5
	27 0,4		1,8	0,9
	28 0,4			0,2
	29		0,5	0,2
неясный	30		0,5	0,2
Итого	100%	100%	100%	100%

тый (34,2%) в том числе 20,8% — двузубой гребенки. Оттиски торца круглой палочки составляют 16,2%. Редко употреблялись штампы в виде уточки, прямого рамчатого креста (рис. 1—10, 11), гладкий. Рамчатым крестом украшен один венчик. Несколько сосудов в верхней части украшены желобками (рис. 1—6, 7) и валиками, как выдавленными, так и наlepными (рис. 1—12). Валики иногда покрывались узорами, в желобках есть ямочные вдавления. Интересен фрагмент стенки, на котором сохранились друг против друга (с внутренней и внешней стороны) два вертикальных наlepных валика (рис. 1—9). Еще на одном сосуде остались следы какого-то наleпа (скульптурного?) поверх орнамента (рис. 1—12). Это первые находки подобного типа среди барсовской керамики.

Анализ распространения керамики по раскопу показал, что обломки одного сосуда встречаются в разных жилищах, а это свидетельствует об их одновременности. Нами была определена степень сходства керамики по элементам узоров и технике орнаментации между жилищами, что имеет большое значение для выявления в дальнейшем характера связей между поселениями. Обработка керамики производилась по сокращенной программе, предложенной В. Ф. Генингом [1973]

ТАБЛИЦА

ТАБЛИЦА

парных коэффициентов сходства между жилищами по технике орнаментации

жил. 1 — 70,5% — жил. 2
70,8% 71,5%

(жил. 3)

парных коэффициентов сходства между жилищами по элементам узора

жил. 1 — 68% — жил. 2
77,2% 59%

(жил. 3)

Средний коэффициент сходства по элементам равен 68,1% с вариационными отклонениями от 49,8 до 86,3%, по технике — 70,0% (69,9—71,9%). Эти цифры близки полученным при сравнении керамики между жилищами другого барсовского селения Барсова Гора 1/40 [Чемакин, Кошкарлов. 1984].

Во всех жилищах в единичном количестве встречена погуда, не характерная для барсовской культуры и отражающая ее южные связи. Это фрагмент тонкостенного, хорошо выделанного сосуда, украшенного мелкогребенчатым зигзагом или меандром с поперечной штриховкой и неглубокими ямочными вдавлениями (жилище 1, рис. 1—1). Нижняя часть его была свободна от узоров. Чужеродными выглядят обломки еще трех сосудов, украшенных гладким штампом, насечками, подтреугольными вдавлениями (рис. 1—2—4). Из жилища 2 происходит почти целый при-

земистый горшочек, орнаментированный оттисками гладкого штампа, разделанными поясками из ямок (рис. 2—1). Венчик его волнистый, украшен тем же штампом. Обломки сосуда, обнаруженного во внешней яме жилища 3, содержали большую примесь песка. Узоры на нем состояли из поясков наклонных оттисков гладкого штампа и жемчужин (рис. 3—1). Последние отсутствуют на барсовской керамике в эпоху бронзы: нам известны лишь два фрагмента с жемчужинами, происходящие с многослойных памятников: городища Барсов Городок 1/18 и селища Барсова Гора 1/22а. Описанные сосуды обнаруживают несомненное сходство с керамикой сузгунской культуры. Близки они также еловской и ирменской посуде.

Среди каменных изделий преобладают шлифовальные плиты разных размеров, изготовленные из песчаника, и реже опок (рис. 2—17, 20, 23, 25). (Определение пород камня произведено сотрудниками Геологического музея Свердловского горного института Н. Я. Нестеровой и З. С. Шальных). Помимо основной верхней поверхности нередко использовались и боковые грани. Найдено 6 отбойников с забитыми торцовыми сторонами, сделанных из песчаниковых и кварцевых галек удлиненной формы (рис. 2—21, 22, 24). Боковые поверхности их иногда употреблялись для пришлифовки. Бруски прямоугольной формы, приготовленные из габбро, гранита и песчаника, могли применяться для заточки металлических и костяных орудий (4 экз.) (рис. 2—18, 19). На торце одного плоского бруска сделан желобок (рис. 2—15). Подобные предметы были широко распространены в атласской культуре эпохи поздней бронзы [Чемакин Ю. П., Коротаев В. П. 1976. С. 57. Рис. 2—8; Елькина М. В. 1977. С. 109. Рис. 4—2, 3; Чемакин Ю. П., Кошкарлов С. Ф. 1984. Рис. 5]. На нескольких гальках сохранились следы растирания ими охры.

О знакомстве жителей поселка с металлообработкой говорит найденный во втором жилище ошлакованный фрагмент керамики (рис. 2—14). Ошлакованные сосуды или их обломки неоднократно встречались и на других барсовских поселениях.

Предварительное сравнение материалов селища Барцевка IV с другими показало, что оно, скорее всего, отражает переход от среднего к позднему этапу в развитии культуры, располагаясь во времени между селищами Барсова Гора III/4 и I/50. (Краткая характеристика селища III/4 (объекты 435, 437, 452, 472) дана М. В. Елькиной в публикации 1977 года. Селище I/50 раскопано Ю. П. Чемакиным в 1979 году.) Коэффициенты сходства керамики по элементам орнамента и технике орнаментации между селищами Барцевка IV и III/4 близки средним коэффициентам сходства посуды в жилищах публикуемого памятника. Это свидетельствует об их хронологической близости. С другой стороны, отно-

сительно большие размеры жилищ и наличие вокруг них внешних ям характерны для самого позднего селища барсовской культуры — 1/50. находка бруска с поперечным желобком у торца — типично атлымского предмета — предполагает, что в период существования селища Барцевка IV атлымцы уже появились на Барсовой Горе, а это произошло, очевидно, на рубеже II—I тыс. н. э. Сузгунская культура относится многими исследователями к концу II или концу II—началу I тыс. до н. э. [Косарев М. Ф. 1981. С. 162; Стефанов В. И. 1979. С. 87]. Так же XII—IX вв. до н. э. датируется и еловская культура [Косарев М. Ф., 1981. С. 162]. Интересен фрагмент сосуда с жемчужинами, находящий аналогии в керамике верхнего слоя Чудской горы, датируемой ирменским временем [Косарев М. Ф. 1981. С. 168, 180. Рис. 66—2]. Мы полагаем, что селище Барцевка IV существовало на рубеже II—I тыс. до н. э.

О взаимоотношениях барсовского и атлымского населения уже говорилось [Челякин Ю. П., Кошкарлов С. Ф. 1984]. На селище Барцевка IV впервые зафиксированы следы контактов с южнотаежными (сузгунскими и еловскими) племенами. Скорее всего, посуда из южных районов могла проникнуть в Сургутское Приобье в результате обмена. Этими же путями, по-видимому, поступал сюда и металл.

ЛИТЕРАТУРА

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА 1973 № 1

Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири Свердловск. 1977 С. 104—118

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири М. Наука 1981. С. 280

Стефанов В. И. Сузгунские погребения на Подчваше. Вопросы археологии Приобья Тюмень, 1979 Вып. 2 С. 82—90

Челякин Ю. П., Кошкарлов С. Ф. Поселение начала I тыс. до н. э. на Барсовой Горе. Древние поселения Урала и Западной Сибири Свердловск. 1984 С. 115—130.

Челякин Ю. П., Коротаев В. П. Многослойное городище Барсов городок 1/10. Вопросы археологии Приобья Тюмень 1976 Вып. 1

Я. А. Яковлев

КАРБИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ I — ПАМЯТНИК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

В среднем течении р. Оби справа в нее впадет крупный приток — р. Кеть, 270-й и 362-й км левого берега которой соединены протокой Карбинская Анга. Она омывает участок надпойменной террасы, именуемой Карбинская и Карелинская горы и содержащий ряд разновременных археологических памятников. В административном отношении означенные земли входят в Верхнетокский район, Томской области.

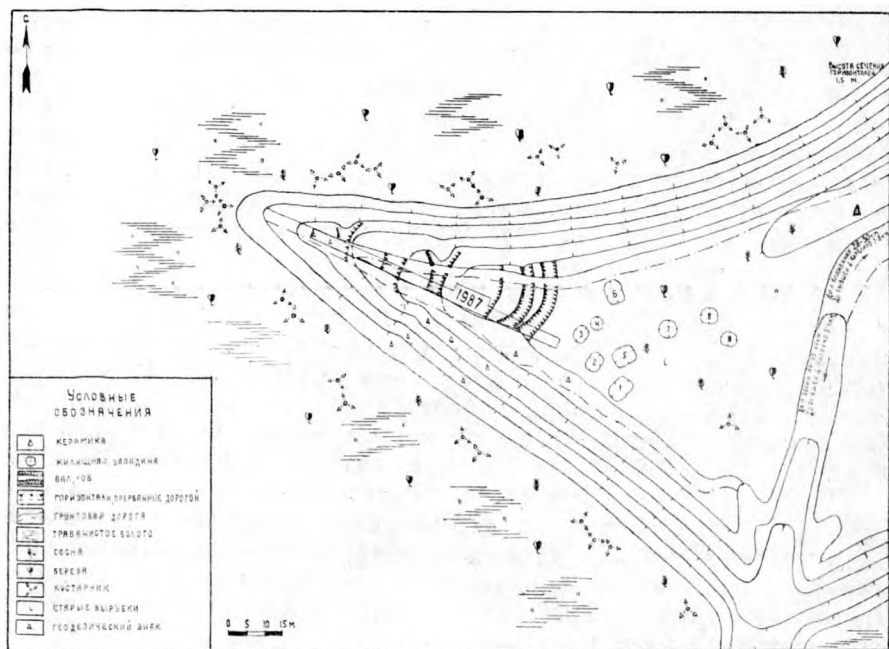

Рис 1 Карбинское городище I Карбинское селище VI

Карбинское городище I (рис. 1) расположено на узком, ориентированном к северо-западу мысу коренного берега р. Кети. В 70 м от напольного рва памятника находится спуск зимника с террасы в пойму, расстояние по которому в восточном направлении 28—30 км до п. Ключвенки, 7—8 км — до брошенной д. Карелино; в западном направлении — 40—44 км до райцентра Белый Яр, 3—4 км до покинутой д. Карбино. Мыс, имеющий в месте расположения городища ширину поверху от 5 м до 60 м и высоту 4—8,8 м, длинным языком полого уходит в заболоченную пойму.

С юго-восточной, напольной стороны городище укреплено последовательно от поля к памятнику двумя параллельными рвами (№ 1, 2) и валом. С северо-запада, со стороны поймы также фиксируются элементы фортификации: один ров (№ 4) расположен в непосредственной близости от оконечности мыса, немного выше уровня воды, другой (№ 3) имеется в 17 м вверх по склону. Визуально на поверхности рвы достигают 3—5 м в ширину и 0,2—0,4 м в глубину, вал характеризуется шириной в 7 м и высотой в 0,5 м. Впрочем, размеры эти в некоторой степени условны, поскольку все объекты не отличаются очерченностью контуров и весьма аморфны в своих границах. Система фортификации, очевидно, распространялась на всю ширину мыса. Однако двумя мощными бульдозерными дорогами, проходящими по краям мыса и сливающимися воедино в его вершине, состоянию памятника нанесен весьма серьезный урон. Общая длина городища вдоль мыса составила 63 м, хотя собственно укрепленная площадка имеет протяженность всего 15 м и площадь около 200 кв. м. Снаружи от укреплений зафиксировано 9 жилищных западин Карбинского селища VI, тяготеющего к городищу и составляющего, скорее всего, с ним единый комплекс.

Памятник был открыт в 1982 г. археологом Г. И. Гребневой и местным жителем историком Е. Ф. Барышевым, собравшими подъемный материал. В археологическом отчете он неверно датирован эпохой позднего средневековья [Гребнева Г. И. 1982. С. 27—29]. В 1986 г. вторичное обследование городища было проведено автором, определена его датировка — ранний железный век [Яковлев Я. А. 1986. С. 4—7]. Через год им же вскрыто 242 кв. м. — около 1/3 площади памятника. Раскоп имел форму траншеи длиной 74 м и перерезал всю площадь городища вдоль мыса. Среди раннежелезных нарымских городищ получен первый полный профиль памятника по одной линии. Некоторые предварительные результаты, извлеченные в итоге этих работ, и являются содержанием публикации.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Памятник однослойный. Все находки, за исключением миниатюрного каменного тесла и лавролистного каменного наконечника стрелы, принесенных, очевидно, древними обитателями городища с одного из близлежащих памятников энеолита или поздней бронзы, датируются эпохой раннего железа. Однослойность подтверждается и стратиграфическими наблюдениями залеганием вала непосредственно на материке и пр. Следов обновления фортификационных сооружений не зафиксировано, скорее всего, рвы не углублялись, а вал не подсыпался. Хотя не исключено, что возведение укреплений было одновременным актом, и городище опоясывалось рвами постепенно. Возможно, третий ров перестраивался.

Два рва с напольной стороны (рис. 2) пересекали мыс параллельно и в непосредственной близости друг от друга. Внешний (№ 1) достигал 5,5—6 м ширины и до 1,6 м глубины в материке, другой (№ 2) имел соответствующие параметры 2,8—3,8 м и до 1,2 м. Ров № 2 был заполнен серо-желтым и серым песком, ров № 1 обладал более сложным наслоением, поскольку по своим границам хорошо фиксировал сползший сверху выброс из крупнозернистого желтого материкового песка. Процесс этот произошел, скорее всего, почти вслед за откопкой рва, поскольку, во-первых, расстояние между рвами крайне недостаточно, чтобы удерживать песчаную породу вплоть до образования дерна и ее закрепления таким образом, а значительная глубина рва провоцирует выброс на обратную подвижку, и, во-вторых, весь этот слой почти стерилен в отношении находок, что само по себе уже свидетельствует о его недолговременном пребывании наверху. Оба рва имели примерно в середине заполнения углистые прослойки и отдельные, довольно многочисленные вкрапления углей выше них. Особенно хорошо она прослеживалась в первом объекте, в котором, кстати, были найдены обломки камней и фрагменты тигельной керамики. Очевидно, во внешний ров сбрасывались отходы, и прежде всего угли, при чистке производственной площадки внутри укреплений. Остальные находки по составу не выделяются из городищенской коллекции и представлены преимущественно фрагментами керамики.

Вал между укрепленной площадкой и вторым рвом не имеет четко выраженной насыпи. Погребенная почва не прослежена. Очевидно, это произошло оттого, что дерновый слой верхнекетских террас, поросших преимущественно хвойными деревьями и мхами, выражен крайне слабо. В настоящее время вал имеет в ширину около 5 м и в высоту до 0,5 м. Насыпь его сложена более-менее однообразным темно-серым песком с включением мел-

ких угольков. Слой этот, содержащий значительное количество находок (их концентрация выше, чем во рвах), деформирован в процессе существования городища. Прямым подтверждением этому служат несколько вскрытых раскопом углистых пятен с обломками пережженных костей и небольшое кострище. Остатками первоначальной насыпи может являться мощная линза серо-желтого песка, залегающая над материком. Можно предположить, что вал в целях предохранения его от оползания в ров и усиления фортификационных качеств укреплялся отдельно стоящими бревнами (изгородью?), на границе вала и рва прослежена округлая яма средним диаметром 0,3 м и глубиной 0,16 м. Незначительная ширина раскопа не даст сейчас аргументов в подтверждение или в опровержение высказанного предположения.

Третий ров располагался уже ниже производственной площадки по склону мыса и защищал ее со стороны поймы. Он имел наибольшие метрические характеристики в системе фортификации городища: ширину 8 м и глубину до 1,2—1,6 м. Как и другие рвы, он не обладал правильными очертаниями склонов и дна. Содержит чередующиеся слои серого, серо-желтого и желтого песка. Характер заполнения противоположной от укрепленной площадки части рва позволяет предположить, что с внешней стороны его засыпали, возможно, с целью уменьшения ширины: весь этот участок насыщен мешаным песком с отдельными вкраплениями углей. Выше него, примерно в центре заполнения, как и во рву № 1, фиксируется мощная углистая прослойка. В целом она повторяет конфигурацию этого элемента фортификации и может быть следом обжига его дна на определенном этапе существования городища, например, после сокращения ширины рва. Предположение о преднамеренном уменьшении размеров третьего рва полностью подтверждают еще 2 факта. Во-первых, контур современного рельефа вовсе не совпадает с очертаниями дна рва, а показывает его более узкие, т. е. поздние границы. Во-вторых, находки в этом объекте распределены далеко неравномерно: в засыпанной внешней части они значительно преобладают, попав туда вместе с мусором из центра городища. После засыпки части рва и образования на этом месте валообразного возвышения здесь, очевидно, было сооружено какое-то препятствие (плетень?), в раскоп вошли хорошо сохранившиеся остатки 6 обугленных колец диаметрами 0,12—0,2 м, расположенных двумя компактными группами.

Для засыпки третьего рва использовался не только мусор с центральной части городища, но и грунт снаружи от рва, ниже по склону. Брался ли он по всей ширине мыса или в отдельных местах, говорить из-за небольшой ширины раскопа пока трудно.

Ясно лишь, что в результате этой операции помимо возникновения валообразной насыпи над внешней частью рва была достигнута и другая цель — эскарпирование (полное или частичное) склона мыса. Это привело к усилению его фортификационных качеств — крутизна берега от 6° — 16° усилилась до 60° — 70° . Отметим попутно, что подобная деталь на приобских городищах ранее не отмечалась и более характерна для укрепленных поселений Урала [Борзунов В. А., 1987. С. 93].

В 10 м ниже рва № 3 раскопками выявлены следы углубленных на 0,6 м в материк колеи диаметром 0,12—0,15 м, расположенных параллельно остальным элементам фортификации, т. е. поперек мыса.

Примерно в 7 м от них и в 17 м от эскарпированного участка мыса к его оконечности был расположен еще один ров (№ 4) — крайний со стороны поймы. Уровень современного горизонта здесь более чем на 5 м ниже вершины вала в верхней части городища. Ненормированные данные по уровню вод в период существования городища не позволяет приписать этому объекту определенные функции — фортификационные или дренажные, хотя отсутствие в его заполнении следов железняковистых конкреций — признаков застоя местных болотных вод — более склоняет к первому предположению. Ров достигал в ширину 4—5,2 м и в глубину от материка до 1—1,2 м. Содержит преимущественно серо-желтый песок с углистыми прослойками по нижней границе и середине заполнения. Выброс грунта, скорее всего, осуществлялся вниз по склону мыса, наружу от городища. По насыщенности и составу находок ров не отличается от других.

Краткий итог вышеизложенного. С напольной стороны городище было укреплено двумя рвами и валом, возможно, усиленным линией столбов или изгородью. С оконечности мыса, со стороны поймы фортификационные сооружения не менее сложны и разнообразны: ров — через 7 м деревянное препятствие (забор, плетень?) — через 10 м слегка эскарпированный склон мыса, еще одно деревянное препятствие и ров (на поздней стадии существования городища) или только ров, но имеющий значительные размеры (на раннем этапе жизни поселка). Сложной системой фортификации Карбинское городище I выделяется среди одновременных ему укрепленных поселений Среднего Приобья, набор оборонительных элементов которых более прост.

УКРЕПЛЕННЫЕ ПЛОЩАДКИ

Внутри укреплений можно выделить 2 участка, где протекала хозяйственная жизнь древних обитателей городища. Основная

площадка между рвами № 2 и № 3, как уже отмечалось, имеет площадь около 200 кв. м, раскопано 68 кв. м. Культурный слой составляет от 0,55 м до 1,1 м и представлен преимущественно черным и темно-серым горелым песком с вкраплением углей и мелких фрагментов пережженных косточек. Сверху он перекрыт песком серого и серо-желтого цветов. В заполнении кое-где отмечены скопления и пятна углей, в одном случае — почти двухметровый обломок горелого дерева. Граница с материком — очень четкая по цвету и весьма аморфная по горизонтали, но проследить очертаний искусственных углублений не удалось. Повсеместно фиксируются угли на материке, увеличивающиеся в его естественных углублениях. Очевидно, имело место предварительное выжигание растительности на площадке с последующим выравниванием поверхности.

Следов хозяйственно-бытовых сооружений в раскопе не зафиксировано, но характер заполнения и набор находок не оставляют сомнения, что центральная площадка городища использовалась для цветной металлообработки. Прежде всего бросается в глаза высокая степень концентрации находок на 1 кв. м (без учета горизонтов) на этом участке относительно подобного же показателя по раскопу в целом: 24,1 против 11,9. Это же соотношение характерно для предметов, так или иначе связанных с металлургическим процессом: фрагментов тиглей и керамических шлаковок — 0,6 и 0,3; камней — 3,8 и 1,5; обломков пережженных костей — 1,6 и 0,7; всплесков и небольших обломков бронзы — 0,1 и 0,05.

Вторым участком, на котором протекала плавка металла, была наклонная часть мыса между рвами № 3 и № 4, ограниченная сверху эскарпированным склоном, а снизу, возможно, деревянным препятствием. Заполнение убеждает нас, что, во-первых, производство имело на этом месте более скромные масштабы, нежели на центральной площадке, и, во-вторых, по времени оно протекало здесь позже — кострище № 2 частично залегало уже не на материке, а на культурном слое. Литейные работы носили неоднoактный характер — расположенное здесь большое кострище является, по сути дела, суммой нескольких, скорее всего, разновременных кострищ.

Карбинское городище I входит в ареал распространения кулайских бронз. Бронзолитейное производство этого времени в Среднем Приобье уже достаточно исследовано [Чиндина Л. А., 1984. С. 135—142], и нет смысла останавливаться на нем подробно. Возможно лишь подтвердить или дополнить некоторые стороны этой отрасли древней экономики.

Литье кулайцев базировалось на привозном металлоломе. На Карбинском городище I также отсутствуют шлаки, зато в доста-

точном количестве представлены мелкие аморфные кусочки бронзы, обломки бронзовых изделий, например, рукоять ножа (рис. 3—6). Печей или иных специализированных средств производства в раскопе не представлено. Очевидно, основной металлургический процесс — плавка — протекал на костре. Многочисленные мелкие фрагменты пережженных костей подтверждают сделанное ранее Л. А. Чиндиной наблюдение об использовании этого оригинального горючего материала для поддержания высокой температуры при открытой плавке. Этой же цели служили и камни, в большом количестве встреченные на производственных площадках. Подавляющее их большинство несут следы многократного пребывания в огне: обожжены, расколоты, хрупки. По последней детали Карбинское городище I выделяется среди одновременных ему кулайских объектов металлургического производства, где при плавке металлов основным аккумулирующим тепловую энергию средством была дробленая керамика. Надо учитывать также, что в нижнем и среднем течении р. Кети нет выходов камня. Значит его приходилось завозить издалека, что при постоянном наличии битой глиняной посуды кажется неэкономичным и неразумным. Очевидно, здесь проявились традиции и технологические навыки древних обитателей городища, более привычных использовать в роли катализатора при литье камень, чем дробленую керамику.

Всего обнаружены 81 фрагмент тиглей, однако более половины из них чересчур фрагментарны, чтобы дать основания для реконструкции. По толщине и высоте стенок выделяются 3 группы тиглей.

1. Самую многочисленную (31 фрагмент) составляют низкие сосуды с толстыми стенками. Средняя высота тулова по внутренней части 16 мм (максимально 21 мм, минимально 12 мм), средняя его толщина 23 мм (максимально 35 мм, минимально 12 мм). Значительная фрагментарность находок затрудняет восстановление формы этой группы тиглей. Все обломки имеют округлость внешнего контура, т. е. возможны ладьевидные, овальные или круглые очертания устья. В последнем случае диаметр тиглей мог колебаться от 8 до 30 см. Обрез венчика всегда плоский. Литники, скорее всего, отсутствовали — они не встречены ни на одном обломке. Внутренние и внешние стенки либо параллельны, либо внешние более отвесны. Ни одного определенного фрагмента днища не сохранилось. По характеру дугообразного изгиба стенок в их нижней части можно предположить, что днища были слегка округлыми или, что более вероятно, плоскими с плавными переходами в тулова. Отсутствие днищ и плохая сохранность тиглей обусловлены их исключительно перенасыщенным песком тестом. Это привело к тому, что днища, подвергшиеся более силь-

ному термическому воздействию, разрушились раньше. У стенок сохранились в большей мере ошлакованные участки, где песок сцементировался. Скорее всего, эти тигли не могли использоваться многократно. Форма их, сочетающая большую площадь дна, т. е. соприкосновения с огнем, с малой высотой, оптимальна для расплава металла на костре. Отметим, что для кулайской металлургии такой тип тиглей не характерен

2. Чашевидные (округлые или овальные) тигли. Средние параметры: диаметр по внешней границе 115 мм, высота по внутренней стенке 24 мм, толщина стенок 12 мм. Сохранились фрагменты 7 тиглей, данные о днище отсутствуют. Обрез закруглен или уплощен. В одном случае отмечен незначительный овальный литник на венчике, сопровождаемый приостренной формовкой стенки, в четырех других — орнамент по тулову снаружи и краю венчика.

3. Тигель в форме стаканчика с круглым устьем, сужающимися стенками и округлым дном. Внешний диаметр 51 мм, толщина стенок 8 мм, высота по внутренней стенке 30 мм, объем 20 куб. см. Обрез местами уплощен. Хорошо отмученное тесто с примесью шамота и мелкого камня, хороший обжиг. Есть еще 2 фрагмента от подобных тиглей.

Кроме тигельной керамики найдены и некоторые другие орудия, используемые в металлургическом производстве (например, молоток-ручник — удобный по форме для использования булыжник со следами многочисленных ударов, керамический и каменные абразивы), а также многочисленные отходы литья (всплески бронзы, обломки литейных шишек, куски обожженной глины и пр.). Обнаружены также 2 коррозированных железных предмета. Следы черной металлургии отсутствуют.

Очевидно, место для металлургических работ выбрано не случайно. Узкий, безлесый и далеко выступающий в пойму мыс обеспечивал естественную и постоянную вентиляцию воздуха, так необходимую при литье. Напор ветра на прямой участок террасы гораздо слабее и действует лишь с одной стороны, т. е. лишен фактора постоянства. Учитывались и меры безопасности.

Исходя из всего изложенного Карбинское городище I следует признать местом металлургического производства. На раннем этапе кулайской культуры в Среднем Приобье цветная металлургия носила домашний характер — отходы литья встречаются как на селищах, так и на городищах. Однако пропорции хозяйственно-бытового и производственного комплексов на этих типах памятников неравнозначны, по немногочисленным пока стационарным раскопкам заметно тяготение производственно-металлургических процессов именно к городищам (Богатырские Бугры, Степановское, Кондрашкина Акка I). На начальной фазе раннего

железного века начинается и принимает конкретные формы процесс обособления в пространстве специализированного металлургического производства. Причем эта тенденция закономерна не только для Приобья, но и для всей Западной Сибири и Зауралья, а возможно и для более широкой территории. По крайней мере, интерпретация Г. В. Бельтиковой иткульских городищ как специальных поселений металлургов выглядит весьма убедительной [Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е. 1984; Бельтикова Г. В., 1986]. На заключительной стадии кулайской культуры, как было верно отмечено Л. А. Чиндиной, процесс концентрации металлургического производства на городищах завершился — коллекции с саровских селищ не содержат предметов, характерных для этой отрасли хозяйства [Чиндина Л. А. 1984. С. 140—141]. В настоящее время в Среднем Приобье нет ни одного городища раннего железного века, полностью отрицающего металлургические процессы: либо их наличие несомненно, либо информация о памятнике слишком ничтожна, чтобы дать ответ на этот вопрос. Очень мало данных о городищах эпохи средневековья. раскопок их почти не проводилось. Однако в разведочных сборах с этих памятников почти всегда имеются отходы металлургической деятельности. Раскопки В. И. Семеновой городищ развитого и позднего средневековья в Нижнем Приобье убеждают, что означенная выше тенденция сохранялась и в это время [Семенова В. И. 1981; Она же. 1984; Она же 1985; и др.]. Практически в Приобье городища были местами металлургического производства от времени своего возникновения на рубеже бронзового и железного веков до исчезновения в XVII—XVIII вв и «туземной фортификации», и «туземной металлургии». Каковы причины этого явления: религиозно-культурные (разграничение селища и сферы действия духов-покровителей металлургов [Чиндина Л. А. 1987]), оборонительные (стремление сохранить в случае агрессии наиглавнейшую и необходимую именно для ведения военных действий отрасль хозяйства) или какие-то иные, — это еще предстоит выяснить. Несомненно, лишь, что одной из главных функций приобских городищ было металлургическое производство.

ВЕЩЕВОЙ МАТЕРИАЛ

В эту категорию входят 84 находки (2,9%) из 2890 предметов, найденных на городище. В рамках статьи нет возможности и необходимости останавливаться на всех вещах, поэтому общераспространенные во времени и пространстве находки (костяные наконечник стрелы и проколка, бронзовая трубчатая бусина-пронизка (рис. 3—3), ложила и напярсла из обломков глиняной посуды и пр.), а также другие малоинформативные фрагменты ве-

шей остались за пределами публикации. Отмечены лишь несколько ярких бронзовых изделий хорошей сохранности. Часть из них относится к кулайской культуре.

Антропоморфная личина плоского одностороннего литья (рис. 3—7). Форма — овальная, внизу — прямоугольная обломанная шея-выступ. Горизонтальный и вертикальный перпендикулярными рельефными линиями переданы брови (или нижняя кромка конического шлема) и нос человека. Рельефными овалами изображены глаза и рот, причем глаза расположены не горизонтально, а под углом к переносью, на месте ушей — фигурки животных: правого — изогнутое в хребте туловище головой вверх зверька из породы кунных, левого — либо неопределенное животное головой вверх, либо лиса, собака или волк головой вниз и

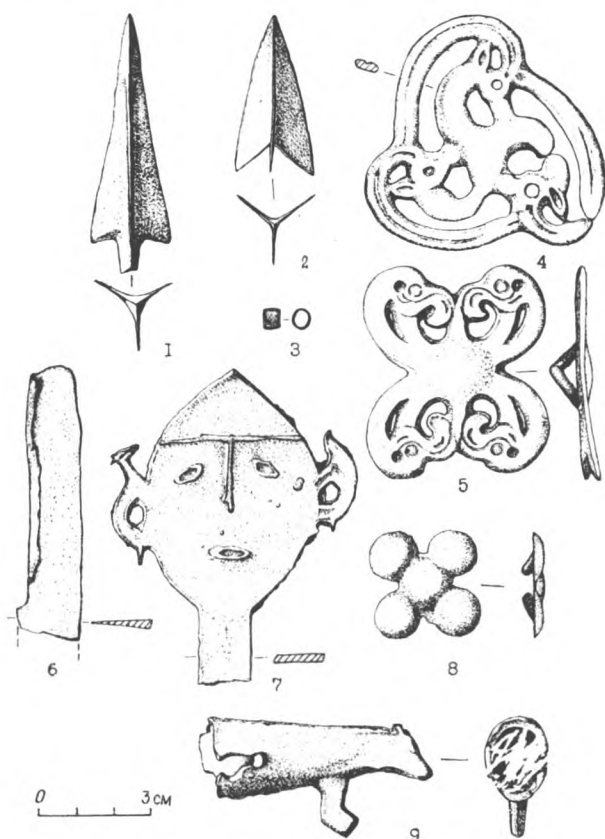

Рис. 3. Карбинское городище I. Керамика

мордой впрыток к передним лапам. Вторичная подработка изделия отсутствует, лицевая сторона имеет мелкозернистую поверхность, характерную для отливок в песчаной форме. Подобные изображения в раннем железном веке (V—II вв. до н. э.) были распространены в Приобье довольно широко (тип I, группа 3, вариант 1 по типологии Л. А. Чиндиной) [Чиндина Л. А. 1984. С. 41—42, 106], а наиболее близкая аналогия происходит с горы Кулайки [Мягков И. М. 1929. Табл. III—6]. Однако оформление ушей личины в виде фигурок животных — оригинальная черта, не встречающаяся пока на других одновременных антропоморфных личинах.

В круг кулайских древностей входит также полное, конусовидное навершие с зооморфным изображением, возможно, медведя (рис. 3—9). Длина около 60 мм, внешний диаметр насада 21 мм, толщина стенок 2,5 мм. Техник двустворчатого литья изображена передняя часть туловища животного: приостренная морда с маленьким ухом, мощная лапа с большой ступней. В месте насада навершия — литейный брак из-за недолива металла: не выдержана четкость контура овала, не полностью удалось одно из двух отверстий, расположенных с противоположных сторон и служащих для крепления на древке. Этот тип изделий (тип III, группа 4) [Чиндина Л. А. 1984. С. 74] не столь распространен, и аналогии в пределах Среднего Приобья могут быть перечислены. Близкие по стилю полые навершия с изображением рыб известны с Тимирязевского селища I [Плетнева Л. М. 1978. Рис 1—7] и сборов с р. Чижанки [Мягков И. М. 1929. Табл. II—8]; с обликом медведя — с р. Нюрсы [Мягков И. М. 1929. Табл. II—9]; в виде головы хищной птицы — вновь с р. Нюрсы [Мягков И. М. 1929. Табл. II—7] и из Пиковских находок [Могильников В. А. 1969. С. 256]; в форме головы хищного зверя — из Кривошеинской [Ураев Р. А. 1956. С. 342—343, № 15], Елыкаевской [Могильников В. А. 1968] и Холмогорской коллекций; с неопределенным образом — из находок на поселении Самусь IV [Сыркина Л. М., Матющенко В. И. 1969. С. 50, рис. 24]. Схожие навершия бытовали и на сопредельных территориях, например, в Приуралье [Городцов В. А. 1937. Табл. 3—4, 5]. Столь длительное перечисление приведено здесь с единственной целью — датировки полых зооорнитоморфных наверший. Л. А. Чиндина отнесла их к переходному этапу кулайской культуры — III в. до н. э. — II в. н. э. [Чиндина Л. А. 1984. С. 106, 122]. Не отрицая бытования этих вещей в указанную эпоху, следует все же передвинуть время их зарождения к более раннему, васюганскому этапу — V — II вв. до н. э. Из 9 приведенных выше находок 3 происходят из памятников васюганского этапа (находки Кривошеино и Самусь IV, Тимирязевское селище I), 3 — из разновременных коллекций

(Пиковские, Елыкаевские и Холмогорские находки) и 3 — из сборов, условия обнаружения которых неизвестны (с р. Нюрса и р. Чижапка).

Следующие находки по стилю исполнения, сюжету и связям выпадают из коллекции кулайского культового литья.

Трехлучевая бляха-свастика с изображением голов горных баранов (рис. 3—4). Откинутые назад длинные стилизованные рога объединяют изображения в единую композицию и придают изделию подтреугольную форму с заovalенными углами. Одно из изображений голов имеет производственный дефект в виде недолива металла. Полные аналогии этой бляхе имеются в материалах жертвенного места Лысая Гора на р. Яя — левом притоке р. Чулым (правый приток р. Оби). По типологии Н. Л. Членовой, они отнесены к «минусинскому» типу и датированы IV в. до н. э. [Членова Н. Л. 1967. С. 151. Рис. 24—35, 36]. Датировка этих находок А. И. Мартыновым — II—I вв. до н. э. [Мартынов А. И. 1976. Рис. 1—68]. Принадлежность этих блях к тагарским древностям считается общепризнанной. Подобная композиция в виде трехлучевой свастики (три хищника породы кошачьих нападают на находящееся в центре животное) известна среди древних находок VII—V вв. до н. э. из Прикамья и Прииртышья [Членова Н. Л. 1981. Рис. 5 — 10, 11]. Сюжет трехлучевой свастики был весьма распространен во фракийском искусстве V—IV вв. до н. э. [Венедиков И., Герасимов Т. 1973. Илл. 279, 288, 302, 304, 306].

Нашивка бабочковидной формы с изображением попарно сгруппированных головок грифонов в геральдической позе (рис. 3—5) способом ажурного литья переданы сферическая окружность в центре, мощные клыки птиц, рога (?) на их головах. Гравировкой изображены глаза, детали клюва. Лицевая поверхность отполирована. В центре оборотной стороны — крупная петля для крепления. Почти полной аналогией этой находке является бляха с р. Чулыма [Членова Н. Л. 1961. Табл. III—3]. На других изделиях с подобной композицией стилизация и полиморфизм образов настолько усилены, что иногда трудно определить, черты каких животных присутствуют рядом с грифонным клювом. Тем не менее канон четырех спаренных головок удивительно единообразен и известен в Туве [Членова Н. Л. 1961. Табл. III—1; Она же. 1967. С. 147. Разд. III—7], в Минусинской котловине [Членова Н. Л. 1961. Табл. III 2; Она же. 1967. Табл. 26—25, 30—19], в Ордосе [Членова Н. Л. 1961. Табл. III—4], в Западной Сибири. Степановские находки [Мартынов А. И., 1976. Рис. 1—12]; могильники в Барабинской и Ачинско-Марининской лесостепи [Полосьмак Н. В. 1987. С. 82, рис. 60—3, 5; Мартынов А. И. 1979. С. 122, 127. Рис. 44—18].

Н. Л. Членовой замечено, что подобные бляхи с изображениями грифонов широко распространены «в восточной части скифского мира» [Членова Н. Л. 1961. С. 139], но не являются порождением минусинской тагарской культуры [Членова Н. Л. 1964. С. 297]. Очевидно, они входят в набор общескифских форм и вряд ли могут быть культуромаркирующими признаками для тагарской, новочекинской или любой другой культуры. Назначение их, очевидно, было разным. Например, тувинские бляхи Н. Л. Членова трактуется как ремешные украшения, а А. Д. Грач — как украшения одежды; в Новочекинском II могильнике подобное изделие расчленено на 4 самостоятельных изображения головы грифона-лошади. Это не позволяет использовать их в качестве украшения и, возможно, предполагает культовое назначение. На датировку описанной композиции существует несколько точек зрения. Н. Л. Членова относит эти изделия к V—IV вв. до н. э. [Членова Н. Л. 1961. С. 137; Она же. 1967. С. 147]; IV в. до н. э. датирует новочекинские изображения Н. В. Полосьмак [Полосьмак Н. В. 1987. С. 91]; с V—III вв. до н. э. соотносит Степановские находки Л. М. Плетнева [Плетнева Л. М. 1977. С. 72]. Иной взгляд на время бытования этих предметов имеет А. И. Мартынов: «В послетагарское время во II—I вв. до н. э. типичными для лесостепной культуры надо признать пластины с четырьмя расположенными попарно по углам стилизованными головами птиц с массивными загнутыми клювами и ушами» [Мартынов А. И. 1979. С. 127]. Хотя совершенно аналогичную композицию из бараньих голов А. И. Мартынов относит к VI—III вв. до н. э. [Мартынов А. И. 1979. Табл. 44—18].

Крестовидная бляшка, составленная из 5 полусфер диаметром 12 мм. В центре обратной стороны — несомкнутая петля для крепления (рис. 3—8). Как и предыдущее изделие, эта находка имеет широкое распространение в тагарское время и встречается в Туве [Грач А. Д. 1980. С. 35. Рис. 34. 7], в Минусинской котловине [Клеменц Д. 1886. С. 125. № XLIX—5. Табл. XI—12, Кириллов Е. Л. 1983. С. 63. Рис. 16], в Западной Сибири в Нижнем Притомье [Плетнева Л. М. 1977. С. 82. № 5. Табл. 7—5, 29—7; Мартынов А. И. 1976. Рис. 1—16, 19]; в Барабинской лесостепи [Полосьмак Н. В. 1987. С. 82. Рис. 60—2]. Различия между ними прослеживаются лишь по способу крепления. Существуют разные мнения на назначение этих предметов. Д. Клеменц считал их элементом орнаментации «полейков, ремней, и сбруй», А. Д. Грач — украшением одежды, а Е. Л. Кириллов — украшением головных уборов. Говоря о датировке 4-лепестковых розеток, большинство исследователей склонны определять время их бытования V—III вв. до н. э. (саглынский этап саглынской культуры по: Грач А. Д. 1980. С. 35, шелюмок-

ская культура по: Плетнева Л. М. 1977; новочекинская культура по: Полосьмак Н. В. 1987. С. 91; саргашенский этап тагарской культуры по: Кириллов Е. Л. 1983). Но предложены и более поздние даты: М. П. Завитухина — III—II вв. до н. э. [Завитухина М. П. 1966 С. 52. Рис. 1—6], А. И. Мартынов относит Степановские находки с описываемой бляшкой к II—I вв. до н. э. [Мартынов А. И. 1979. С. 126].

Два трехлопастных наконечника стрел с обломанными черешками (рис. 3—1, 2). Лопасты треугольные, с выступающими за основание черешка углами. Длина лопасти по центральной оси 3,4 см и 5,8 см, по режущему краю — 4,2 см и 6,0 см. На меньшем наконечнике видны следы заточки. По типологии Н. Л. Членовой, они относятся к типу А/III [Членова Н. Л. 1967. С. 42]. Весьма широко распространены в восточных культурах скифского мира: в Южном Приуралье [Смирнов К. Ф. 1961. С. 65, 142. Рис. 40—1, 10—12], Западной Сибири (Алтае и Ачинско-Мариинской лесостепи) [Худяков Ю. С. 1980]; Нижнем Притомье [Плетнева Л. М. 1977. С. 69. Рис. 24—3—10], Казахстане [Руденко С. И. 1930. Рис. 1—5; Бернштам А. Н. 1949. Табл. I—68; Грач А. Д. 1980. Синхр. табл. IV—№ 48, 50], Минусинской котловине [Клеменц Д. 1886. С. 111. № XXX—14. Табл. VII—14; Липский А. Н. 1956. С. 122—125. Рис. 53—3; Членова Н. Л. 1967. Табл. 12—12, 28; Кулемзин А. М. 1976. С. 50. Рис. 1—29], Туве [Кызласов Л. Р. 1979. Рис. 55—7; Грач А. Д., 1980. Рис. 32, 54, 59, 61, 66, 112, синхр. табл. I—№ 25, 86—88, 145—146; Мандельштам А. М. 1983. С. 30. Рис. 1] и других, более отдаленных районах — Монголии, Северном Китае [Членова Н. Л. 1967. С. 43]. Отметим, что в Нарымском Приобье этот тип наконечников встречен впервые. По мнению Н. Л. Членовой, их родиной можно признать Среднюю Азию или Казахстан, откуда они широко распространились в VII—V вв. до н. э. [Членова Н. Л. 1964. С. 295; Она же, 1967. С. 57, 214]. Верхней датой существования бронзовых трехлопастных черешковых наконечников стрел большинство исследователей признают III в. до н. э.

КЕРАМИКА

Из 2890 предметов, найденных на городище, 2197 (76,3%) представлены фрагментами керамики (рис. 4—5). Детальный анализ этого чрезвычайно важного в культурно-хронологическом аспекте вида источника — цель будущей работы. В статье же представлена лишь предварительная статистическая обработка карбинской керамики. Использован понятийный аппарат, разработанный Л. А. Чиндиной для кулайской керамики [Чиндина Л. А. 1984. С. 76—94].

Из 2 197 фрагментов керамики 704 принадлежат венчикам (683 — с орнаментом, 21 — без орнамента), 1 336 — туловам (520 — с орнаментом, 816 — без орнамента), 157 — днищам (10 — с орнаментом, 147 — без орнамента). Полностью реконструирован лишь 1 сосуд (рис. 4—3).

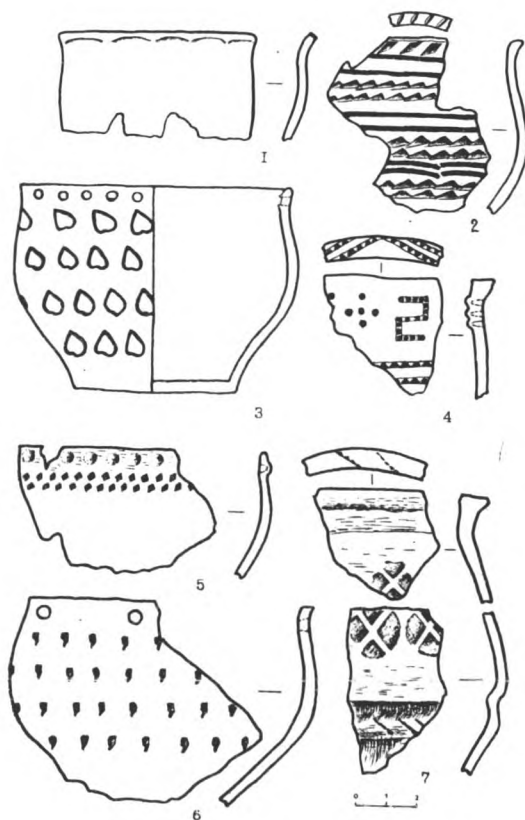

Рис. 4. Карбинское городище I. Керамика

К сожалению, более половины (56%) фрагментов венчиков представлены мелкими и невыразительными обломками, не дающими оснований для реконструкции формы (табл. 1). В это же число включены и венчики с нечеткой профилировкой. Очевидно, все они принадлежат горшкам или банкам, но достоверное членение их на эти группы невозможно. Вообще необходимо от-

9. Заказ 5245. М. С. Усманова.

Соотношение формы и обреза венчиков керамики Карбинского городища I

Форма сосуда	Обрез венчика		Скошен внутрь	Упло- щенный	Скошен наружу	Округ- лый	Приост- ренный	Плохо отформо- ванный	ИТОГО
	Обрез венчика	Форма венчика							
ГОРШКИ	Слабо профилированный		14	103	27	31	1	—	176
	Сильно профилированный		1	5	1	6	1	—	190 (27%)
БАНКИ	Прямой		8	21	7	4	—	—	40
	Слабо профилированный		6	56	7	8	—	—	118 (16,7%)
	Сильно профилированный						1	—	1
ЧАШИ	Открытый			1		1			2 (0,3%)
НЕОПРЕДЕ- ЛЕННЫЕ			43	204	72	60	6	9	394 (56%)
			72 (10,2%)	390 (55,4%)	114 (16,2%)	110 (15,6%)	9 (1,3%)	9 (1,3%)	704 (100%)
ИТОГО									

метить, что профилировка горла карбинских сосудов выражена крайне слабо, и группы горшков и банок очень близки между собой.

Определенно к горшкам относятся 190 фрагментов венчиков (27%). Большая их часть представлена очень слабо профилированными венчиками с низкой шейкой и уплощенным обрезом. Встречено также небольшое количество резко отогнутых наружу венчиков с низкой шейкой и округлым или уплощенным обрезом. Как исключение в обеих подгруппах есть фрагменты горшков с высокой шейкой.

Банки представлены 118 фрагментами венчиков (16,7%). Две трети из них происходят от слабо вогнутых венчиков с уплощенным обрезом, остальные — от прямых венчиков с уплощенным или скошенным обрезом, и лишь 1 обломок — от хорошо профилированной банки закрытого типа.

Третья группа сосудов представлена 2 фрагментами (0,3%) плоскодонных низких чаш.

Если обратиться к обрезу венчика, то заметно резкое преобладание уплощенности в его оформлении: либо он уплощен прямо (55,4%), либо с незначительным скосом внутрь (10,2%) или наружу (16,2%). Однако абсолютного противопоставления округлому обрезу здесь нет: значительное количество венчиков уплощено лишь по центральной оси обреза, а его внутреннее и внешнее ребра оставлены округлыми. Зачастую венчики не оформлены: имеют разную толщину, неровную поверхность и неполное оформление обреза (обрез одного венчика может быть округлым, уплощенным и скошенным). Немалое число венчиков имеют наплывы с одной или обеих сторон от уплощения обреза, некоторые — специально оформленные карнизчики. Отдельные сосуды у горла утолщаются.

Днища, по преимуществу плоские, их соотношение с округлыми 127/30. Для плоских днищ заметна тенденция к утолщению и подчеркнутому оформлению перехода от дна к стенкам с наружной стороны. Последнюю особенность М. П. Грязнов считал характерной для большереченской керамики [Грязнов М. П. 1956. С. 76].

В орнаменте карбинской керамики встречено 16 элементов, которые дали 63 сочетания (табл. 2). Более половины украшенных фрагментов венчиков (389=59%) украшены одним элементом, 243 (36,8%) — двумя, 24 (3,6%) — тремя, 3 (0,6%) — четырьмя (без учета орнамента на обрезе). Мотивы самые разнообразные, однако к наиболее распространенным следует отнести горизонтальный и наклонный. Техника орнамента также весьма различна: штамповая, отступающая, рисованная, наклепная. Орнамент чаще нанесен по верхней части сосуда: венчику,

Орнаментация керамики Карбинского городища I

Элемент, сочетание элементов	Количество фрагм. венчиков
ОТВЕРСТИЕ	276
отверстие — оттиск приострѐнной лопатки	36
отверстие — оттиск приострѐнной лопатки — прочерченная линия или гладкий желобок	1
отверстие — оттиск фигурной лопатки	49
отверстие — оттиск фигурной лопатки — оттиск лопатки	1
отверстие — оттиск лопатки	21
отверстие — оттиск лопатки — гребѐнка	1
отверстие — лунка	1
отверстие — ямка	2
отверстие — кольцо	2
отверстие — гребѐнка	27
отверстие — гребѐнка — оттиск гладкого штампа	1
отверстие — оттиск палочки	11
отверстие — прочерченная линия или гладкий желобок	6
отверстие — ромбовидный штамп	1
отверстие — штамп «восьмиконечный крест»	1
ОТТИСК ПРИОСТРЕННОЙ ЛОПАТКИ (УГЛА ЛОПАТКИ)	1
оттиск приострѐнной лопатки — ямка	1
оттиск приострѐнной лопатки — прочерченная линия или гладкий желобок	1
оттиск приострѐнной лопатки — жемчужник	2
оттиск приострѐнной лопатки — жемчужник — лунка	1
ЛУНКА	76
лунка — оттиск фигурной лопатки	3
лунка — оттиск фигурной лопатки — гребѐнка	1
лунка — оттиск лопатки	1
лунка — оттиск лопатки — гребѐнка	2
лунка — оттиск лопатки — гребѐнка — жемчужник	3
лунка — оттиск лопатки — жемчужник	1
лунка — гребѐнка	31
лунка — гребѐнка — гребенчатый желобок	3

Элемент, сочетание элементов	Количество фрагм венчиков
лунка — гребенчатый желобок	7
лунка — жемчужник	3
ЯМКА	11
ямка — кольцо	1
ямка — гребёнка	4
ямка — гребенчатый желобок	1
ямка — оттиск палочки	1
ямка — прочерченная линия или гладкий желобок — жемчужник	1
ямка — штамп шеврон	1
КОЛЬЦО	2
кольцо — жемчужник	1
ГРЕБЁНКА	6
гребёнка — оттиск фигурной лопатки	3
гребёнка — оттиск палочки	1
гребёнка — прочерченная линия или гладкий желобок	1
гребёнка — прочерченная линия или гладкий желобок — жемчужник	2
гребёнка — штамп «восьмиконечный крест»	2
гребёнка — жемчужник	7
гребёнка — жемчужник — оттиск фигурной лопатки	4
гребёнка — жемчужник — лунка	2
ОТТИСК ПАЛОЧКИ	2
оттиск палочки — оттиск лопатки — жемчужник	1
оттиск палочки — прочерченная линия или гладкий желобок — жемчужник	1
оттиск палочки — жемчужник	8
ПРОЧЕРЧЕННАЯ ЛИНИЯ ИЛИ ГЛАДКИЙ ЖЕЛОБОК	1
прочерченная линия или гладкий желобок — жемчужник	1
ЖЕМЧУЖНИК	11
жемчужник — оттиск фигурной лопатки	1
жемчужник — оттиск фигурной лопатки — оттиск лопатки	1
жемчужник — оттиск лопатки	4

Элемент, сочетание элементов	Количество фрагм. венчиков
ШЕВРОН	1
ВЫПУКЛЫЙ КОСОЙ КРЕСТ	1
РИСУНОК	1
Орнамент не восстанавливается	24
Без орнамента	21

ИТОГО: 704 фрагмента венчиков

шейке, плечу. У 191 фрагмента венчиков (27,1%) орнаментирован обреш: в подавляющем большинстве отштукатурен гребенчатый (149 фрагментов) или гладкий (27 фрагментов) штампы. Часто они образуют по обрешу одинарный или удвоенный зигзаг. Зависимости орнамента от формы обреша венчика не замечено. В 10 случаях (6,4%) вдавления гребенки имеются и на фрагментах днищ — поровну на плоских и на круглых. Они украшают внешнюю сторону днища и иногда выходят на придонную часть внешней стороны сосуда.

Корреляции формы и орнамента керамики не проводилось, однако визуальные наблюдения склоняют к мысли, что зависимости между ними нет. Наиболее распространенным элементом орнамента как на горшках, так и на банках является сквозное отверстие — оно имеется на 66,3% фрагментов от общего числа орнаментированных обломков венчиков, причем у 41,9% отверстия не сочетаются с другими элементами. Таким образом, почти половина венчиков с гордища имеет стабильное украшение — одну линию отверстий по самому краю венчика (у горшков — по верхней дуге шейки). Отверстия протыкались и снаружи, и изнутри сосуда. В достаточном числе случаев стенки отверстия наклонны, т. е. тычковый инструмент имел не цилиндрическую, а схожую с конической форму. Значительно распространены вдавления всевозможных лопаток: простой, приотсрешенной, овальной, фигурных (с выемкой в углу, с раздвоенной лопастью, с приотсрешенным зубчатым основанием и т. д.). Часто встречаются отгиски гребенки, лунки, ямки. Зато довольно слабо в орнаментации карбинской керамики представлен жемчужник — лишь на 55 фрагментах (8,4%). В подавляющем большинстве случаев он отличается от кулайского жемчужника — выражен крайне слабо и фиксируется лишь по лункам с внутренней стенки сосуда. Часто жемчужины проколоты и почти неотличимы от отштукатуренных

изнутри отверстий. Особенностью керамического комплекса является также почти полное отсутствие фигурных штампов. Их отмечено всего 4 (гладкий ромб, шеврон, восьмиконечный и косой рельефные кресты) (рис. 4—7, 5—7) на 7 фрагментах венчиков (1%).

В качестве отощителей при изготовлении керамического теста чаще использован шамот, песок. Нередко встречается крупная речная галька, иногда ее размеры превышают толщину стенки сосуда. Тесто рыхлое. Поверхность заглажена, в некоторых случаях имеются довольно грубые следы-борозды. Одни исследователи считают этот признак характерным для кулайской керамики [Чиндина Л. А. 1984. С. 144], другие — для тагарской [Членова Н. Л. 1967. С. 206]. Обжиг посуды неодинаков: у тонкостенных сосудов он более высокого качества, нежели у всех прочих. Неоднократно отмечены просверленные снаружи отверстия — следы крепления начавших трескаться сосудов. Подобная деталь распространена в хозяйстве населения тагарской культуры [Членова Н. Л. 1964. С. 288]. В одном случае хорошо заметны следы ремонта венчика: трещина с обеих сторон и по обрезу поверх орнамента была обмазана глиной, а затем сосуд вновь подвергся обжигу.

Сравнение с кулайской керамикой позволяет выявить сходные и различные черты. Небольшая часть фрагментов находит прямые аналогии в посуде васюганского этапа (в группах III—IV по Л. А. Чиндиной, датируемых ею VI—III вв. до н. э.) (1984. С. 85—86, 103). Сходство прослеживается и в технологии гончарного производства, формах сосудов, технике нанесения, элементах и мотивах орнамента. Но по всем этим же показателям есть отличия карбинской посуды от одновременной ей кулайской. Прежде всего это касается формы и орнамента керамики. У карбинских сосудов более 80% плоских днщ, в то время как кулайская посуда почти всегда круглодонна. Плоское дно встречается у кулайских сосудов Новосибирского Приобья [Тронцкая Т. Н. 1979. С. 28, 32], но это обусловлено, очевидно, южным и прежде всего большебереченским влиянием. Наиболее распространенными элементами орнамента кулайской керамики являются ямочный, гребенчатый, гладкий, «уточка» и жемчужник [Чиндина Л. А. 1984. С. 82]. Из них для карбинской посуды характерен лишь первый, а «уточка» отсутствует вовсе, хотя с рубежа V—IV вв. до н. э. этот штамп в Нарымском Приобье становится эталонным для кулайской культуры. В то же время отверстие — самый популярный элемент украшения посуды Карбинского городища I — на кулайской керамике распространения не получил. Есть и другие оригинальные элементы (восьмиконечный и косой рельефные кресты) и мотивы (рис. 4—4). К юж-

ной окраине кулайской культуры тяготеет и такая техника орнаментации, как рассеченный гребенчатыми оттисками валик.

Часть керамики — целые сосуды (рис. 4—3, 6), венчики и особенно днища — находит прямые аналогии в форме с посудой тагарской культуры. Эти сосуды были прослежены С. В. Киселевым в Минусинской котловине на всех стадиях культуры (VII—II вв. до н. э.) и названы им коническими и баночными [Киселев С. В. 1951. С. 197—198, 215—219. Табл. XXVII]. Не противоречат этому и исследования Н. Л. Членовой [Членова Н. Л. 1967. Табл. 40—5, 11, 12, 43—8]. В лесостепной тагарской культуре плоскодонные банки были распространены также широко; конический тип посуды появился позже, чем в Хакасии — на тисульском этапе в V—IV вв. до н. э. [Мартынов А. И. 1979. С. 60-группы А, Б, 80]. Подобные же формы имелись и в больше-реченской керамике.

Однако параллели карбинской посуде имеются лишь в форме, сходства в орнаменте намного меньше. Если конические сосуды с р. Кети орнаментированы снизу доверху, то большинство из южных прототипов не украшены вовсе, лишь некоторые имеют обедненный орнаментальный поясик в верхней части. Большая часть элементов орнамента на карбинской керамике несет эпохальный характер — ямки, оттиски гребенки, жемчужник — и строгой культурной атрибуции не поддается. Однако так же, как есть типично кулайские элементы (штамп шеврон), так и существуют тагаро-большереченские параллели (линия ямок вверху, желобки из гребенчатых штампов) [Членова Н. Л. 1967. С. 205].

Географически наиболее близкими аналогиями карбинской керамике являются материалы из Томского Приобья, выделенные Л. М. Плетневой в шеломокскую культуру V—III вв. до н. э. Сосуды из Степановских находок, селища Шеломок I и других памятников очень близки по форме к керамике, найденной на р. Кети. Отличие содержится лишь в оформлении венчика у шеломокских сосудов более распространены прямые венчики с округлым обрезом, у карбинских — слабо выгнутые, слегка уплощенные. Набор орнаментальных элементов совпадает почти целиком, есть полные аналогии в композиции [Плетнева Л. М. 1977. Рис. 10—5, 15—2]. Однако в сравниваемых группах керамики популярность получили разные элементы украшения: на орнаментированных венчиках шеломокской посуды жемчужины встречаются в 76,1%, отверстия — в 6,6%; на карбинских венчиках эти цифры составляют соответственно 8,4% и 66,3%.

В целом керамика Карбинского городища I характеризуется следующим. Некоторые фрагменты находят аналогии среди кулайской (васюганской), тагарской и шеломокской посуды V—

III вв. до н. э. Другая, причем большая часть керамики, тяготеет по форме к сосудам Южной Сибири и Верхнего Приобья, но отличается от них наличием и характером орнамента. При сравнении тагарской, большереченской, шеломокской и карбинской посуды, очень близкой между собой по форме, наблюдается определенная закономерность: с удалением к северу орнамент на ней становится богаче и наряднее. Вряд ли здесь стоит ставить под сомнение влияние культуры лесного, прежде всего кулайского, населения. Полного тождества по форме и орнаментации керамике Карбинского городища I обнаружить не удалось.

ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ГОРОДИЩА

Корреляция датировок описанных выше находок позволяет объединить их в пределах V—III вв. до н. э. Есть отдельные отклонения крайних дат вниз до VIII в. до н. э. (бронзовые трехлопастные черешковые наконечники стрел по Л. Р. Кызласову), VI в. до н. э. (III тип кулайской керамики по Л. А. Чиндиной) и вверх до II—I вв. до н. э. (тагарские художественные бронзы по А. И. Мартынову), но все эти категории вещей бытовали и в V—III вв. до н. э.

Сложнее обстоит дело с культурной привязкой памятника. Географически он расположен в центре территории кулайской культуры, и принадлежность к ней части находок сомнений не вызывает. Но нельзя оставлять без внимания слишком уж сильные южные параллели карбинских бронз и керамики, отличия от кулайских фортификационных традиций, бронзолитейного производства. Все это резко выделяет городище из круга кулайских памятников.

По вопросу о взаимоотношениях леса и степи в Западной Сибири эпохи раннего железа, о контактах носителей кулайской, большереченской и тагарской культур существует несколько точек зрения. Так, А. И. Мартынов и Г. С. Мартынова предлагают выделять кулайскую культуру лишь со II в. до н. э., полагая, что среднеобское население VII—III вв. до н. э. входило в «культурную общность скифского времени» [Мартынов А. И., Мартынова Г. С. 1978. С. 32]. По мнению этих авторов, в IV—III вв. до н. э. в лесостепном Причулымье резко увеличилось тагарское население, а в период гуннской экспансии III—I вв. до н. э. один из миграционных потоков тагарцев хлынул в северо-западном направлении и проник в Томское Приобье и севернее. В результате этого переселения оставлены памятники Томского Приобья с тагарскими бронзами и оригинальной керамикой.

Л. М. Плетнева объединила их в шеломокскую культуру V—III вв. до н. э., которую А. И. Мартынов и Г. С. Мартынова отрицают [Мартынов А. И., Мартынова Г. С. 1978. С. 31—32]. Идею о продвижении тагарцев в V—I вв. до н. э. в Томское

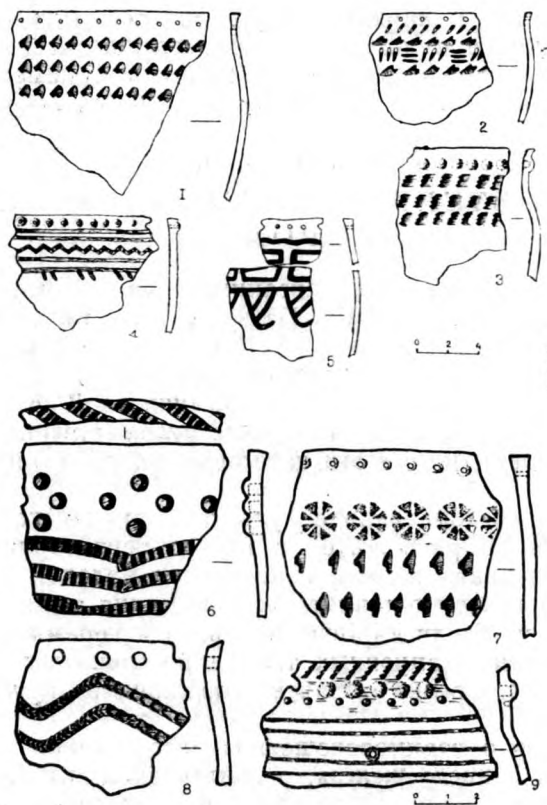

Рис 5. Карбинское городище I. Керамика

Приобье выдвигал В. А. Могильников [Могильников В. А. 1973. С. 182]. Подобное предположение высказывала и Н. Л. Членова, включив в миграционную зону не только Томское Приобье, но и р. Обь «ниже впадения Томи» [Членова Н. Л. 1964. С. 308]. Есть и противники теории западной миграции тагарцев. Так, Л. М. Плетнева, не отрицая тагарского экспорта в Томское При-

объе, на основании анализа керамики выделяет в этом регионе шеломокскую культуру из «круга культур тагарского мира», погибшую в III в. до н. э. под натиском кулайцев с севера. Проникновение собственно тагарского населения на территорию Томского Приобья ею отрицается [Плетнева Л. М. 1977. С. 64, 89–90]. Мнение о существовании особой культуры на границе Среднего и Верхнего Приобья во второй половине I тыс. до н. э. поддержано Т. Н. Троицкой [Троицкая Т. Н. 1979. С. 6], не оспаривается Н. Л. Членовой [Членова Н. Л. 1964. С. 308], Л. А. Чиндиной [Чиндина Л. А., 1984. С. 161] и другими исследователями. О невозможности широких миграций тагарцев и большебереченцев на северо-запад пишет и Л. А. Чиндина, хотя инфильтрация небольших, ассимилированных впоследствии кулайцами южных групп ею допускается [Чиндина Л. А. 1984. С. 174].

Дискуссии эти порождены в значительной мере слабой изученностью керамики контактной кулайско-тагаро-большебереченской зоны. На самом деле, сосуды Степановских находок А. И. Мартынов и Г. С. Мартынова считают тагарскими и тагаро-таштыкскими [Мартынов А. И., Маргынова Г. С. 1978. С. 31–32], Л. М. Плетнева — шеломокскими [Плетнева Л. М. 1977. С. 85]. Одну и ту же посуду Томского Приобья В. А. Могильников считает тагарской, Л. М. Плетнева — шеломокской [Плетнева Л. М. 1977. С. 54]. Керамику ряда памятников Нарымского Приобья — городищ Смолокуровского, Шаманский Мыс, селища Могильный Мыс — А. И. Мартынов относит к тагарской [Мартынов А. И. 1979. С. 152], Л. А. Чиндина — к кулайской [Чиндина Л. А. 1984. Рис. 1]. В настоящее время существует значительное количество памятников, содержащих смешанные кулайско-тагаро-большебереченские комплексы и разбросанных на обширных лесных и лесостепных пространствах. И если тагарское и кулайское бронзовое фигурное литье, благодаря своей самобытности, может служить достоверным культуромаркирующим признаком в таких комплексах (Айдашинская пещера, Степановские, Пиковские, Елыкаевские находки и пр.), то керамика в этой роли пока выступает неравнозначно. Яркие кулайские фигурно-штамповые орнаменты (прежде всего «уточка») резко контрастируют в лесостепной зоне с узорами местной керамики, предоставляя возможность корреляции. А тагарская посуда (не в чистом виде, а та, что сформировалась в контактной зоне, типа шеломокской) имеет обедненный гребенчатый и ямочно-жемчужный набор элементов, входящих, к тому же, в кулайскую орнаментику тоже. Поэтому она не вычленяется из раннежелезных керамических комплексов Нарымского Приобья. При таком положении складывается следующая картина: имея на кулайской

территории больше тагарских бронзовых изделий, чем на тагарской — кулайских, передвижение кулайцев, например, в Ачинско-Марининскую лесостепь признается, а возможность западной миграции тагарцев дискутируется.

Карбинское городище I на сегодняшний день — самый северный памятник с керамикой тагарского облика. Сейчас трудно определить его культурные истоки — тагарские, большеереченские, шеломокские или какие-то иные. Ясно лишь, что материалы городища отразили один из моментов ассимилятивного процесса, которому подверглись выходцы с юга со стороны старожильческого кулайского населения. Когда это произошло? Возможно, в V—IV вв. до н. э., когда существовали прочные связи с населением Минусинской котловины, поставлявшим бронзу как большеереченцам [Грязнов М. П. 1956], так и кулайцам [Чиндина Л. А. 1984. С. 136]. А возможно и в III в. до н. э., после разгрома скифских культур, в том числе и тагарской, гуннами и начала многочисленных этнических и культурных подвижек. Не исключено, что мощное движение кулайцев на юг сопровождалось незначительным встречным движением тагарцев. Этому не противоречит отмечаемое исследователями мирное сосуществование этих культур [Молодин В. И. и др. 1980. С. 87—88; Чиндина Л. А. 1984. С. 162—163]. Если эта миграция имела место, то вряд ли она распространялась на левобережье р. Оби. Скорее всего, основными водными магистралями могли быть, помимо р. Томи, р. Чулым и р. Кеть. Именно отсюда происходит большинство тагарских художественных бронз: Пиковские и Обь-Енисейские находки (р. Кеть), городище Заречная Горка и находки у с. Бурбино (р. Чулым) и т. д. К сожалению, почти все подобные находки в Нарымском Приобье обнаружены либо случайно, либо в составе так называемых кладов. С низовьев р. Кети (Волковское селище) известна также большеереченская керамика. На сегодняшний день крупные поселенческие комплексы с явно выраженной южной ориентацией раскопаны лишь на городищах Заречная Горка [Матющенко В. И., Сыркина Л. М. 1975] и Карбинское I.

Дальнейшие работы на описанном городище помогут углубить, конкретизировать или изменить некоторые предварительные выводы, сделанные в данной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Бельтикова Г. В. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства//Проблемы урало-сибирской археологии Свердловск. 1986. С. 63—79.

Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства. (Предварительное сооб-

- щение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск. 1984. С. 130—144.
- Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Сов. археология 1949. № XI С. 337—384.
- Борзунов В. А. Ранние уральские городища // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докл. науч. конф. Омск. 1987 С. 90—94.
- Венедиков И., Герасимов Т. Фракийское искусство. София: 1973. 407 с.
- Городцов В. А. Подчеремский клад // Сов. археология 1937 № 2 С. 113—150.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. 1980. 255 с.
- Гребнева Г. И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1982 года // Архив МАЭС ТГУ. № 893. 60 с.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // Матер. и исслед. по археологии СССР 1956 № 48. 163 с., ил.
- Завитухина М. П. Курганный могильник Сростки II на Алтае // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1966. № XXVII. С. 51—53.
- Кириллов Е. Л. Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Древние культуры евразийских степей. Л. 1983. С. 61—64.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. 1951. 641 с.
- Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Томск. 1886. 185 с.
- Кулемзин А. М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово. 1976. С. 43—56.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М. 1979. 207 с.
- Липский А. Н. Археологические раскопки в Хакасии // Крат. сообщ. ин-та истории матер. культ. М. 1956 № 64. С. 116—129.
- Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры евразийских степей. Л. 1983. С. 25—33.
- Мартынов А. И. К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири II—I вв. до н. э. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху: Кемерово 1976. С. 34—42.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: 1979. 208 с.
- Мартынов А. И., Мартынова Г. С. Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры // Ранний железный век Западной Сибири. Томск. 1978. С. 25—32.
- Матюшенко В. И., Сыркина Л. М. О новых находках эпохи раннего железа в Томско-Чулымском Приобье // Первобытная археология Сибири. Л. 1975. С. 146—150.
- Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Сов. археология. 1968 № 1. С. 260—263.
- Могильников В. А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. Томск. 1973. Вып. 7. С. 175—189.
- Могильников В. А. Находки из села Пиковки // Сов. археология 1969. № 3 С. 254—259.
- Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск. 1980. 207 с.
- Мягков И. М. Древности Нарымского края // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск. 1929 Т. 2. С. 51—86.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск. 1977. 140 с.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск. 1978. С. 51—58.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск. 1987. 144 с.

Руденко С. И. К палеоантропологии Южного Алтая//Матер. комиссии экспед. исслед. АН СССР. Л., 1930. Вып. 15 Казаки. С. 137—148.

Семенова В. И. Некоторые археологические данные о культовом почитании мест, связанных с металлургическим производством у хантов в начале II тыс. н. э.//Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск. 1985. С. 133—134.

Семенова В. И. Работы в Сургутском и Нефтеюганском районах Тюменской области//Археолог. открытия 1982 года. М. 1984. С. 229.

Семенова В. И. Раскопки Урьевских городищ//Археолог. открытия 1980 года. М. 1981. С. 208—209.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов//Матер. и исслед. по археологии СССР. М. 1961. № 101. 168 с.

Сыркина Л. М., Матющенко В. И. Раскопки поселения Самусь IV//Из истории Сибири. Томск. 1969. Вып. 2. С. 35—54.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск. 1979. 124 с.

Ураев Р. А. Кривошеинский клад//Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск. 1956. Т. V. С. 329—345.

Худяков Ю. С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири//Скифо-Сибирское культурно-историческое единство Кемерово 1980. С. 135—144.

Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии//Уч. зап. Тувин. НИИ языка, литер. и истории Кызыл. 1961. Вып. IX. С. 133—155.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тугарских культур. М. 1967. 298 с.

Членова Н. Л. Связь культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века//Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск. 1981. С. 4—42.

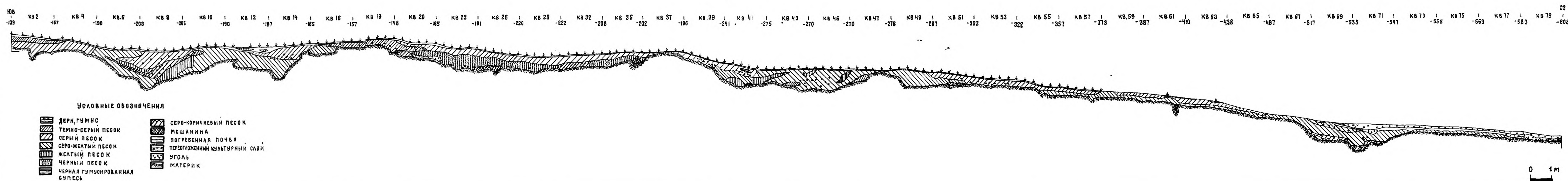
Членова Н. Л. Тагарская культура на Енисее//Древняя Сибирь (Материалы первого тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ. 1964. С. 280—308.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск. 1984. 255 с.

Чиндина Л. А. О древних западносибирских святилищах//Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докл. М. 1987. С. 209—212.

Яковлев Я. А. Отчет о работах Тымского отряда Археологической экспедиции ТГУ в 1986 г. в Верхнекетском районе Томской области//Архив МАЭС ТГУ. № 967. 18 с.

РАЗРЕЗ КАРБИНСКОГО ГОРОДИЩА I

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ИРГО	— Императорское русское географическое общество
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
ЛЧ ИЭ АН СССР	— Ленинградская часть Института этнографии Академии наук СССР
МАЭС ТГУ	— Музей археологии и этнографии Томского государственного университета
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НТ НГПИ	— Научные труды Новосибирского государственного педагогического института
СА	-- Советская археология
СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды Института этнографии
ТОКМ	-- Томский областной краеведческий музей
УАЭ	— Уральская археологическая экспедиция
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

Адамов А. А. Жилища поселения Боровое-1	3
Бардина П. Е. Обживание нового дома у русского населения Среднего Приобья	8
Кимесв В. М., Притчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев	16
Коников Б. А. Раннесредневековые жилища таежного Прииртышья. (Омская область)	31
Люцидарская А. А. Усадельный комплекс западно-сибирского города XVII—начала XVIII вв.	42
Мец Ф. И. Энеолитическое жилище Кандрашкина поселения I	51
Морозов В. М. Итоги изучения поселений позднего средневековья в бассейне Нижней Оби	57
Саар Э. А. Современный чум северных хантов	69
Селезнев А. Г. Земляные жилища барабинских татар	78
Славнин В. Д. Типы жилищ кумандинцев	86
Троицкая Т. Н., Сидоров Е. А. Жилища Большереченской культуры в Новосибирском Приобье (вторая половина I тыс. до н. э.)	97
Чемакин Ю. П., Кошаров С. Ф. Новое поселение Барсовской культуры (предварительная публикация)	106
Яковлев Я. А. Карбинское городище I — памятник раннего железного века Среднего Приобья	115
Список сокращений	143

ЖИЛИЩА НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ИБ 1637

Редактор **М. И. Сваровская**

Технический редактор **Л. Е. Дятлова**

Корректор **Г. П. Орлова**

Сдано в набор 07.07 89 г.	Подписано к печати 04.04 91 г.	
Формат 60×84 ¹ / ₁₆ .	Бумага типографская № 2.	Литературная гарнитура.
Высокая печать.	Печ. л. 9 + 1 вкл.	Усл. печ. л. 8,37.
Тираж 500 экз.	Заказ 5245.	Цена 1 р. 40 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
 Типография издательства «Красное знамя», 634050, ГСП, Томск, пр. Фрунзе, 103

1 р. 40 к.